

MILLENARIO DEL MONTE ATHOS
Convegno di studi

Venezia, Isola di San Giorgio Maggiore, 3-6 settembre 1963

*Венеция. Международная Богословская конференция,
посвященная 1000-летию Афона. 1963 г.*

*Архиепископ
Брюссельский
и Бельгийский
Василий
(Кривошеин)*

ПИСЬМА

*о горнем
и дольном*

*Богословские труды,
проповеди,
воспоминания,
письма*

САТИСЪ
Санкт-Петербург
2010

2010 год — год 110-летия со дня рождения
архиепископа Брюссельского и Бельгийского Василия (Кривошеина)

По благословению
митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского
ВЛАДИМИРА

Составитель К.И. Кривошеина

Архиепископ Василий (Кривошеин) (1900–1985) выдающийся современный богослов и ученый-патролог, видный церковный деятель, автор трудов о пр. Симеоне Новом Богослове, Св. Григории Паламе, о молитве и др., прошедший удивительный жизненный путь. 17/30 июля 2010 года исполнилось 110 лет со дня рождения владыки Василия.

На первой странице обложки — монах Василий (Кривошеин), Святая Гора Афон

ISBN 978-5-7868-0027-3

© Издательство «Сатисъ», К.И. Кривошеина, 2010 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

После кончины архиепископа Василия (Кривошеина), согласно его завещанию, бóльшая часть его книг (около 1500 томов) была передана в Ленинградскую Духовную Академию. Личный архив владыки был разделен: одна часть, с рукописями и фотографиями, перешла к брату и племяннику в Париж, другая часть, в том числе и переписка, хранилась у его многолетнего помощника и секретаря, протодиакона Михаила Городецкого. После смерти последнего, последовавшей в 2003 году, часть архива оказалась утерянной. Однако, еще при жизни отца Михаила были сделаны электронные копии некоторых писем, которые оказались нам доступными. В настоящей публикации представлены самые разнообразные письма, в том числе, и письма владыке Василию насельников русского афонского монастыря святого Пантелеймона. Есть и несколько писем самого владыки, например, его письмо митрополиту Никодиму (Ротову) с рассказом о состоянии дел на Афоне. Данные документы представляются очень интересными, так как позволяют читателям узнать из первых уст о положении «русского Афона» в 50–70 годы XX столетия — один из самых трудных периодов его существования. Владыка Василий четверть века прожил на Святой Горе и потому живо интересовался всем, что происходило на Афоне. Он переписывался с братией и всячески старался помочь им. Из переписки видно, как высоко ценили афонцы заботу владыки. В публикуемых письмах мы оставили без изменения авторский стиль изложения, прокомментировав в примечаниях некоторые имена и события, которые удалось восстановить.

Многие из писем — это уникальные документы, проливающие свет на те или иные события церковной жизни того времени, когда Церковь была лишена возможности открыто обсуждать вопросы своего внешне-го и внутреннего бытия. Владыка всегда писал и говорил то, что думал, не-взирая на обстоятельства и персоналии. Отчасти это было связано с тем, что, не будучи советским гражданином, владыка мог чувствовать себя свободнее, но это только отчасти... Всегда слова и действия покойного

архипастыря были направлены на выявление правды и проникнуты только одним — безграничной любовью к своей Церкви.

Очень ценны письма владыки к родным, ибо с ними он особенно откровенно обсуждал те вопросы, которые могли быть затронуты в официальных письмах и его обращениях в прессе. Смиренно надеемся, что наша работа поможет будущим исследователям включить многие неизвестные факты в летопись истории Русской Православной Церкви XX века. Интересно отметить и следующее обстоятельство, до некоторых пор не известное, а именно то, что на Афоне, в обители, хранятся редкие снимки времен немецкой оккупации, сделанные тогдашним представителем Русского монастыря в Киноте, иеромонахом Василием (Кривошеинным), будущим архиепископом Брюссельским. Фотолетопись Русского Афона продолжалась более или менее регулярно до конца 30-х годов прошлого столетия. Именно она донесла до нас облик преподобного старца Силуана Афонского.

Настоящая книга включает также и воспоминания самого владыки, его богословские труды и проповеди. Мы благодарим преемника владыки Василия на Бельгийской кафедре, архиепископа Брюссельского и бельгийского Симона, за возможность доступа в архив епархии и за поддержку нашей работы. Мы также благодарим за помощь секретаря Бельгийской епархии священника Сергея Моделя, без деятельного участия которого эта работа вряд ли была бы возможна. Особая признательность моей жене Елене, разделившей с нами нелегкий труд по расшифровке рукописей. А также особая благодарность Никите и Ксении Кривошеинным за постоянную поддержку в нашей работе и предоставлении редких рукописей из своего семейного архива.

Священник Димитрий Агеев,
Representation of the Russian Orthodox Church
to the European Institutions
Bruxelles, Belgique

Введение

Архиепископ

Василий (Кривошеин) и Афон

Рассказывая в «Воспоминаниях» о различных периодах своей жизни¹, архиепископ Василий (Кривошеин) ничего не говорит о двадцати двух годах, проведенных им на Афоне, хотя эта часть его жизни, безусловно, одна из наиболее важных в формировании его личности; именно Афон сделал владыку Василия таким, каким он будет всю жизнь (несмотря на то, что он станет иерархом и богословом): смиренным монахом, ведущим простую, скромную жизнь, сохранившим при этом свободу мысли и слова. Поэтому желательно, по возможности, восстановить события этих лет, используя его переписку² и другие документы, которыми мы располагаем³.

Ничто не предвещало Всеволоду Александровичу Кривошеину, четвертому сыну царского министра, служить Церкви. Родившийся в 1900 году, в Санкт-Петербурге⁴, молодой студент исторического факультета не был особенно религиозен, когда в 1919 году вступал в Белую армию. Однако бедствия революции и гражданской войны, а также живое переживание того, как несколько раз Бог спас его от смерти⁵, оставили неизгладимый след в его душе. С отмороженными руками и ногой он был эвакуирован в 1920 году во Францию. Здесь, на филологическом факультете Сорбонны, он закончил учебу, которую начинал в родном городе, на историческом факультете Санкт-Петербургского университета, а затем Московского.

В 1924–25 годах В. Кривошеин принимает активное участие в русском студенческом христианском движении (РСХД) во Франции, где он встречается с Н. Бердяевым, Б. Вячеславцевым, о. Сергием Булгаковым. С этого времени возникает у него интерес к отцам Церкви (с самого начала учебы его интересовала Византия), а епископ Вениамин (Федченков), будущий инспектор Свято-Сергиевского Православного богословского института в Париже, внушает ему любовь к православному богослужению. Как объяснит позднее владыка Василий, его интересы эволюционировали от истории к философии, а затем к — богословию⁶. Одним из первых он записывается в Свято-Сергиевский Институт, который открылся в Париже, в апреле 1925 года⁷, и в течение шести месяцев посещает лекции.

Афонский монах

В сентябре 1925 года В. Кривошеин участвует в съезде РСХД, в монастыре Хопово, в Сербии⁸ (здесь он знакомится с митрополитом Антонием [Храповицким]) и отсюда, вместе со своим сокурсником Сергеем Сахаровым (будущим архимандритом Софронием), отправляется в паломничество на Афон, который его привлекал как место воплощения подлинной православной духовности. Получив, с большими трудностями⁹, разрешение на посещение Святой Горы, два молодых человека прибывают 19 сентября¹⁰ (2 октября) 1925 года на Афон и, начиная с русского монастыря святого великомученика Пантелеимона, обходят монастыри Святой Горы. Очарованные Афоном, они 21 ноября (4 декабря) — в праздник Введения во Храм Пресвятой Богородицы — вступают в братию Свято-Пантелеимоновского монастыря. Накануне праздника Благовещения, 24 марта (6 апреля)

1926 года, послушник Всеволод принимает постриг в рясофор с именем Валентин, а 5 (18) марта 1927 года — в мантию с именем Василий, в честь святого Василия Великого. Впоследствии владыка Василий расскажет, как их принимали в монастырь: их отправили к старцу, который спросил будущего о. Софрония: «Для чего Вы сюда приехали?» — «Для одинокой созерцательной жизни». — «Вот хорошо, так вот ты пойд и стань помощником сторожа дверей». А будущему владыке Василию говорит: «А Вы для чего приехали?» — «Я приехал заниматься исследованиями богословскими, рукописями афонскими». — «Вот хорошо, так ты иди на кухню¹¹». И продержали того и другого некоторое время там, чтобы они стали в первую очередь монахами¹².

Вскоре два молодых монаха получают иное послушание: для нужд общины игумен просит о. Василия, как и о. Софрония, изучить греческий язык (древний и современный), который они изучают вначале в монастыре, потом в Карее (административной столице Афона). После двух лет обучения и пребывания в Карее (1927–1929) они возвращаются в монастырь, где монах Василий назначается секретарем (грамматикосом), в обязанности которого входит переписка с администрацией Афона, Вселенской Патриархией и с греческими правительственными учреждениями, а также деловая переписка по экономическим вопросам. Поскольку он один из немногих монахов, знающих основные европейские языки¹³, ему также поручено сопровождение паломников и посетителей Афона, среди которых были ученые византологи, интересующиеся древними манускриптами, а также католические монахи, изучающие православную монашескую жизнь. Сам будущий владыка жалуется матери в письме от 30 января 1932 года, что после Пасхи «опять пойдут иностранцы (всех национальностей)», с которыми он должен

будет «возиться», даже если «среди них попадаются люди с духовными запросами и интересом к Православию¹⁴» .

Сохранился следующий эпизод: 1932 год. Один католический богослов спрашивает отца Василия: «Какие книги читают ваши монахи?» — И в ответ он слышит: «Иоанна Аествичника, аввы Дорофея, Феодора Студита, Кассиана Римлянина, Ефрема Сирина, Варсанофия и Иоанна, Макария Великого, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Никиты Стифата, Григория Синаита, Григория Паламы, Максима Исповедника, Исихия, Диадоба, Нила и других отцов, имеющихя в “Добротолюбии”». «У нас таких авторов читают лишь профессора», — удивился он. — «Они читают также и иные творения святых отцов Церкви и сочинения позднейших писателей-аскетов, как например: епископа Игнатия (Брянчанинова), епископа Феофана Затворника, преподобного Нила Сорского, Паисия Величковского, Иоанна Кронштадтского и других», — добавил отец Василий, который рассказал потом об этой беседе старцу Силуану (Антону). «Вы могли бы ему сказать, что если бы эти книги исчезли, монахи написали бы новые¹⁵», — заметил святой Силуан Афонский.

По поводу непосредственно монашеской жизни о. Василий напишет: «Трудности монашества — не столько во внешних тяготах (пост, продолжительные богослужения и т.д.), сколько во внутренней душевной брани. А еще в умении извлекать душевную пользу и поддерживать "божественное желание" в обычном ходе монастырской повседневной жизни. Все опять сводится к "стяжанию Духа Святого" — в чем преподобный Симеон Новый Богослов и преподобный Серафим Саровский усматривают цель всей духовной жизни и даже условие нашего спасения! Не могу сказать, чтобы я хоть сколько-нибудь преуспел на этом пути. Характер мой за эти годы почти не изменился сравнительно с тем,

что был в миру. Больше читаю о духовной жизни, нежели прохожу ее на деле. Читаю вообще много и в ущерб молитве. Хорошо только, что в монастыре имеются некоторые старцы большой духовной жизни [...] от них можно многому научиться¹⁶».

Но в целом мы мало знаем об афонской жизни монаха Василия. Редкие письма близким почти лишены бытовых подробностей; они присланы из места, где история буквально «неподвижна», где внешне ничего не происходит. «Все по-прежнему¹⁷», «все тихо и благополучно¹⁸» — вот лейтмотив монашеской жизни, отраженный в письмах о. Василия.

С 1937 по 1942 годы отец Василий — член монастырского совета и второй чрезвычайный представитель монастыря на общеафонских собраниях, где обсуждаются вопросы, интересующие все общины Афона. В 1942 году он становится постоянным представителем (антипросопом) Пантелеймонова монастыря в Киноте Святой Горы (афонском «парламенте»), а в 1944–45 годах — членом Святой Эпистасии (административного органа Афонских монастырей¹⁹).

Наряду с административным послушанием, монах Василий начинает изучать труды отцов Церкви. Монастырская библиотека (одна из самых богатых на Афоне) и ценнейшее хранилище древних рукописей становятся источниками его вдохновения. Изданное в 1936 году, в Праге, его систематическое исследование — первое! — о богословии святого Григория Паламы²⁰, становится классическим. Позднее его исследования о Симеоне Новом Богослове и других отцах Церкви сделают его одним из главных представителей «нео-патристической» школы православного богословия.

Монастырь Святого Пантелеймона, во время пребывания там монаха Василия, насчитывал многих, глубоко духовных, людей. Кроме игуменов монастыря Мисаила (Сопегина), а затем

Илиана (Сорокина, духовника о. Василия) и архимандритов Кирика (исповедника общины) и Феодосия (отшельника Карулии), там были такие известные монахи, как отцы Вениамин (отшельник Кавсокаливия), Диадох, Трофим и Силуан. Несмотря на это, монастырь испытал период кризиса, по причине старения и резкого уменьшения числа монахов (вызванного войной и большевистской революцией, а затем запретом, исходящим от греческих властей, которые не разрешали поселяться на Афоне новым русским монахам): с 550 монахов в 1925 году (их было 2000 до 1914 года) число монахов уменьшилось до 380 в 1932 году и до 180 — это были уже, в большинстве своем, люди очень пожилые — в 1947 году²¹. В качестве секретаря монастыря и его представителя в Киноте монах Василий пытался противостоять запретительным мерам греческих властей, что вызывало недовольство лиц, враждебных русскому монашеству на Святой Горе. В сентябре 1947 года он был ложно обвинен в просоветских настроениях (это было время гражданской войны в Греции) и вынужден покинуть Гору Афон²². Он был даже временно арестован греческими властями²³ прежде, чем его освободили, и в мае 1950 года он оказался в Афинах, а затем в феврале 1951 года уехал в Оксфорд. Здесь он станет священником, затем епископом, никогда не переставая чувствовать себя, прежде всего, афонским монахом.

Афон после Афона

Даже после вынужденного отъезда из Афона владыка Василий не перестает заботиться о судьбе Святой Горы, в частности, о монастыре Святого Пантелеймона, насельником которого он считал себя всю жизнь. Везде, где бы он ни жил (в Оксфорде, Париже, затем в Брюсселе), его образ жизни всегда будет нести

отпечаток монашеской простоты; темы богословских исследований, которые он выбирает, и смирение, с которым он приступает к Отцам, обычно отмечены печатью его «афонства»; но главным образом, он продолжает интересоваться современной ситуацией на Афоне, он поддерживает постоянную переписку с монахами, принимает паломников и читает все, что в той или иной мере касается Афона²⁴. Он также приложит усилия, чтобы всеми возможными способами оказать помощь монастырям²⁵.

Каждый раз, при удобном случае, он пытается привлечь внимание священноначалия (например, митрополитов Николая [Ярушевича] и Никодима [Ротова] — поочередно председателей отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата) к положению афонского монашества и необходимости поддержать его. И если митрополиту Никодиму, которому удалось отправить на Святую Гору новых русских монахов²⁶, монастырь святого Пантелеймона обязан своим возрождением, это, несомненно, произошло благодаря неоднократному и настойчивому вмешательству владыки Василия.

В ноябре 1959 года, в Фессалонике, он участвует в праздновании 600-летия кончины Григория Паламы, а в сентябре 1963 года — в праздновании тысячелетия Горы Афон, в Венеции. Однако только в августе 1976 года владыке Василию, наконец, вновь удастся отправиться на Святую Гору (он вернется туда в апреле-мае 1977 года и в августе 1979 года²⁷). Со слезами на глазах — под звон всех монастырских колоколов, которые всегда звонят в честь епископов — он вступает на территорию монастыря, которую был вынужден покинуть 29 лет назад. Один иеромонах монастыря впоследствии расскажет: «Дел у меня в монастыре было очень много; с утра до вечера хожу, хлопочу. И владыка Василий целами днями за мной ходил и просил: “Ты

меня еще раз поисповедуй, ты меня еще раз поисповедуй!»²⁸» Несомненно, пребывание на Афоне вызывало у владыки Василия желание очистить свою душу от всего, что ему пришлось пережить за время своего отсутствия в монастыре. В конце своей жизни сам, став опытным духовником, он будет стремиться передать ненавязчиво, и часто незаметно, хоть немного от этого афонского опыта тем, кто приходил к нему.

«Братолюбивый нищий»

Несмотря на то, что владыка Василий был известным богословом, вызывавшим интерес у читателей, он действительно оставался человеком очень скромным, человеком, который не кичился своей духовностью и бережно хранил свой внутренний мир, сосредоточившись на поиске «света Христова»²⁹. Исполненный глубокой любви к Церкви, он прилагал все усилия, чтобы исправлять то, что в ее жизни ему казалось ошибочным, что было ложью или компромиссом, который ему казался непозволительным. Сам он старался всегда говорить правду, при этом никого не осуждая, как подобает афонскому монаху.

Одна родственница спросила владыку Василия, в чем состоит духовное окормление в афонской традиции. Он ответил: «У меня был старец в первые два года моей жизни на Афоне, его звали отец Кирик, позже его направили в Чехословакию; вот тогда была совершенно особая старческая жизнь. А вообще монахи на Афоне все очень замкнутые. Как сказано в житии Марии Египетской, что свидетелем ее жизни был только Сам Бог, так и на Афоне: каждый живет своей внутренней духовной жизнью». На вопрос «Почему такая личность, как старец Силуан, не был замечен монахами, живущими рядом с ним?» он ответил: «Он

делал свое дело и всегда молчал. Никто на Афоне никогда своим внутренним миром не делится³⁰».

В некрологе, посвященном владыке Василию, профессор Вордеккерс из Бельгийского Общества Византийских исследований написал: «В его заключительной книге [биография Св. Симеона Нового Богослова], во многих местах, мы узнаем в свойствах Симеона свойства самого ее автора, всю жизнь бывшего “братолюбивым нищим”³¹». Нам кажется, что эта характеристика ему вполне соответствует.

*Священник Сергей Модель,
кандидат политических наук,
секретарь Брюссельско-Бельгийской епархии
Московского Патриархата*

Примечания:

1. См. архиепископ Василий (Кривошеин), Воспоминания. Письма, Нижний Новгород, изд. Братство Св. Александра Невского, 1998.
2. См. архиепископ Василий (Кривошеин). Из переписки с Афоном // Церковь и Время, № 40, 41, и 43. М., 2007–2008.
3. Среди которых интересная «Автобиографическая заметка» найдена в архивах архиепископа Василия.
4. Более подробную биографию владыки Василия см.: отец Сергей Модель, Архиепископ Василий (Кривошеин) Брюссельский и Бельгийский: биографический очерк // Церковь и время, № 37, 2006. С. 182–195.
5. См. архиепископ Василий (Кривошеин). Спасенный Богом. Воспоминания, СПб., изд. Сатисъ, 2004.
6. См.: Письмо брату Игорю от 25 декабря 1956 г., А. Мусин (ред.). Церковь владыки Василия (Кривошеина), Нижний Новгород, изд. Братство Александра Невского, 2004. С. 51–52.
7. См.: Свято-Сергиевское подворье в Париже: К 75-летию со дня основания. Париж–СПб., изд. Храм преп. Сергия/Алетейя, 1999.
8. См.: Л. Зандер. Съезд в Хопове // Путь, 1926, № 2. С. 116–121.
9. Греческие власти после большевистского переворота 1917 г. не разрешали русским посещать Св. Гору и только провиденциальная халатность

полицейского, контролирующего вход, позволила В. Кривошеину и С. Сахарову достичь монастыря святого Пантелеймона. См.: отец Плакида [Десе́й]. Архимандрит Софроний и Афон // *Contacts, Revue française de l'orthodoxie* [Контакты, французский журнал Православия], № 209, Paris. P. 32.

10. Даты даны по юлианскому календарю, принятому в Русской Церкви и на Афоне.

11. По другим свидетельствам, первым послушанием будущего архиерея была починка облачения в мастерской.

12. Архиепископ Василий (Кривошеин). *Две встречи*. СПб., изд. Сатись, 2003. С. 6.

13. Кроме русского, и теперь греческого, он свободно владел французским, английским и немецким.

14. Из письма к своей матери, 30 января 1932, в книге: Архиепископ Василий (Кривошеин). *Воспоминания. Письма*. С. 498.

15. Архимандрит Софроний. Преподобный Силуан Афонский. *Житие, учение и писания*. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2002.

16. Архиепископ Василий (Кривошеин), *Воспоминания. Письма*, с. 498.

17. Из письма к матери, от 14 декабря 1938, в книге: А. Мусин (ред.). *Церковь владыки Василия (Кривошеина)*. С. 33.

18. Из письма к матери, от 14 февраля 1940. Указ. соч. С. 40.

19. В это время монах Василий делает фотографии Кареи, которые сегодня представляют редкую хронику монастырской жизни во время немецкой оккупации.

20. Монах Василий (Кривошеин). *Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы*, *Seminarium Kondakovianum*, VIII. Prague, 1936. С. 99–154.

21. Уменьшение числа монахов продолжается: в 1956 году осталось лишь 75 монахов, 35 — в 1961 и 20 — в 1965. Если бы, начиная со второй половины 1960 года, не разрешили приезда нескольких новых монахов, русское монашество на Горе Афон совершенно бы исчезло.

22. Причиной, по которой он был выслан из страны, было отсутствие официального разрешения въезда на Гору Афон (см. примечание 4), разрешения, о котором власти своевременно вспомнили спустя ... двадцать два года.

23. Он был заключен в лагерь на острове Макрониссос в Эгейском море.

24. Например, архиепископ Василий тщательно сохранил Православ-

ный церковный календарь на 1976 год (издание Московской Патриархии), только потому, что он был посвящен Афону.

25. См.: архиепископ Василий (Кривошеин). Из переписки с Афоном // Церковь и Время. Указ. соч.

26. См.: митрополит Ювеналий (Поярков). Взаимоотношения Руской Православной Церкви и Афона в XX веке, [<http://www.patriarchia.ru/db/text/149350.html>]; архиепископ Василий (Кривошеин). Воспоминания. Письма, указ. соч., митрополит Ювеналий. Человек Церкви: К 20-летию со дня кончины и 70-летию со дня рождения митр. Ленинградского и Новгородского Никодима [Ротова]. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1999. С. 371–375.

27. См.: Журнал Московской Патриархии, № 12, декабрь 1979. С. 11.

28. Церковь владыки Василия. С. 416 и 464.

29. Книга владыки Василия о Симеоне Новом Богослове на французском языке так и называется «В свете Христа».

30. Церковь владыки Василия. С. 417. По этой причине владыка Василий проявит сдержанность по отношению к некоторым трудам о Софония.

31. Byzantion. Revue internationale des Études byzantines [Международный журнал Византийских исследований] t. LVI, 1986. P. 11.

**АФОН
В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ
ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ**

I

Доклад об Афоне — задача нелегкая. Трудность ее происходит не только от того факта, что уже столь многое было написано о Святой Горе. Существует обширная литература об Афоне на многих языках и самого разнообразного типа. На первом месте — описания путешественников и посетителей Афона². Самое старое из них принадлежит русскому иеродиакону Зосиме из Новгорода, который посетил Афонскую Гору в 1420 году и оставил краткое описание своего путешествия. Следующее написано итальянцем Буондельмонти, посетившим Афон в середине XV столетия. С тех пор, вплоть до нашего времени, такого рода описания непрерывно появляются в свет. Другие книги по истории, археологии, искусству, юридическому строю³ и монашеской жизни Афона могут быть добавлены к этой основной массе впечатлений путешественников... Такая литературная продуктивность, несомненно, указывает на непрерывный и живой интерес к этой монашеской стране в течение последних столетий и до наших дней, как со стороны восточного, так и западного мира в равной степени. Но все эти книги обычно обилуют неточностями и не дают полной картины Афона вообще и его духовной жизни в частности, и потому Святая Гора продолжает в глазах многих оставаться тайной и вопросом. Диаметрально противоположные взгляды были высказаны о ней. Такое разли-

чие в оценке может быть в значительной степени объяснено тем обстоятельством, что большинство из них основывается на кратковременных посещениях лиц, не знакомых не только с местным языком, но и почти со всем, касающимся Православной Церкви, восточного монашества и его духовной жизни. Нередко даже серьезные и ученые работы об Афоне, как например, длинная статья Каралевского в «*Dictionnaire de l'Histoire et de Geographie Ecclesiastiques*»⁴, полны таких больших ошибок и неточностей⁵, которые никогда не были бы терпимы в историческом труде по любому другому вопросу, кроме Афона, о котором почему-то каждый считает себя в праве говорить все, что только ему вздумается. Впрочем, в качестве примера серьезной и объективной книги, удачно сочетающей впечатления путешественника с историческим обзором, может быть упомянута превосходная работа проф. Даукинса «*Монахи Афона*»⁶. Тем не менее даже и эта книга не свободна от неточностей и не рассматривает глубоко духовную жизнь монахов.

В настоящем докладе я ограничусь немногими словами о месте Афона в духовной жизни Православной Церкви в прошлом и настоящем. Я предполагаю, что здесь все знают в общих чертах историю Святой Горы, и потому нет нам необходимости подробно останавливаться на ней. Афон как монашеская страна, по-видимому, существует с VII–VIII вв. Его возникновение может быть связано с мусульманским завоеванием Египта, Палестины и Сирии и с распространением монофизитской ереси в этих странах. После потери Востока центр православного монашества был перенесен на Афонскую Гору, хотя этот процесс и потребовал сравнительно долгого времени для своего завершения. Так, в IX веке мы видим только первые элементы организованной монашеской жизни на Афоне в виде небольших обителей с центральным управлением. Первый большой монастырь, Лавра

св. Афанасия, был основан в 963 году. К 972 году относится первый общий «Статут» Св. Горы, так называемый «Трагос» (т. е. «Козел», потому что был написан на пергамене, сделанном из козлиной кожи), подписанный прп. Афанасием и императором Иоанном Цимисхием⁷. В XI–XII вв. Афон был уже вполне организован — с многочисленными монастырями различного типа, центральной администрацией, с монахами разных национальностей, греками на первом месте, далее — грузинами, болгарами, русскими и сербами. Даже латиняне имели там монастырь св. Марии Амальфийской. Он держался латинского обряда, но был под юрисдикцией Константинопольского Патриарха, даже после откола Запада от Восточной Церкви. Этот период, хронологически продолжавшийся до латинских нашествий на Восток, так называемого четвертого крестового похода, завоевания Константинополя латинянами (1204 г.) и основания латинского королевства в Салониках, может быть рассматриваем как одна из наиболее цветущих эпох в истории афонского монашества. Более двухсот монастырей были разбросаны по всему пространству Св. Горы. Монашеское население было тогда, по-видимому, бóльшим, чем в какой бы то ни было иной период. Некоторые историки даже говорят о 50 000 монахов, живущих на Афоне; это число, однако, нам представляется сильно преувеличенным, и более вероятным надо считать население того времени достигавшим 15 000 монахов. Духовно этот период определяется большой личностью прп. Афанасия Трапезундского (ум. около 1000 г.). Мудрый организатор общежительной жизни, замечательный духовный руководитель, он был человеком очень широких взглядов. Прп. Афанасию удалось привлечь на Афон своею святостью и мудростью монахов из всех частей христианского мира. У него были особенно тесные отношения с грузинами (объясняемые, быть может, тем обстоятельством, что его мать

была грузинкой) и с латинянами. Благодаря его поддержке, Иверский (Грузинский) и Латинский монастыри были основаны на Св. Горе. Иверский монастырь вскоре стал значительным центром грузинской культуры, где много книг было переведено на грузинский язык. Устав Лавры, выработанный прп. Афанасием, носит следы устава прп. Венедикта⁸. Вероятным здесь можно признать влияние соседнего Латинского монастыря. Такое сверхнациональное представление о Св. Горе, как центре вселенского православного монашества, стоящего выше национальных различий, может быть рассматриваемо как завещание прп. Афанасия всем будущим поколениям афонских монахов.

Однако в этот период (X–XII вв.) Афон не играл еще значительной роли в истории восточной духовности. Нет сомнения, что средний духовный уровень монастырей был тогда достаточно высок, но лишь очень немного духовных писаний принадлежит афонским монахам этого периода. Кроме прекрасного и, в высшей степени, исторического жития преподобного Афанасия⁹ и нескольких уставов, скорее юридического характера, единственным значительным духовным творением этого времени является житие пустынноика прп. Петра Афонского¹⁰. Хотя оно и лишено исторических данных, но замечательно как раннее изложение исихастской духовности, а также своим особенным почитанием Божией Матери как Покровительницы Св. Горы. Позже, в XIV веке, св. Григорий Палама воспользовался этим житием и литературно обработал его в целях апологии исихастского идеала¹¹. На Афоне преобладала в этот период общежительная жизнь — большие монастыри, и это, может быть, одна из причин его непродуктивности в области духовной литературы. Уже прп. Иоанн Лествичник отметил подобное явление среди пахомиевских монахов. Во всяком случае, большие духовные писатели этой эпохи не принадлежат Афону, как, например, великий ми-

стик и выдающийся писатель, младший современник прп. Афанасия — прп. Симеон Новый Богослов (+1022)¹² и его ученик Никита Стифат, жившие оба в Константинополе, а также Илья Экдик, Филофей Синайский и др.

Синайская Гора, вопреки своей изоляции на Востоке, и Константинополь все еще продолжают быть в X–XII вв. центрами мистицизма, но Афон готовится уже принять их наследство и развить далее их духовные учения, что и совершилось в XIII–XV вв.

С духовной точки зрения, XIII–XV столетия — лучший период Афона, хотя внешне это время изобиловало для него всякими бедствиями. Нашествия и грабежи латинских крестоносцев в XIII веке; они даже построили особую крепость на границах Афона, так называемую «Франко-кастро» (Замок Франков), для более удобного совершения грабежей на Св. Горе. Еще более ужасными были опустошения Каталонских наемников, которые в начале XIV века сжигали на Афоне целые монастыри с их монахами. Грабежи со стороны турок в конце того же века. Преследования со стороны униатского императора Михаила VIII, который пытался силою навязать унию с Римом. Все эти бедствия, обрушившиеся на Афон, имели своим естественным последствием укрепление и развитие того антиримского настроения, которое с тех пор является весьма характерной чертой его монахов. Духовно, однако, Афонская Гора среди этих тяжелых испытаний расцвела и стала центром одного из величайших мистических движений в истории Православной Церкви, известного под именем «исихазма». Это название происходит от слова «исихия», означающего буквально «покой» («безмолвие» — по церковнославянски). Это выражение обозначает состояние мистического покоя, когда человек освобождается от действия воображения и рассеянности мыслей и молитвенно весь сосредоточивается на внутреннем человеке, что содействует более чистому богообщению.

нию и восприятию благодати Святого Духа. Это состояние никак не следует смешивать с тем, что известно на Западе под именем «квиеизм».

В этой духовности нет ничего особенно нового, разве только интенсивность этого движения в XIV веке и его широкое распространение как среди монахов, так и среди светских людей. По своему существу это было древнее созерцательное и мистическое предание восточного монашества, уже представленное в IV–V вв. Евагрием и Макарием. Это древнее учение созерцательной жизни, стремящееся к видению Бога, испытало сильное влияние, начиная с V века и позднее, теории и практики так называемой Иисусовой молитвы, которая представляет собою своего рода «умную молитву», сосредоточенную на имени Иисусовом. Афон не создавал этой молитвы. Древнейшими центрами ее были, по-видимому, Палестина, Египет и, особенно, гора Синай, откуда она распространилась по всему православному миру, проникая даже в широкие светские круги. Она достигла Афона в своем уже развитом и, скорее, окончательном виде, со своим традиционным текстом, выраженным следующим образом: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя»¹³. Обыкновенно думают, что участие Афона в развитии этой молитвы состояло в выработке ее психотехнической стороны. Мы имеем в виду соединение непрерывной молитвы с ритмом дыхания, сосредоточение внимания в сердце, которое рассматривается как центр духовной деятельности, а также известное положение тела во время молитвы (как, например, сидение на низкой скамье, с головой, наклоненной вниз так, что подбородок касается груди). Мы не можем, однако, согласиться, чтобы вся эта «психотехника», столь важная в восточной духовности, была бы «изобретена» афонскими монахами¹⁴. Это, скорее, продукт долгого аскетического опыта, который научил монахов эффективности этих

приемов в деле сосредоточения внимания на предмете молитвы и для предотвращения рассеянности мыслей и воображения. Это делание древнего происхождения не ограничено Афоном. Так, мы находим уже в «Духовных Беседах», приписываемых прп. Макарию Великому (IV–V вв.), учение о центральном месте сердца в духовной жизни. У прп. Иоанна Лествичника (VII в.), Исихия Синайского (VIII в.) и других находится много указаний на роль дыхания в молитве, как и на другие телесные приемы. Самый ранний аскетический памятник, описывающий подробно «техническую», или «художественную», молитву, — «Слово о молитве и внимании», приписываемое прп. Симеону Новому Богослову, очевидно, не принадлежит Афону¹⁵. Хотя подлинность его не достоверна, хронологически оно относится к X–XI вв. и географически, вероятно, принадлежит Константинополю. На Афоне мы впервые встречаем этот вид Иисусовой молитвы в писаниях прп. Никифора Монашествующего, который жил во второй половине XIII века. В своем слове «О трезвении и хранении сердца»¹⁶ прп. Никифор очень обстоятельно описывает действие сердца в молитве, а также и роль дыхания. Стоит отметить, что прп. Никифор был человеком западного происхождения, вероятно итальянцем, обращенным в Православие. Он доказал свою преданность Православной Церкви во время преследований со стороны униатского императора Михаила Палеолога и почитается на Афоне как исповедник. Его латинское происхождение, может быть, объясняет его особый интерес к физиологическим вопросам и широкое пользование физиологическими описаниями (например, сердца) в своих аскетических писаниях. Деятельность его, однако, не имела, по-видимому, большого влияния на афонских монахов. Великий аскет XIV века св. Григорий Синаит (+1346) должен быть рассматриваем как главный начинатель великого духовного возрождения на Св. Горе. По своему

прибытии на Афон, после долгого пребывания в различных монастырях Востока, Григорий нашел на Св. Горе, как он сам говорит, много добродетельных и благочестивых людей, но лишь немногих подлинных созерцателей, обладающих умною молитвою в ее высших степенях. Но даже и они приобрели молитву только из практики и не знали ее теории, и были неспособны научить ей других. Прп. Григорий сам научился Иисусовой молитве на Синайской Горе и еще более на Кипре, от одного св. старца Арсения. Следует отметить, что эта молитва всегда передавалась путем личного научения. Преподобному Григорию Синаиту удалось создать на Афонской Горе своим личным руководством и своими писаниями сильный подъем духовной жизни. Это была созерцательная школа, основанная, главным образом, на делании Иисусовой молитвы в ее наиболее разработанной и технической форме. С этого момента и на долгое время Афон стал духовным и даже богословским центром Православной Церкви с громадным влиянием на весь православный мир. Прп. Григорий предпринял ряд миссионерских путешествий по православным странам с целью распространения своих идей о созерцательной жизни и непрестанной молитве. Действенно помогал ему в работе духовного возрождения другой великий святой Афона, прп. Максим Кавсокаливский. Существуют четыре жития этого святого, изданные несколько лет тому назад в «*Analecta Bollandiana*»¹⁷. Прп. Максим, в отличие от прп. Григория, был простым человеком, без образования. Он не оставил письменных творений, но он был подлинным носителем благодати Святого Духа. Это был харизматик, прозорливец и чудотворец. Этот простой человек был глубоко осведомлен в самых тонких вопросах духовной жизни. Он имел живой интерес к богословским спорам своего времени и занимал в них совершенно определенную позицию. Тем не менее он не из книг приобрел благодать

непрестанной молитвы. Она была дарована ему как особый дар Божией Матерью. С прп. Максимом Кавсокаливским вновь появляется на Афоне древняя мистическая тема восточной духовности, — видение Божественного Света, занимающая столь центральное место в мистическом опыте и учении Макария и прп. Симеона Нового Богослова. В житиях прп. Максима находится много описаний такого видения, «невидимого видения», как он сам говорит, сверхчувственного и невещественного, но тем не менее объективного и действительного, так что один из учеников святого, Марк Простой, мог однажды видеть прп. Максима, во время молитвы окруженного огненным облаком. Иногда это видение Света сопровождалось ощущением сверхчувственного благоухания. Учение прп. Максима об экстатических состояниях, когда прекращается всякая молитва, также является чрезвычайно важным. Здесь прп. Максим близко соприкасается с великим сирийским мистиком VIII в. Исааком Ниневийским¹⁸.

Со святым Григорием Паламой исихастское движение вступает в период догматических споров и богословских построений¹⁹. Св. Григорий Палама, скончавшийся в 1359 году архиепископом Фессалоникийским, был в течение всей своей жизни тесно связан с Афоном. Он стал там монахом в возрасте 21 года, после того как покинул Константинополь, где родился в знатной семье и получил блестящее образование. Он жил долгое время на Афоне, был в течение трех лет игуменом общежительного монастыря Есфигмен, но отказался от настоятельства по любви к «исихии» (безмолвию) и жил как пустынный в окрестностях Лавры прп. Афанасия. Он, вероятно, остался бы там до конца своих дней, если бы только калабрийский монах Варлаам, своеобразный авантюрист и поверхностный ученый эпохи Возрождения, совершенно чуждый духовной жизни, не вздумал бы после краткого пребывания на Афоне начать ожесточенное

нападение на созерцательных монахов Св. Горы за их занятие непрестанной Иисусовой молитвой. Он осмеивал их психотехнические приемы и иронически называл их «omphalopsychoi». Этим прозвищем он инсинуировал, будто бы монахи верят, что душа человека имеет своим седалищем пуп! Но утверждение это было, конечно, ложным. Варлаам пришел к произвольным выводам из плохо понятых аскетических учений. Он основывал их на мнениях невежественных лиц. Св. Григорий Палама оставил свое уединение и взялся за защиту исихастского аскетического учения. Полемика очень скоро покинула аскетическую почву и сосредоточилась на богословских и метафизических вопросах, таких как Несозданный Божественный Свет, природа благодати, существо (ousia) Божие в его отношении к Божественным энергиям и др. Некоторые современные ученые упрекают Паламу за то, что он оставил созерцательную жизнь ради догматической полемики²⁰. Такой упрек несправедлив. Помимо того, что Палама вступил в догматическую полемику не по своему личному почину, но по настоянию монашеских властей Афона, он, действуя так, только шел по традиционному пути древних аскетических отцов, которые никогда не были безразличны к догматическим вопросам, так тесно связанным с духовной жизнью. Подобные упреки могли бы быть сделаны прп. Максиму Исповеднику за его вмешательство в антимонофелитскую полемику или прп. Феодору Студиту за его защиту почитания святых икон. Великие аскетические святые никогда не были безразличны к Православию, особенно когда они считали, что еретические учения подкапывают основания духовной жизни. А это было особенно верно в настоящем случае. Мистический опыт и все аскетические усилия человека лишены смысла и теряют свою ценность, если Свет, который озаряет созерцателя в его единении с Богом, не является действительно Божественным и несозданным. Созерцатель-

ная жизнь только тогда получает свое оправдание, когда через нее достигается непосредственное соприкосновение с Божеством, если Свет, видимый мистиком, тождествен по своей природе со Светом Преображения, осиявшим Господа на Фаворе. Все противники Паламы — Варлаам, Акиндин, Никифор, Григорас и др. — отрицали эти существенные основания подлинного мистического опыта. Действуя так, они вступали в противоречие с древней святоотеческой традицией Восточной Церкви, выраженной в творениях св. Григория Богослова и прп. Иоанна Дамаскина, которые учили, что Свет Преображения был Славой Божией, явлением Божества²¹, вечным, бесконечным, несозданным, как это определенно утверждает прп. Иоанн Дамаскин в своей проповеди на Преображение²². Мы не намерены пытаться изложить здесь спор о сущности и энергиях Божиих, скоро занявший центральное место в этих прениях. Он более принадлежит к богословским или даже метафизическим областям, чем к области духовной жизни. Тем не менее он был тесно с нею связан. Различие между недоступной и непостижимой Сущностью и несозданными энергиями Божества, могущими быть причастными человеку, является традиционным в восточной патристике (Каппадокийцы, прп. Иоанн Дамаскин и др.). Оно только было дальше развито и более полно выражено Григорием Паламой. Это позволило ему богословски обосновать и утверждать действительность единения с Богом и «обождения» по благодати без впадения в какое бы то ни было пантеистическое смешение тварного с Творцом. В то же время апофатическое учение о непостижимости Божественной сущности оправдывало мистический путь приближения к Богу против более интеллектуальных методов некоторых византийских кругов, подпавших под влияние западной схоластики.

В этой богословской борьбе Палама был не один. Его актив-

но поддерживал весь Афон. Мы можем здесь указать на знаменитый «Святогорский Томос», этот своего рода манифест исихастского движения с изложением всех его главных богословских пунктов, составленный в начале спора афонским монахом Филофеем Коккиносом, будущим Константинопольским Патриархом²³. Он был подписан игуменами Св. Горы на общем собрании в ее столице, Карее. Легко понять значение Афона в общих церковных делах этого периода по большому числу Вселенских Патриархов, бывших до своего избрания на этот пост монахами Св. Горы. Упомянем только некоторых из них, которые оставили след в истории духовности. Каллист I-й, автор «Жития прп. Григория Синаита»²⁴ и других творений, не изданных до сих пор. Уже упомянутый Филофей Коккинос, крещеный еврей, биограф св. Григория Паламы и других современных ему святых; весьма замечательный богослов²⁵ Каллист II-й, глубокий мистический писатель. Он, вероятно, составил в конце XIV века, совместно с Игнатием Ксанфопулом, выдающееся руководство исихастской духовности²⁶. Это сочинение не потеряло своего значения и жизненности даже до настоящего времени. Оно также интересно, как свидетельствующее о том, что духовное водительство на Св. Горе в этот период перешло от больших общежительных монастырей к более мелким монашеским поселениям, именуемым скитами, полуотшельнического типа и с более созерцательными целями. Мы можем также причислить к афонским писателям бывшего императора Иоанна Кантакузина. После своего отречения он постригся в монахи в монастыре Ватопед, на Афоне, под именем Иоасаф. Кроме выдающейся истории исихастского периода, он также оставил несколько богословских трактатов такой ценности, которую трудно ожидать от писаний бывшего императора, даже византийского. К сожалению, нужно сказать, что и эти труды в большей своей части остаются неизданными.

II

Этот период XIV века является, несомненно, наиболее интересным и выдающимся временем в духовной истории Афона. К сожалению, он не продолжался долго. В течение первых веков турецкого владычества Св. Гора не была очень деятельна духовно. Святость, однако, продолжала процветать там, и у нас есть много святых этого периода: прп. Нил (XVII в.), прп. Иерофей (XVII в.), прп. Акакий (XVIII в.) и другие. Но мы не много знаем о них, так как им не пришлось найти таких прекрасных биографов, как их предшественники исихастского периода. Новый тип святых турецкого времени тесно связан с Афоном — новомученики. Это были христиане, замученные турками за их исповедание святой веры. Значительной частью их были афонские монахи, другие вдохновлялись на мученичество монахами. Афонские монахи учили, что христианин, отрекшийся от своей веры и ставший мусульманином (что нередко случалось в эти времена угнетения), не может удовлетвориться частным покаянием в отступничестве, но должен открыто отвергнуть ислам и открыто исповедать христианскую веру пред лицом турок. Такое отвержение ислама магометанином строго каралось турецкими законами: лица, так поступавшие, жестоко умерщвлялись. Святогорское учение о необходимости открытого исповедания породило много мучеников. Некоторые осуждали его как требующее слишком много от человеческой природы. Многие, однако, осуществили его на деле. Оно было выражением преданности афонских монахов своей вере и серьезности, с которой они относились к вопросам, касающимся спасения.

Новый замечательный период начался на Афоне во второй половине XVIII века. Он продолжался до Греческого Восстания (1821 г.) и, может быть, даже далее. Св. Гора вновь заняла руково-

дящее место в духовной жизни православного мира. Мы не имеем здесь в виду основание Богословской Академии на Афоне. Она существовала там в течение некоторых лет под руководством известного греческого ученого XVIII века Евгения Вулгариса (†1816 г.), очень достойного человека с энциклопедическими знаниями, хотя скорее эклектика и, может быть, несколько поверхностного²⁷. Он соединял в себе преданность православным догматам и даже обычаям церковным со склонностью к идеям немецких философов эпохи Просвещения. Нетрудно понять, что его учение, пропитанное философией Вольфа и достаточно отдаленное от святоотеческого предания, встретило сильное противодействие среди афонских монахов, может быть, и неученых, но стоящих ближе к источникам православного учения. Вулгарис был вынужден покинуть Афон и уехать в Россию, где он был хиротонисан во епископа. В России времен Екатерины II-й он нашел более сродную для себя среду, чем на Афоне. Его Академия просуществовала недолго и была заменена более элементарной школой. Большее значение должно быть придано замечательному духовному движению за возрождение подлинных монашеских традиций и возвращение к более глубокому представлению о духовной жизни, имевшему место на Афоне в тот же период. Оно было соединено с именами трех выдающихся греческих личностей: Макария, бывшего епископа Коринфского, Никодима Святогорца и Афанасия Парийского²⁸. Макарий — святой Православной Церкви. Недавно мы с глубоким удовлетворением узнали, что Вселенская Константинопольская Патриархия рассматривает в настоящее время предложение о канонизации также и Никодима Святогорца, весьма почитаемого всеми монахами Афона. Совместно с Макарием он боролся за восстановление древнего духовного созерцательного предания, во многом забытого на Афоне в течение времен. Они считали, что главней-

шим путем для достижения нового высокого духовного уровня является изучение подвижнических и мистических отцов, делание Иисусовой молитвы и более частое причащение Св. Таин. Монашеская, и вообще религиозная, жизнь их современников была очень отдалена от их цели, и им пришлось вести большую борьбу в защиту своих взглядов и за их распространение. Особенно много противников даже на Афоне встретил их призыв к частому причащению. Начался большой и ожесточенный спор. Как это часто, однако, бывает, главное препирательство не столь много касалось самых важных вопросов, как, например, Иисусовой молитвы или частого причащения, но сосредоточилось на второстепенных пунктах, а именно, позволительно ли совершать поминовение умерших в воскресные дни? Как правило, Православная Церковь посвящает памяти усопших субботний день, ибо суббота — день покоя. Однако монахи одного из скитов, занятые в течение седмицы постройкой церкви, перенесли заупокойную службу на воскресенье. Их поступок вызвал осуждение некоторых фанатических групп. Никодим и Макарий выступили на защиту монахов, поминавших усопших по воскресениям. Они доказывали, что для христиан нет несовместимости между смертью и воскресением. Смерть для них более не печальное событие, и потому ее можно вспоминать и в радостный день. Противники вскоре прозвали их насмешливым прозвищем «коливады» (от слова «коливо» — кутья из пшеничных зерен, приносимая в церковь и благословляемая в память усопших). Это ироническое прозвище, данное сторонниками более высокой жизни, напоминает прозвище «омфалоскопы», данное Варлаамом исихастам XIV века. В защиту частого приобщения Макарий Коринфский издал в Венеции, в 1777 году, книгу, за которой последовали другие писания Никодима и Афанасия Парийского. Все они были сторонниками более частого причащения, чем это было обычно

принято среди монахов и мирских того времени. Другие лица, однако, например, Неофит Кавсокаливский, тоже афонский монах, отвечали в противоположном духе. Вселенская Патриархия заняла, скорее, нерешительное положение в этом споре. Сначала она одобрила книгу Макария, но позже осудила ее, а под конец отменила свое осуждение и оставила вопрос открытым. Великий Патриарх св. Григорий V (повешенный турками в 1821 г.) был убежденным сторонником частого причащения и всегда поддерживал это движение. Он был тесно связан со Святой Горой, где прожил много лет в изгнании. Он много потрудился над восстановлением в больших афонских монастырях общежительного порядка, который во время турецкого владычества был в сильной мере заменен своеобразной системой, называемой «идиоритм». Основные монашеские обеты — послушания и бедности — были ощутительно ослаблены в этом неканоническом строе, разрешающем монахам владеть личной собственностью. «Идиоритмизм» во многом содействовал духовному упадку Афона. До наших дней он составляет одну из самых слабых сторон Святой Горы.

Многое было также сделано для восстановления древнего аскетического предания созерцательной жизни. Никодим был очень плодовитым духовным писателем. Некоторые из его писаний, как, например, «Невидимая брань», обнаруживают влияние западной духовности, а другие его труды имеют большую ценность, например, «Духовное руководство». Эта замечательная книга интересна как попытка дальнейшего развития исихастской аскетической практики. Но самым важным литературным произведением этого периода является, несомненно, «Филокалия» («Добротолюбие»), — замечательный аскетический и мистический сборник, изданный в Венеции, в 1782 году, Никодимом Святогорцем и Макарием Коринфским. Эта

духовная хрестоматия сделала доступными для широких кругов православного народа, как монахов, так и мирян, лучшие писания древних отцов, об умной молитве в особенности. До этого времени они были погребены в неизданных рукописях афонских библиотек. Сборник этот был очень скоро переведен на славянский и румынский языки. «Добротолюбие» сильно содействовало оживлению духовной жизни и помогло вернуться к подлинным аскетическим преданиям во всех православных странах. Это особенно верно по отношению к России, где оно было во многих изданиях широко распространено. Первый славянский перевод был сделан Паисием Величковским, выдающейся духовной личностью XVIII столетия. Русский по происхождению, он умер в Румынии, где провел последнюю часть своей жизни как организатор и настоятель больших монастырей. Мы слышали, что Румынская Церковь также рассматривает вопрос о причислении его к лику святых. Жизнь Паисия Величковского ярко освещает всеправославное значение Афона для духовной жизни этого периода. Паисий вначале был монахом в России. Неудовлетворенный духовными условиями того времени в русских монастырях, он отправился сначала в Румынию, затем на Афон в поисках более высокой духовной жизни. Но и на Афоне сначала он был разочарован тем, что там нашел. Это было до того, как духовное движение «коливадов» успело принести свои плоды. Впоследствии, однако, он лично познакомился с прп. Макарием Коринфским и другими святыми личностями. На него произвели глубокое впечатление их жизнь и их работа по собиранию творений мистических отцов для издания «Добротолюбия». И как только эта книга вышла в свет, он перевел ее на славянский язык. Много исследований было написано о русских духовных руководителях, о старцах XIX века, особенно об Оптиных, но не должно терять из виду того обстоятельства, что источником их был Афон

и «коливады» конца XVIII века со св. Макарием Коринфским во главе. Правда, русские старцы приобрели большее влияние на русскую жизнь XIX века, чем греческие «Геронты» в своей собственной стране. Они также имели больше связей с интеллектуальным миром. Для примера мы можем указать на таких лиц, как Достоевский, Гоголь, Киреевский, находившихся под сильным влиянием Оптиных старцев. Тем не менее нечто подобное существовало и в Греции. Двое выдающихся новых греческих писателей, Александр Пападиамандис (†1908) и Александр Мораитидис (†1930), испытали сильное влияние афонских монахов, как в своей жизни, так и в писаниях²⁹. Мораитидис, в особенности, был глубоко религиозным человеком. Его духовником был афонский монах по имени Дионисий. Мораитидис на старости лет сам постригся в монахи в монастыре места своего рождения, на маленьком острове Скиафо, недалеко от Афона. Из русских писателей Константин Леонтьев, оригинальный философ и литератор большого таланта, имел, несомненно, больше всех отношение к Афону. Скорее язычник в первую часть своей жизни, он стал горячим, хотя и своеобразным, православным после посещения Св. Горы в шестидесятых годах прошлого столетия. Он умер послушником Лавры прп. Сергия, близ Москвы³⁰.

III

В каком духовном состоянии находится в настоящее время Афон? Какое место занимает в наши дни Св. Гора в духовной жизни Православной Церкви? Я не имею притязаний дать удовлетворительный ответ на эти вопросы. Столь многие после кратковременного посещения пытались уже разрешить их в своих писаниях. Когда имеешь о чем-либо личный и долгий опыт, то иногда еще труднее сделать определенные заключения и тем более прогноз будущего. Я ограничусь немногими замечаниями.

Афонская Гора переживает в настоящее время острый и опасный кризис с неопределенным исходом. Много причин этого кризиса — как внешних, так и внутренних. При всем своем единении, Св. Гора все же составляет часть мира и то, что происходит вовне, имеет свое отражение в ее жизни. Самым ярким выражением критического состояния Афона является, конечно, быстрое уменьшение монашеского населения. В начале текущего столетия, перед Первой мировой войной, на Афоне было почти 10 000 монахов. Теперь их меньше двух тысяч. Само по себе это число (2000) еще не так мало. В прошлом, как, например, в XVI–XVII веках, на Афоне часто бывало такое же по численности население. Только в первый период (XI–XII вв.) и во вторую половину XVIII столетия, вплоть до Греческого Восстания 1821 года, а также в начале XX века — население Св. Горы достигало 10 000 монахов и даже более. Тем не менее быстрота уменьшения числа монахов за последние 40 лет является тревожной. Некоторые из причин этого явления, скорее, внешние и даже политические. Афон был отрезан недавними историческими событиями от большей части православного мира. Он был отрезан от России со времен Первой мировой войны и от Балканских православных стран, кроме Греции, со времени Второй мировой войны. В результате Афон стал менее доступен для людей этих стран, чем он был в прошлом. Политика греческого правительства по отношению к национальным меньшинствам обострила еще более этот процесс изоляции Св. Горы. Большие трудности были созданы для лиц не греческого происхождения, желающих стать монахами в Афонских монастырях. Следует с сожалением отметить, что эти меры причинили вред не только славянским и румынским обителям, но и Св. Горе в целом. Афон никогда в истории не был и не может стать достоянием одной только нации. Он всегда был всеправославным центром монашества, доступным

православным людям всех наций. Мы можем здесь напомнить о той значительной роли, которую играли на Афоне грузины — в древний период, сербы — со своим историческим Хилендарским монастырем в XIII–XVI веках, и русские — в XIX веке³¹. Каждая из этих наций сделала большой духовный и культурный вклад (не говорю уже о материальном) в дело процветания Афона, не отнимая от него при этом его преимущественно греческого характера. Ограниченный одной нацией Афон потерял бы свое значение всеправославного центра и скоро пришел бы в упадок. И на самом деле, тот же самый процесс уменьшения населения происходит и в греческих монастырях, хотя и более медленным темпом. В наши дни не находится достаточного числа лиц, приходящих монашествовать на Афон; и из этого числа приходящих лишь часть действительно остается на Св. Горе. Кроме того, за последнее время замечается стремление немалого числа монахов уходить в мир для церковной работы. Что за причины этого печального положения, не существовавшего в прошлом? Прежде всего следует отметить общее ослабление религиозной жизни в наши дни и большую склонность среди верующих, скорее, к деятельной миссионерской работе, чем к созерцательной жизни. Аскетические строгости афонского монашеского устава трудно усваиваются современными людьми, особенно теми, кто избалован современным комфортом. Чувствуется также недостаток в духовном руководстве вообще и, в частности, правильного воспитания послушников в некоторых монастырях. Уклонения от канонического строя и от подлинного отеческого предания, существующие в новой юридической организации Афона, делают возможными большие несправедливости, которые весьма вредно отражаются на монашеской жизни (например, в отношениях между различными классами монахов в идиоритмических монастырях, равно как и в отношениях между «господствующими»

монастырями и их «зависимостями» — келлиями и скитами). Отсутствие богословского образования на Афоне и трудности, встречаемые учеными, когда они хотели бы посвятить себя богословским занятиям в монастырях, — все эти и многие другие причины имели своим последствием то, что монашеское население Афона свелось, главным образом, к пожилым людям, свыше 50-ти или даже 60-ти лет. Трудно сейчас найти кого-нибудь моложе 30-ти лет. В негреческих же монастырях таких лиц совершенно нет. Отсутствие молодых работоспособных монахов создает огромные трудности для монастырей в исполнении церковных служб и всех вообще монастырских работ. Еще более тяжки неблагоприятные духовные последствия этого явления — т. е. отсутствия молодых монахов — в том, что жизнь монастырей становится вялою, бездеятельною, упадочною. Почти то же самое можно сказать и о недостатке образованных людей. Конечно, православное монашество никогда не рассматривало науку и ученость как цель или существенную сторону, или даже оправдание монашеской жизни. Оно всегда было открыто для лиц всех состояний и уровней образования. Никакого различия никогда не делалось между образованными и необразованными среди братьев. И поступая так, восточные монахи находятся ближе к подлинному духу древнего монашества, чем некоторые монашеские ордена на Западе, которые ввели различия между «отцами» и «братьями», основанные главным образом на разнице в уровне образования. Тем не менее когда монашеская община состоит почти исключительно из необразованных людей и они господствуют в ней, то такое положение вещей не может быть благоприятным для духовной жизни. Оно может даже иметь опасные последствия в смысле сохранения подлинных преданий монашества. Как отличны были условия в прошлом, когда Афон среди своих монахов насчитывал столь много высококультурных людей!

И все же, несмотря на только что сказанное, Афон продолжает занимать совершенно исключительное и незаменимое место в духовной жизни Православной Церкви. Это единственное место, где древнее монашеское предание Востока, во всем своем разнообразии, все еще представляет собою, вплоть до наших дней, живую человеческую действительность. Оно господствует там над всей жизнью и придает этой стране свой особый отпечаток. Это одно из немногих мест, где Византийское богослужение все еще совершается в течение всего церковного года во всем его богатстве и красоте. В приходских церквях и даже в монастырях вне Афона мы обыкновенно можем видеть только обрывки полного православного богослужения. Св. Гора — это одно из тех немногих мест во всем мире, где писания и учения таких великих аскетов и мистиков Православной Церкви, как Макарий Великий, прп. Иоанн Лествичник, прп. Симеон Новый Богослов и другие, составляют не только предмет чисто теоретического изучения и исследования немногих ученых-специалистов (патрологов и византологов), но являются живым духовным преданием, такими реальностями, которые глубоко переживаются всем нашим существом и воистину являются нашим насущным духовным хлебом. Мне вспоминается разговор, который я однажды имел на Афоне с одним немецким профессором. Он спросил меня: «Какого рода книги больше всего читают ваши монахи?» В ответ я назвал многих аскетических писателей и среди них прп. Иоанна Лествичника. «Как, — с удивлением воскликнул профессор, у нас только очень немногие высокообразованные люди способны читать такие творения, как Иоанна Лествичника. Ваши монахи должны быть очень образованными людьми». Профессор не мог понять, что когда кто-нибудь принадлежит к живому преданию Церкви, он не нуждается в больших теоретических познаниях для того, чтобы понимать писания, выра-

жающие это предание. И на самом деле, многие необразованные афонские монахи отлично могут читать и понимать не только Лествичника, но даже и Исаака Сирина, и Симеона Нового Богослова, и других отцов, и является фактом величайшего значения, что древнее аскетическое предание Православной Церкви сохраняется живым на Афоне. Для того, чтобы оценить по достоинству всю значительность этого явления, нужно вспомнить, что большинство современных православных богословов почти совершенно не знает аскетического предания. Они даже не проявляют к православному мистицизму того теоретического интереса, который мы часто видим у многих западных ученых. Нередко они не знают даже имен великих мистиков, почитаемых святыми нашей Православной Церковью. К сожалению, почти то же самое может быть сказано о некоторых современных христианских движениях в Греции и, я предполагаю, в других православных странах также. Я имею в виду такие движения, как «Зои» («Жизнь»), «Актинес» («Лучи») и др., которые сосредотачивают свое внимание на миссионерской работе, на проповеди и на деятельной жизни вообще. Нет сомнений, они проделали большую и ценную работу в своей области, но их отчужденность от православного духовного предания умной молитвы и созерцательной жизни вообще придает всем этим движениям некоторую поверхностность, оставляющую духовно неудовлетворенными многих из их молодых и искренних членов. Так, я помню, как в Афинах один молодой диакон, бывший монах Св. Горы, жаловался мне на ту духовную пустоту, которую он ощущает в своей деятельности в качестве члена одного из таких христианских движений. «И самое худшее, — прибавил он, — что никто из наших руководителей меня не понимает». Он был бы очень рад вернуться обратно на Афон. Несомненно, более тесная связь между современными христианскими движениями и

духовным преданием Православной Церкви во многом могла бы помочь этим движениям в их работе по восстановлению исповеди и духовного руководства среди мирян. И здесь Афон мог бы сыграть значительную роль.

Большее значение, чем простое сохранение аскетического предания, имеют его духовные плоды. Они могут быть кратко определены как святость, которая является даром Святого Духа. В ней заключено настоящее оправдание монашеской жизни. Но, спрашивается, можно ли в наше время найти на Афоне святость? Современнику очень трудно дать объективный ответ на этот вопрос. Окончательное суждение об этом принадлежит Церкви. Я же только могу позволить себе выразить в немногих словах мое личное убеждение. На Афоне даже теперь много людей высокой духовной жизни и действительной святости. В течение прожитых мною на Св. Горе лет я встретился со многими отцами разных национальностей, произведшими на меня глубокое впечатление явным присутствием в них благодати Святого Духа. Этот факт для меня вне сомнения. И я могу добавить, что вне Афона я никогда не встречал людей, столь явно просвещенных благодатью. Отцы — монахи, которых я имею в виду, — принадлежат к различным видам монашеской жизни, т. е. и общежительные, и отшельники. В качестве примера святого человека, благоухающего благодатью Святого Духа, я могу указать на монаха Пантелеимоновского монастыря, отца Силуана, скончавшегося в 1938 году³². Вся его жизнь отмечена печатью святости, выражавшейся в его глубоком смирении и любви к людям. Это был, пожалуй, единственный человек из всех, кого я знал, который никогда не осуждал ближнего своего. У него, несомненно, была весьма богатая внутренняя жизнь. Он обладал даром непрестанной умной молитвы. Крестьянин по происхождению, без всякого светского образования, он стяжал исключительную духовную мудрость.

Все, кто имел возможность общаться с ним, скоро убеждались в этом. Он был одним из тех духовных отцов, которые способны сказать каждому именно то, в чем он нуждается. После его кончины остались записи, в которых мы находим его духовные размышления и опыт. Язык его писаний иногда, быть может, неискусен, но, несмотря на это, они производят глубочайшее впечатление своею подлинностью и совершенно особым характером. Нередко они достигают высоты древних мистических творений святых отцов. От личного общения с ним многие испытали на себе его сильное и благотворное влияние, изменившее коренным образом всю их дальнейшую жизнь.

В заключение выражу мысль, что подлинное назначение Афона состоит, прежде всего, в том, чтобы порождать такие явления святости, каковым был среди других сей блаженный старец Силуан. И покамест это продолжается, существование Святой Горы вполне оправдывается, и сохраняется ее великое значение в духовной жизни Вселенской Православной Церкви.

*Иеромонах Василий,
монастыря св. Пантелеимона на Афоне*

Оксфорд, 1952

(«Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего экзархата», 1952. № 12. С. 5–23)

Примечания:

1. Доклад, прочитанный 31 января 1952 г. на собрании Оксфордского отделения Содружества муч. Албания и прп. Сергия.

2. Сравнительно хорошая библиография об Афоне указана в статье «Athos», С. Karalevsky, «Dictionnaire d'Histoire et de Geographie Ecclesiastiques», 5 (1931), col. 54–124. Самая библиография занимает в ней колл. 120–124. См. ниже наше замечание об этой статье.

3. Самое подробное исследование о юридическом строе Св. Горы может быть найдено в книге Д. Петракакоса «Монашеское государство Св. Горы», Афины, 1925 (по-гречески). Книга эта несколько тенденциозна в пользу больших («Господствующих») монастырей. Противоположную тенденцию (в пользу малых обителей, «келлий») можно видеть в исследовании Хр. Ктенаса, «Монашеские учреждения Св. Горы», Афины, 1929 (по-гречески).

4. См. прим. 2.

5. Например, Каралевский утверждает, будто бы существующий «Статут» («Канонизм») Св. Горы (1926 г. Текст см. у Петракакоса, а также в отдельном издании) разрешает свободный переход общежительных монастырей в идиоритмические и обратно (колл. 99). В действительности, только переход идиоритмических в общежительные разрешен, в то время как превращение общежительных в идиоритмические запрещено безусловно (ст. 85 «Статута»). Также неверно — будто бы идиоритмические монастыри избегают постригать в «рясофор» (нечто среднее между послушником и монахом, без монашеских обетов). — Колл. 104. Наоборот, идиоритмические монастыри полны рясофорными монахами, которые остаются там в этом состоянии полумирских, полумонахов всю свою жизнь. В греческих общежительных монастырях «рясофор» — явление уже более редкое. В некоторых же греческих монастырях, и особенно в малых греческих обителях, в скитах и келлиях, нередко встречается тенденция единого монашеского пострига — «схима». Среди же русских «рясофор» явление почти общее, но рассматривается он только как период испытания, как временная переходная стадия к постригу. Представления Каралевского о центральном монашеском управлении Св. Горы еще более фантастичны; так, он совершенно не упоминает о «Священном Киноте» и вместо него несколько раз говорит о воображаемой им «Великой Епистасии» (Колл. 90) как о высшем правящем учреждении Афона. В действительности же существует «Священная Епистасия» только как чисто исполнительный, лишенный всякого влияния и инициативы орган «Священного Кинота» (Собрание представителей 20 монастырей), который является высшим правящим учреждением Св. Горы, совместно с «Полугодичным Собранием» представителей тех же монастырей, как законодательным и судебным учреждением. Еще большей полнотой власти обладает так называемое «Священное Двойное Собрание», где каждый монастырь бывает представлен двумя монахами. Интересно отметить, что «Канонизм» 1926 г. не упоминает о «Двойном Собрании», вследствие чего некоторые Афонские Губернаторы (назначаемые в Афинах Греческим Министерством

Иностранных Дел) пытались, в своем незнании предания Св. Горы, оспаривать законность «Двойного Собрания». Но в действительности «Собрание» это продолжает обладать наибольшими полномочиями на Св. Горе.

6. R. Dawkins: «The Monks of Athos». London, 1936. Voir compte rendu de ce livre: B. Krivocheine. «Les Legendes de l'Athos». Byzantion, 14 (1939). P. 662–666.

7. Текст у Ph. Meyer: «Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster». Leipzig, 1894. P. 141–151. Подлинность успешно доказывается у F. Dolger: «Die Echtheit des "Tragos"». Byzantinische Zeitschrift 41 (1941). P. 340–350.

8. См.: Н. G. Beck. «Die Benedictiner Regel auf dem Athos». Byz. Zeitschrift, 44 (1951). P. 21–24.

9. Самая древняя версия его жития издана М. Помяловским. СПб., 1895.

10. См. греческий текст у Kirsopp Lake: «The Early Days of Monasticism on Mount Athos». Oxford, 1909. P. 18–39.

11. Migne P. G. 150. 996–1040.

12. Самая последняя книга о нем: Hermenegild M. Biedermann. «Das Menschenbild bei Symeon dem Jüngeren dem Theologen». Würzburg. 1949. Как и все предыдущие работы о прп. Симеоне, она не основывается на греческом подлиннике его «Слов», который до сих пор еще не издан, но который мы вскоре надеемся опубликовать в сотрудничестве с проф. J. Hussey.

13. По истории Иисусовой молитвы см.: «Un moine de l'Eglise d'Orient. La Prière de Jesus. La genese et son developpement dans la tradition byzantinoslave». Irenikon, 20 (1947). P. 249–273; 381–421. И также наш доклад на Патристическом съезде в Оксфорде (1951): «Дата традиционного текста «Иисусовой молитвы»» (Русский перевод опубликован в № 10 «Вестника Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата». С. 35–38).

14. Такое мнение мы находим в статье J. Hausherr: «Note sur l'inventeur de la methode d'oraison hesychaste». — Orientalia Christiana, 20 (1930). P. 179–182. По-видимому, того же мнения держится и автор «La Prière de Jesus» (P. 272).

15. Греческий подлинник см.: J. Hausherr. Orientalia Christiana, 9 (1927).

16. P. G. 147. 945–966.

17. Митрополитом Евлогием Курилой и Ф. Халкиным (F. Halkin) в «Analecta Bollandiana», 54 (1936). P. 42–109.

18. Английский перевод его творений (с сирийского подлинника): «Mystic Treatises by Isaac of Nineveh». Translated from... Syriac Text... by A. J.

Wensinck. Verbandelingen der K. Akademies... Amsterdam. Nieuwe Reeks. Deel XXIII. Amsterdam. 1923.

19. Новые работы о св. Григории Паламе: 1) M. Jugie: «Palamas» Dictionnaire de Theologie Cath., 12 (1932), col. 1735–1776. 2) M. Jugie: «Palamite (Controverse)», *ibid.*, col. 1777–1818. 3) Монах Василий (Кривошеин): «Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы». *Seminarium Kondakovianum*, 8 (1936). P. 99–154. 4) V. Lossky: «La Theologie de la Lumi`ere chez SaintGregoire de Thessalonique» — «Dieu Vivant», (1945). P. 95–118. 5) Архим. Киприан: «Антропология св. Григория Паламы». Париж. 1950 г.

20. См. статью: «La Pri`ere de Jesus». P. 388.

21. «Слово на св. Крещение» — P. G. 36. 365 A.

22. P. G. 96. 565 A.

23. P. G. 150. 1225–1236.

24. Издано М. Помяловским. СПб., 1894 г.

25. См. о нем интересную статью: V. Laurent: «Dict. de Theologie Catholique», 12 (1934), col. 1408–1509. Его «Житие св. Германа Святогорца» было недавно издано П. Иоанну, «*Analecta Bollandiana*», 70 (1952). P. 50–114.

26. P. G. 147. 636–812. См. также: A. M. Amann. «Die Gottesschau im palamitischen Hesychasmus»: «*Das ostliche Christentum*». N. F. 3/4. 2 Aufl. Wurzburg. 1948.

27. См. о нем: Д. К. «Начинатели естественных наук в Греции», в журнале «*Актинес*», 6 (1943). Афины. С. 92–98 (по-гречески).

28. В высшей степени интересная статья об этом периоде: Г. Веритис. «Перевоспитательное движение Коливадов и оба Александра из Скиафо» в «*Актинес*», 6 (1943). С. 99–110 (по-гречески).

29. См. Веритиса в предыдущем примечании.

30. См. о нем книгу Н. Бердяева: «Константин Леонтьев». Париж.

31. О русских на Афоне, см. A. Soloviev: «*Histoire du Monast`ere Russe au Mont Athos*». — *Byzantion*, 8 (1933), 213–238. Была издана и в русском переводе.

32. См. о нем замечательную книгу: Иеромонах Софроний. «*Старец Силуан*». Париж, 1952.

ПИСЬМА К РОДНЫМ

1. Письмо матери из Константинополя*

1 октября 1920 г.

Дорогая мама,¹

Не понимаю почему теряются все твои письма. Единственное твоё письмо было от 22 августа и с тех пор ни слова. Пиши мне лучше на Русское посольство полковнику Чайковскому.

Константинополь мне, конечно, надоел. Турецкое искусство малоинтересно, это только подражание Византии. В нём нет утончённости, но зато большая грандиозность. Издали мечети красивые, но вблизи и внутри почти всегда разочаровываешься. Но все эти купола и минареты придают Стамбулу несравненную живописность. Резко выделяется на этом фоне св. София. Это действительно чудо искусства.

В прошлую пятницу был на селямлики. Это еженедельный выезд Султана из дворца на молитву в мечеть. При этом бывает огромное скопление народа, войска в ярких одеждах, кавалерия на чудных лошадях. Приятно смотреть на их полк. У Султана вид настоящего монарха: несмотря на старость и болезненность, у него много величия; видна старая раса. Забавно мне было наблюдать, как за его экипажем плетутся министры, а войска постоянно трижды кричат «халиф!».

* В письмах сохранен стиль монаха Василия.

Мечтаю, дорогая мама, отсюда уехать хоть куда-нибудь. Лучше в Крым, а если нет, то в Париж. Здесь мне оставаться бессмысленно. Единственное моё утешение — это стихи Gautier (Готье). Бодлер правильно его назвал «*poète imprescable*» (безупречный поэт). Я скоро буду знать наизусть всю его книгу. Помнишь ли ты его стихотворение «*Coquetterie posthume*» («Посмертное кокетство»)? Ни с чем не сравнимо. Как бы я рад быть с тобою в Париже! Как надоели мне эти болтания по варварскому востоку. Я теперь ненавижу всяческую экзотику. Ничто так не приедается, как она.

Струве обещает устроить меня в Оксфорд. Это так хорошо, что я не смею даже мечтать. Скорей бы уехать отсюда!

Целую тебя и Киру².

*Гика*³

P.S. Уже 8 месяцев, как я уехал из России!

От папы письма получаю. От тебя ни разу.

Примечания:

1. Мать владыки Василия — Елена Геннадиевна Кривошеина, урождённая Карпова (1870–1942, Париж). Дочь профессора истории Императорского Московского университета Г.Ф. Карпова, племянника Саввы Морозова (ее мать, Анна Тимофеевна Карпова, урожд. Морозова, — младшая сестра мецената).

2. Кира — младший брат. Кирилл Александрович Кривошеин, рожд. 19.04.1903, Петербург — 30.05.1977, Мадрид. В эмиграции с 1920 г., служил в Банке «Лионский кредит» — Париж. Участник французского Сопротивления. Награжден французским правительством. Автор книги об отце «А.В. Кривошеин (1857–1921). Его значение в истории России начала XX века», Париж, 1973 г.

3. Гика — детское и семейное прозвище владыки Василия.

2. Письмо Ольге Васильевне Морозовой

(К этому письму приложена открытка с видом на Русский
Монастырь на св. Афонской Горе)

Св. Афон
Рус. Пантелеимонов Монастырь
1 января 1926 г.

Милая и дорогая моя тётя¹!

Спешу уведомить тебя, что я на днях получил твоё письмо с выражением родственных чувств твоих, этим был глубоко тронут. Сердечно благодарю за твою любовь и дорогую для меня ласку. Искренне рад и душевно признателен тебе, милая тетя, за твоё всегдашнее доброе участие в моей судьбе и жизни, которая сложилась столь чудным образом, что Царица Небесная благоволила и меня принять под Свой благодатный покров вместе с насельниками Ея земного корабля (не разборчиво) — св. Афонской Горы. Такое событие в моей жизни приписываю твоим родственным сердечным обо мне молитвам. Спаси тебя Царица Небесная!

В свою очередь и я буду до конца моей жизни о тебе искренний богомолец и благодарный племянник твой, недостойный послушник Всеволод.

Примечание:

1. Ольга Васильевна Морозова — тетушка. Урожденная Кривошеина (20.05.1866, Варшава — 12.09.1953, Париж). Родная сестра Александра Васильевича Кривошеина, отца владыки Василия. Она вышла замуж за Сергея Тимофеевича Морозова, младшего брата Саввы Морозова. Таким странным образом семья Кривошеиных дважды находится в родстве с Морозовыми (см. выше).

3. Письмо О.В. Морозовой

11 июля 1926 ст.ст. Св. Афон
Рус. Монастырь Св. Вел. Пантелеимона

Дорогая Тётя!

Сегодня день твоего Ангела. Поздравляю и молитвенно желаю, чтобы предстательством твоей Небесной Покровительницы, Блаженной княгини Ольги, получить тебе от Господа Бога великую и богатую милость — мир душевный, телесное здоровье и вечное спасение. Мой духовник, отец Архимандрит Кирик, по моей просьбе, служил молебен св. Блаженной княгине Ольге о твоём здравии и спасении как о имениннице, и затем мы поздравляем тебя заочно в сердце своём.

Передай моё поклонение С.Т.¹ с пожеланием молитвенным всего доброго и спасительного.

Я, слава Богу, вполне здоров и мирен... Да помогает тебе Господь Бог и Пречистая Матерь Его во всех делах и начинаниях благих.

*О сем бо и есмь и пребуду
твой племянник монах Валентин*

Примечание:

1. С.Т. — Сергей Тимофеевич Морозов. Родной брат мецената Саввы Морозова и муж Ольги Васильевны Кривошеиной. Скончался в Париже и похоронен вместе со своей супругой, на знаменитом русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, под Парижем.

4. Письмо матери

17/30 января 1932 г.

преп. Антония Великого

Дорогая мама, милость Господня да будет с тобою!

Получил на днях твое письмо. Прости, что не поздравил тебя с Праздниками: сначала было много другой работы, а потом уже оказалось поздно... У нас Праздники прошли по-обычному. Особенно только праздновалась память преподобного Серафима Саровского (по случаю столетия его смерти). Обычно в этот день бывает полиелей (надеюсь, что, пожив в Обители Нечаянной Радости, ты разбираешься в разных видах богослужения и в их названиях), в этом году было устроено торжественное бдение. В другие годы мы не устраиваем бдения 2 января, так как накануне бывает бдение святителю Василию Великому, но в этом году было совершено два бдения подряд: святителю Василию Великому (1 января) и преподобному Серафиму Саровскому (2 января). Тем не менее, бдение преподобному чудотворцу Серафиму Саровскому (совпавшее с воскресной службой) прошло очень легко и радостно, в настроении почти пасхальном... Так велика благодать, дарованная ему Богом, что даже молиться ему легко.

Очень рад, что тебе удалось побывать на главных праздничных службах; грустно, конечно, что служба в банке препятствует Кире бывать в церкви в рабочие дни, но что поделать: слава Богу, что ему удастся ходить в церковь хотя бы по воскресеньям и что у него есть к тому сердечное желание; а Господь смотрит на сердце, на внутреннее произволение, а не на внешнее его выполнение (когда это не в нашей воле).

Здесь мы избалованы церковными службами и как бы погружены в эту атмосферу церковности, а потому мало ее замечаем

и даже, увы, недостаточно ценим. Но когда случается побывать в миру, то начинаешь ощущать, какого источника благодати мы лишаемся без церкви!

«Путь к спасению» вышлю, как только получу деньги. Вышлю тебе также и жизнеописание Божией Матери. Отдельной платы за эту книгу не надо, вполне достаточно, если ты вышлешь деньги за кресты (да и то если тебе это не трудно).

Мне кажется, что ты поступила правильно, поселившись вместе с Кирой¹ и оставив Обитель Нечаянной Радости. Жить тебе там было не по силам (а значит, и не в пользу), а монахини из тебя всё равно не вышло бы — в твоём возрасте слишком трудно полагать начало. В древности, правда, были тому примеры. Так, преподобный Павел Препростый пошёл в монахи 66 лет и быстро достиг великой святости, так что по силе чудотворений превосходил самого Великого Антония, учеником которого был. Но это особые благодатные случаи, им подражать неразумно (по словам преподобного Иоанна Лествичника), а общий опыт нашего времени показывает, что людям, перешедшим известный возраст, почти невозможно стать монахами. Вот почему в некоторых греческих монастырях Святой Горы существует правило не принимать никого свыше 35 лет. Очень рад был от тебя слышать, что в Обители Нечаянной Радости ведётся строгая жизнь.

Частичка мощей Святого Великомученика Пантелеимона (о которой ты пишешь) пожертвована Карпатской Православной Миссии нашим Монастырём в 1931 году (игумену о. Серафиму Иванову, приехавшему к нам тогда на Пасху). О православном движении на Карпатах я хорошо осведомлён, ибо в нашем монастыре живёт 21 монах из Карпатской Руси. Они бывшие униаты, много пострадавшие за Православие и непризнание унии. Все они сравнительно молодые люди (26–40 лет), из крестьян, очень ревностные православные и хорошие монахи. К нам они посту-

пили в 1922–28 гг. и продолжали бы поступать и сейчас, если бы греческое правительство не запретило бы им этого. Им просто отказывают в визе! А помимо их поступления в Монастырь почти никого нет.

За истёкший 1932 год опять умерло 20 человек, остаётся братии всего около 380 человек. Беженцев к нам поступило за всё время сравнительно мало, сейчас у нас в монастыре их около 10 человек. Несколько больше в других обителях и келиях (вместе взятых).

О моём здоровье не беспокойся — слава Богу, я вполне здоров и за все эти годы почти не болел (серьёзно). В первое время мне было трудно переносить летом жару, но потом я к этому привык. Единственное, что иногда болит, — это зубы, но я их лечу, здесь это возможно.

Трудности монашества не столько во внешних тяготах (пост, продолжительные богослужения и т.д.), сколько во внутренней душевной брани. А ещё в умении извлекать душевную пользу и поддерживать «божественное желание» в обычном ходе монастырской повседневной жизни. Всё опять сводится к «стяжанию Духа Святого» — в чём преподобный Симеон Новый Богослов и преподобный Серафим Саровский усматривают цель всей духовной жизни и даже условие нашего спасения!

Не могу сказать, чтобы я хоть сколько-нибудь преуспел на этом пути. Характер мой за эти годы почти не изменился сравнительно с тем, что было в миру. Больше читаю о духовной жизни, нежели прохожу её на деле. Читаю вообще много и в ущерб молитве. Хорошо только, что в монастыре имеются некоторые старцы большой духовной жизни (большой частью простые монахи — как, например, о. Силуан) — от них можно многому научиться.

Сейчас зима, на горах снег. Никаких гостей в это время года (от Покрова до Пасхи) не бывает. А там опять пойдут иностран-

цы всех национальностей — мне с ними приходится «возиться» (таково моё послушание). Среди них иногда попадаются люди с духовными запросами и интересом к Православию. Но таких мало.

Прошу твоих святых молитв.

*Твой сын недостойный монах Василий,
твой смиренный богомолец*

Примечание:

1. Кира — Кирилл Александрович Кривошеин, самый младший из пяти братьев Кривошеиных (см. выше).

5. Письмо Елене Геннадиевне Кривошеиной

1/14 дек. 1938 г.

*Афон, Св. Гора, Русский Монастырь
Св. Пантелеимона*

Дорогая Мама!

Посылаю тебе для о. Чекана иконы, какие имеются (остальных не оказалось). Эти иконы могут быть высланы в сравнительно большом количестве экземпляров. Цена 1 франк за каждую. Сейчас высылаю 10 штук (десять).

Книг, которые хотел бы иметь о. Чекан для продажи, нет. Вообще, с пересылкой книг сейчас очень сложно. Надеюсь, однако, что этот вопрос скоро уладится.

Я очень рад, что ты теперь живёшь ближе к церкви и имеешь возможность туда чаще ходить. У нас всё по-прежнему.

*Молись обо мне,
Твой сын монах Василий*

6. Письмо матери

31 авг./ 13 сент. 1939 г.

Св. Гора Афон

Дорогая мама!

Не знаю, куда тебе писать, тем более, куда писать Кире ?

Из Франции, со времени известных событий, я не получаю ни одного письма. Надеюсь, что почта восстановится. Я всё время непрерывно думаю о вас всех, особенно о Кире. Молюсь о нём и о всех вас. Пожалуйста, пиши. Написал тебе на парижский адрес, не знаю, дойдёт ли. У нас всё Слава Богу, спокойно и мирно. Но будущее неизвестно, как впрочем и повсюду в мире. Надо молиться о скорейшем мире. У нас сейчас здесь о. Кассиан Б., очень бы было хорошо, если бы ему удалось остаться здесь подольше. С нетерпением жду от тебя известий о том, что происходит в Европе. О событиях узнаём поздно, но сведения о них даются объективные. Как Игорь?¹ Как т. Оля?

Молюсь о всех вас. Молись о мне.

Твой сын м. Василий

Примечание:

1. Игорь — Игорь Александрович Кривошеин (22.02.1899, Петербург–8.08.1987, Париж), третий из пяти братьев Кривошеиных. Офицер, инженер, участник и герой французского Сопротивления, узник Бухенвальда и советских концлагерей. Похоронен на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, под Парижем, в одной могиле с женой Ниной Алексеевной Кривошеиной (урожд. Мещерской), автором книги об эмиграции «Четыре трети нашей жизни», Париж, ИМКА 1984, Москва, изд. «Русский путь», 1999 г.

7. Письмо матери

(Это письмо написано по-французски, из опасения быть изъятым военной цензурой Франции)

Русский монастырь Св. Пантелеимона

19 ноября/2 декабря 1939 г.

АФОН

Дорогая мама,

Я благополучно получил твою открытку от 29 октября, а также открытку от Игоря от 5 ноября. Я уже ответил Игорю и надеюсь, что он получит моё письмо. К сожалению, от Кирилла¹ до меня дошла только одна открытка, датированная 25 сентября, и с тех пор, как он пребывает в армии, я больше ничего от него не получал. Я писал ему много раз, но боюсь, что его письма теряются в дороге. Может быть, будет лучше, если он будет посылать их не напрямую ко мне, а через тебя (через Париж). Во всяком случае, я прошу тебя сообщать мне время от времени, что происходит с Кириллом и где он, так как я совершенно без каких-либо новостей от него самого. Между прочим, я хочу тебе заметить, что твоя последняя открытка пришла с пометкой и печатью «просмотрено французской военной цензурой». Это впервые, что письмо из Франции приходит сюда с подобной отметкой.

У нас здесь, слава Богу, всё спокойно и тихо. Отец Кассиан кланяется тебе. Я очень надеюсь, что он сможет здесь остаться на время войны, хотя до сих пор ему не дали постоянной визы. За исключением его у нас с начала войны не было никаких иностранных посетителей. Вместе с тем, я продолжаю получать письма от самых разных людей. Из этих писем я могу сделать заключение, что даже сейчас в воюющих странах есть люди, которые продолжают живо интересоваться богословием, монашеством и патрологией Православной Церкви. Некоторые из них пишут

мне, что мой текст о Григории Паламе заставляет задумываться их о самых разных вопросах.

Ты мне пишешь, что иногда ты ходишь в католическую церковь.² Я не могу сказать, что мне это очень нравится. Сегодня Римско-католическая Церковь принимает активное участие в варварских и бессмысленных преследованиях по отношению к Православной Церкви, особенно в одной из европейских стран³ (множество церквей разрушено, деревни сожжены, попрано Святое Причастие). Именно поэтому все духовные контакты с представителями католицизма, на данный момент мне кажутся затруднёнными. Между тем, у меня самого много друзей среди католиков, НО: 1) это касается друзей (их мало), у которых особое отношение и связь с Православием; 2) это те, кто ходит в нашу Церковь, здесь на Св. Горе, а не мы к ним. С тех пор, как я стал монахом, я не разу не присутствовал на службах не православных. Во всяком случае, если ты всё же будешь посещать католический храм, постарайся держаться в нём так, чтобы не быть похожей на католичку (т.е.: не окунаешь руку в освящённую воду, не причащаешься, не креститься на латинский манер, не становиться при молитве на одно колено). Все эти «детали», могут показаться тебе вторичными и не столь важными, но вместе с тем, это вторичное очень важно, так как является символическим выражением принадлежности к той или иной религии. Несмотря ни на что, я понимаю и принимаю, что ты посещаешь церковь римско-католического обряда, а не Восточную (униатскую). Этот обряд для православного человека представляется совершенно не допустимым и даже постыдным, так как этот пресловутый Восточный обряд есть не что иное, как бесчестная и вероломная боевая организация, действующая против Православной Церкви. Я также думаю, что нужно избежать брать Никиту⁴ в католический храм и найти возможность посещать православные службы.

Но вместе с тем, дорогая мама, то, о чём я тебе написал выше, не должно создать впечатление ни у тебя, ни у других, что я являюсь врагом Римско-Католической Церкви! Римские «кафолики» — тоже христиане, хоть и отделены от Святой Апостольской подлинной кафолической (правоверно-православной Церкви, несмотря на то, что они пребывают в схизме, они сохранили некую благодать и, быть может, у них даже есть подлинныи Святые. Их учения ближе к нашему, чем учения других христианских конфессий. Тем не менее, они потеряли полноту Истины, и многие их верования (непогрешимость Папы и др.) нам представляются противохристианскими и основанными на лжи; их враждебность по отношению к Православию, жестокие преследования по отношению к нашей Св. Церкви всюду, где это возможно, показывают, что их не всегда вдохновляет и не всегда ими руководит Святой Дух, а скорее, дух тьмы. Во всяком случае, отдельными личностями. И даже несмотря на всё это, я предпочитаю римских католиков безбожникам и «вольнодумцам». Более того, во время гражданской войны в Испании, все мои мысли и симпатии на 100% были на стороне генерала Франко (то есть на стороне католиков!). Но если Господь послал нам такую уникальную возможность принадлежать к Его истинной Церкви, мы должны понимать и сознавать всю возложенную на нас ответственность и, более того, мы не должны потерять благодать Божию из-за нашего равнодушия, невежественности и из-за отсутствия рвения. Исходя из этого, жизнь православного человека в окружении других верующих (тоже христиан) должна быть всегда (в пределах наших сил и возможностей) свидетельством Православия. Оставим в стороне споры и критику других (эти бессмысленные занятия предоставим папистам), а потому в первую очередь нужно обратиться и напомнить об истинных идеях и настоящих целях Православия: о наших Святых, наших дог-

мах, о нашем учении Церкви, нашей духовности и богословии, а также о страданиях и мученичестве Русской Православной Церкви XX-го столетия у нас на родине. В особенности вся наша жизнь должна быть в полном согласии с православным учением, и не только в плане духовном, но и в плане догматическом (две эти вещи есть как бы два аспекта одной правды и единой реальности). Догматы есть основа и источник духовности; таким образом, действия, казалось бы, незначительные, как, например, «окунать руку в освящённую воду» — приобретают глубокое значение.

На днях я получил из Лондона письмо от господина Шелли. Он просит передать тебе наилучшие пожелания. Летом, в августе 1939 года, он был в Париже и поехал навестить тебя в Севр⁵, но не застал тебя и, к сожалению, никто, не мог дать твой новый адрес. Он написал мне, что отец Николай Гибс (бывший гувернёр наследника царевича Алексея), находится сейчас в Лондоне, является настоятелем английского православного прихода и часто совершает православную литургию по-английски.

Храни и защити тебя Господь, дорогая мама! Молись за меня,
Твой сын, монах Василий.

P.S. Я получил также одно письмо от тётки Оли и ответил на него.

Примечания:

1. Младший брат Кирилл Кривошеин, был призван во Французскую армию в 1939 году.
2. Семья Кривошеиных в это время находилась (как и многие французы) в эвакуации в Нормандии, где не было православного храма.
3. Вероятнее всего, имеются в виду пограничные конфликты между верующими Польши и Украины.
4. Никита Игоревич Кривошеин, сын Игоря, единственный и любимый племянник владыки Василия. Родился в 1934 г. в Булонь-Бьянкур, Франция.

Живет и работает в Париже, литератор, синхронный переводчик в ООН, Совете Европы и др.

5. В Севре был семейный дом Кривошеиных.

8. *Письмо матери*

23 янв./5 февраля 1940 г.
Святая Гора Афон, Греция

Вчера, во время ранней литургии, тихо скончался наш Игумен о. Архимандрит Мисаил.

Ему было свыше 87 лет. Последние 5 лет он был наполовину парализован, но сохранял вполне ясность сознания. Болеет перед смертью несколько дней. Был сильный жар. Ежедневно приобщался. Похороны завтра. Будет архиерей. В Монастыре всё тихо и благополучно, Бог даст, не будет никаких препятствий извне в утверждении нового игумена о. Лустина.

Покойного Игумена все очень любили и огорчены его кончиной. Но да будет воля Господня... Пишу тебе по-русски, ибо из Франции здесь постоянно получают письма все по-русски и так же туда пишем. Было бы странно только с тобой переписываться по-французски. Отец Кассиан уезжает в Афины: пока не дают разрешения жить на Афоне.

Господь да хранит тебя,

Твой сын м. В.

9. Письмо брату И.А. Кривошеину в Москву

4, Marston Street
Oxford. 9 июня 1956 г.

Дорогой Игорь¹,

Кира сообщил мне твой новый адрес и написал мне, что ты был бы рад со мною переписываться. Я тоже, конечно, очень этому рад во всех отношениях. Более того: я надеюсь сравнительно скоро с тобою увидеться. Дело в том, что в конце этого лета (августе–сентябре, точно неизвестно) поедет в Москву, по приглашению Свят. Патриарха Алексия, делегация от Западно-Европейского Экзархата Русской Церкви. В числе членов этой делегации назначен и я, чему, конечно, очень рад. («Назначен» я Экзархом Московской Патриархии в Париже архиепископом Николаем, но надеюсь, что возражений против моей поездки не будет, хотя точная дата поездки делегации тоже ещё неизвестна.) Я буду очень счастлив побывать после стольких лет у себя на родине и, прежде всего, ознакомиться с жизнью Русской Церкви, с постановкой богословского образования и с работой Духовных Академий в частности. Мне пришлось в прошлом году встречаться в Лондоне с членами церковной делегации из Советского Союза, а также с участниками Международного съезда патрологов в Оксфорде, профессорами Ленинградской Духовной Академии. Так отрадно, что в настоящее время стали возможны такие встречи и что мы чувствуем себя менее оторванными от того, что происходит на родине. Это верно вообще, а в частности распространяется и на церковные отношения, и на богословскую науку. Дай Бог, чтобы в дальнейшем эти связи укреплялись и расширялись!

Вот уже более пяти лет, как я живу в Англии. Здесь у нас не-

большая православная церковь, юрисдикции Московской Патриархии. Помещается она в комнате того же дома, где я живу. Православных здесь немного, в церкви по воскресеньям бывает 15–25 человек (на Пасху 60), самых разных национальностей — русские, сербы, греки, англичане. Так что приходится служить (в зависимости от состава присутствующих) на трёх языках: церковно-славянском, греческом и английском. То же самое с проповедью. Ходит к нам довольно много студентов-англичан, иногда устраиваем у нас всю литургию по-английски, а иногда езжу по приглашению в другие церкви (ездил, например, в Кембридж). Вообще, стараемся ознакомить англичан с Православием.

После церкви и связанной с ней церковной деятельности мой главный интерес — богословская наука. В частности — патристика, то есть наука об отцах Церкви, их творениях, идеях, учении и т.д. Конечно, меня прежде всего интересуют греческие и византийские отцы (I–XV веков), и среди них — аскетические и мистические писатели. «Византийская мистика» — вот, если хочешь, моя «ученая специальность». Еще более точно: прп. Симеон Новый Богослов, величайший византийский мистик (X–XI веков) и замечательный в литературном отношении писатель. Вот уже почти пять лет, как я работаю над изданием его творений, до сих пор ещё не изданных в их греческом оригинальном тексте. Приходится работать по рукописям (XI–XII вв.), которые разбросаны в библиотеках многих стран. С целью изучения этих рукописей я ездил в Париж и Рим, но главным образом я работаю по микрофильмам с рукописей прп. Симеона Н. Богослова. Кстати, в Москве в Историческом музее имеется одна интереснейшая рукопись прп. Симеона Н. Б., и я надеюсь, если Бог даст, побывать в Москве, изучить её основательно на месте. Получить с неё микрофильмы мне, к сожалению, не удалось. Такая работа по критическому изданию греческого текста

очень кропотлива и заняла у меня много времени, ибо возникло очень много научных проблем относительно текста и т.д., но я рад, что работаю над чем-то новым, по источникам, над которыми никто ещё как следует не работал. Сейчас эта работа подходит к концу, и я надеюсь издать ее во Франции: греческий текст (самое важное), введение, французский перевод и т.д. Получится два или три довольно толстых тома. Мне пришлось уже сделать целый ряд докладов о прп. Симеоне Новом Богослове (в частности, в прошлом году на съезде патрологов), бóльшая часть которых была напечатана потом в виде статей. Но, конечно, хотя прп. Симеон Новый Богослов — мой главный интерес, всё, что касается патристики, меня живо интересует (сейчас, например, много работаю над Оригеном, который меня интересует как толкователь Писания и один из основоположников духовного учения Восточной Церкви). Ещё более интересуюсь св. Григорием Нисским, одним из величайших мистиков древнего периода. Русская религиозная философия интересует меня значительно меньше, чем патристическая мысль, хотя всецело отвергать её я, конечно, не могу. В ней тоже есть много ценного, но много и неудачного и сомнительного. Англиканством и его отношением к Православной Церкви я специально не занимался (нет времени!), но практически мне пришлось многое увидеть и многому научиться. Образовалось много знакомых, но большого интереса ко греческим отцам и вообще к византиноведению в Англии нет. Во Франции куда больше!

Кончаю на этом моё слишком длинное письмо. Был бы очень рад получить от тебя ответ и узнать, как ты живешь. Передай, пожалуйста, мой поклон Нине Алексеевне. Обнимаю Никиту. Дай Бог тебе всего доброго. Поздравляю тебя с твоими именами.

Твой брат иеромонах Василий.

Примечание:

1. Со своим братом Игорем владыка не виделся более двадцати лет. Поэтому предстоящая встреча была огромным событием в их жизни.

10. Письмо брату

Oxford,
10 июля 1956 г.

Дорогой Игорь.

Был, конечно, очень рад получить твое письмо. Благодарю тебя за сведения о времени приезда церковной делегации в Москву, сообщённые тебе Вл. Николаем. В Париже в Экзархате ничего ещё точно не знают, ибо до сих пор Патриархия еще ничего не отправила письменно о времени приезда делегации и т.д. Надеюсь, однако, что всё устроится благополучно и что затруднений с визой на поездку мне не будет. Конечно, это дело Патриархии хлопотать о визе, и я сам никаких шагов не предпринимаю.

Очень также благодарен Вл. Николаю за его внимательное отношение к моей работе о прп. Симеоне Новом Богослове. Материалы, оставленные покойным профессором Ленинградской Духовной Академии (Аникиным?), о которых говорил тебе Вл. Николай, могут содержать кое-что интересное, и я буду рад с ними ознакомиться. Во всяком случае я благодарен Вл. Николаю за его трогательное отношение. В научном отношении, однако, мой главный интерес — рукопись в Московском Историческом музее. Она довольно длинная, и если мне не удастся её сфотографировать, мне нужно просидеть 10–15 дней над её изучением. 8 страниц фотографий этой рукописи мне недавно прислали из Москвы, но это недостаточно.

Ничего другого сейчас не пишу, ибо надеюсь увидеть тебя

лично, да и Кира, который через три дня уезжает из Парижа, многое мне расскажет. Скажу только одно — не исключена возможность, что осенью этого года я перееду в Париж, ибо мне там предлагают научную работу в CNRS (Национальный Научный Исследовательский Центр). Вся работа будет сводиться к подготовке издания творений прп. Симеона Нового Богослова, т. е. то, что я делаю сейчас и что меня интересует (и за это я буду получать стипендию от этого научного учреждения).

Во Франции мне будет также легче следить за печатаньем моей книги, она будет здесь издана. В церковном отношении во Франции лучше, ибо там много православных, церковная жизнь лучше организована. Вообще умственная и культурная обстановка Франции мне гораздо ближе, там несравненно больше интереса к патристике и византиноведению, чем в Англии. Вообще, французы интеллектуально намного выше англичан и ближе мне по духу. Но всё же я колеблюсь: не говорю уже о том, что переезд — сложное дело (одних книг у меня накопилось столько за эти 5 лет, что не знаешь, что с ними делать). Англия более свободная страна, чем Франция, здесь меньше полицейского произвола, власти и общество лучше относятся к Московской Патриархии. Условия научной работы здесь тоже хорошие (но библиотеки в Париже для меня лучше), жалко бросать здешнюю церковь (а во Франции будет больше церковной работы). Архиепископ Николай (экзарх в Париже) предпочитал бы, чтобы я жил в Париже, но не настаивает и оставляет это на мое усмотрение. Вот какие передо мной дилеммы и задачи. Во всяком случае, до возвращения из Москвы я определенного решения не приму.

Кончаю на этом. Целую тебя и всех.

Твой брат иер. Василий.

II. Письмо брату

4, Marston Street, Oxford, England

8 сентября 1956 г.

Дорогой Игорь,

Вот уже две недели, как я выехал из Москвы и благополучно вернулся сюда, до сих пор, однако, нахожусь под сильным впечатлением того, что я видел и слышал в Советском Союзе. Как естественно, все с большим интересом спрашивают меня о моих впечатлениях, о религиозной жизни в России, о положении Православной Церкви, о духовном образовании и т.д. Рассказываю всем искренне и объективно, что видел и смог узнать. Мне даже пришлось выступать на конференции содружества св. Албания и прп. Сергия на эту тему и отвечать на вопросы. Приглашен теперь и в Лондон, также рассказать на одном собрании о поездке нашей делегации.

На обратном пути я останавливался на четыре дня в Париже, виделся с Кирой и много с ним говорил. Пока что я решил продолжать жить большую часть времени в Англии, но приезжать от времени до времени в Париж, где у меня продолжается работа по изучению рукописей прп. Симеона Нового Богослова.

Ещё раз хочу выразить тебе, как я рад был и счастлив с тобою увидеться в Москве и как я благодарен тебе за всё. Единственное моё огорчение — это то, что мне не пришлось увидеться с Ниной Алексеевной и с Никитой. Твердо надеюсь, с ними повидаться в следующий раз, когда Бог вновь приведет побывать в Москве.

Поклон Нине Алексеевне. Обнимаю Никиту.

Да хранит тебя Господь.

Твой брат иеромонах Василий.

12. Письмо в Москву племяннику Никите Игоревичу Кривошеину

Oxford, England
25 декабря 1956 г.

Дорогой Никита!

Был очень рад прочитать твою приписку к письму. Я тоже очень сожалею, что нам не удалось встретиться и поговорить во время моего пребывания этим летом в Москве. Думаю, что тебе было бы интересно поговорить и с некоторыми другими членами нашей делегации, как, например, Оливье Клеман, очень образованный француз, прекрасно знает современную французскую литературу. Словом, я очень огорчен, но меня утешают твои слова: «Совершенно уверен, что эта возможность нам ещё представится». Твоя уверенность меня очень обрадовала, а то я начал, было, даже унывать, как бы не было трудностей. Но, Бог даст, всё наладится.

Я так рад, что мои статьи тебя заинтересовали. Скоро надеюсь напечатать еще несколько, но главная моя работа — это издание греческого текста творений прп. Симеона Нового Богослова. Это очень интересная, но вместе с тем и кропотливая работа, которая отнимает от меня очень много времени. Всё же надеюсь с Божией помощью закончить её сравнительно скоро и издать во Франции в издательстве «Sources Chrétienne». В этом издательстве за последние годы было издано много творений греческих святых отцов с французским переводом, введением и т.д... Хотя ты, как пишешь, и не знаком с «научной теологией», но и я в твоём возрасте был с нею мало знаком. Но в общем, у меня с тобою были приблизительно те же интересы: история, литература, искусство. Не знаю, насколько тебя интересуется философия,

но из того, что ты читаешь Паскаля, который, между прочим, не может быть сведён к простому моралисту, но есть прежде всего религиозный мыслитель, — вижу, что и ты интересуешься вопросами духа. У меня лично интересы развивались в общем по следующей схеме (хронологически) — история, философия, богословие. Но это не значит, что я потерял интерес к первым двум областям, хотя мой главный доминирующий интерес, конечно, — христианство и все, что с ним соприкасается (прямо или косвенно, положительно или отрицательно)... Прими также во внимание, что хотя я и живу на Западе и во многом высоко ценю и люблю Запад, но всё же я не «западник». Я гораздо более люблю греческий мир, чем латинский; Византию, а не Западное средневековье, и, конечно, Православие, а не римский католицизм. И также очень люблю Россию, всю ее культуру и историю, хотя Византия и «патристическое Православие» мне, пожалуй, ещё ближе и ценнее...

Эта проблема «православной» и «латинской» культуры была мною остро пережита, когда вскоре после возвращения из Советского Союза мне пришлось проезжать мимо Кентерберийского Собора (это один из лучших готических соборов Англии). Мне сразу вспомнился Успенский Собор во Владимире, где я был только что во время моей поездки. И я подумал: насколько всё же Владимирский Собор прекраснее! А главное, вопреки всем банальным пошлостям об «*âme slave*» (русская душа), во Владимирском Соборе все так ясно, уравновешенно, мудро, солнечно. Такая во всем мерность. А здесь все какое-то томление, выверт, эксцентричность, потеря равновесия и обладания духовной реальностью. То есть как раз противоположное тому, что обычно говорят, когда сравнивают Восток и Запад!

Ну, на этом пора кончать. Надеюсь, что Игорь получил моё последнее письмо от 8 декабря. Так как мы приближаемся к

праздникам Рождества Христова, поздравляю тебя, Игоря и Н.А. с праздником и желаю всего наилучшего в наступающем Новом году. Дай Бог, увидимся в течение этого года.

Обнимаю тебя.

Твой дядя иеромонах Василий

13. Письмо матери

14/27 февраля 1939 г.

Афон, Св.-Пантелеймонов Монастырь

Дорогая Мама,

Посылаю тебе сегодня иконы, которые ты просила. Только вот икон Спасителя нашлось всего 4, Божией Матери всего 7, остальные по 9 экземпляров... Ты сможешь их раздать своим подопечным, а для их детей постараюсь раздобыть и иконки Ангела Хранителя. Напиши мне их имена. Разрешили посылать с Афона книги (одно время это было совершенно запрещено), правда с некоторыми ограничениями и проверкой. В ближайшие дни вышлю «Путь ко спасению» для Н.Я. Терещенко (кстати, как её по отчеству, забыл, не знаю, как писать в письмах).

Умер американец Charles Crane¹, большой друг нашего Монастыря, скажи об этом моему брату Кире. О здешней жизни и своей работе над греческими рукописями подробно пишу ему, в ответ на его заказное письмо, которое шло очень долго и пришло в потрёпанном виде. Мой греческий стал почти совершенным, пишу и читаю свободно даже древние книги. Сейчас у нас пост; приобщаемся два раза в неделю — по средам и субботам. Остальное всё по-прежнему.

Молись обо мне.

Твой сын, м. Василий.

Примечание:

1. Charles Richard Crane or Charles R. Crane (1858–1939) специалист по арабскому миру. В 1917 году был в России в составе «Комиссии Рут» (or Root Commission).

14. Письмо брату

Брюссель,
2 января 1976 г.

Дорогой Игорь!

Поздравляю тебя, Н.А. и Никиту с праздником Рождества Христова и желаю всех благ в наступившем Новом Году. У нас всё, в общем, благополучно, сейчас готовимся к Рождеству. Ма-тушка Екатерина вам кланяется, поздравляет. Здоровье её удовлетворительно, улучшается, но всё же остается слабость.

Мы с тобой говорили, что было бы хорошо, если бы ты смог приехать сюда ко дню моих именин, среда, 14 января. Да, это было бы очень хорошо, если бы ты выехал из Парижа поездом во вторник, 13 января, лучше утром, был бы на моих именинах, остался бы еще на один–два дня. Поместили бы мы тебя или у нас, или в гостинице рядом.

М. Екатерине было бы трудно кормить нас обоих, но так или иначе устроимся (знакомые, рестораны). Есть одно только осложнение: приезд в Париж митр. Никодима.

Он предполагает быть в Париже после Рождества и, как говорят, приехать в Брюссель к моим именинам. Если это последнее верно, то тем лучше: тебе будет интереснее и ничему его приезд не помешает. Но если он начнёт вызывать меня в Париж, то могут быть осложнения, хотя я почти наверное откажусь туда ехать: из-за праздников, моих именин, просто не будет времени.

За последнее время много, как обычно, работал, главным образом, над обработкой для печати моих докладов о Григории Нисском, Симеоне Н. Богослове. Наш «Вестник» выходит к 15 января, потом нужно будет готовить следующий номер, если только сговоримся с м. Никодимом.

А из «лёгкого» чтения читаю исключительно интересную книгу Custine «Lettres de Russie»¹ (вышло новое издание livre de poche, избранные места, а то 4 тома, с очень хорошим предисловием G. Niva²). Тенденциозная карикатура на эпоху Николая I (хотя не вполне выдуманно), точное изображение Сталинско-Брежневской России. В этом смысле пророческая книга, хотя она вовсе не изображает «вечные» черты русской истории, а какие-то рецидивы. Наряду с гениальными наблюдениями и замечаниями, чудовищное непонимание и тенденциозность. В основе — католическая ненависть к Православию («la religion grecque» — греческое верование — как он говорит). Советую тебе купить эту книжку. Любопытная смесь тонких наблюдений с «кляквой». И неожиданное преклонение перед личностью Николая I (прообраз Сталина).

Капкан до сих пор мне не шлёт денег, хотя я ему отослал фактуру (счёт), которую он мне выслал для подписи.

В воскресенье 11 января должны показывать моё выступление по телевизии.

Обнимаю. Всего доброго.

Твой брат арх. Василий

Примечание:

1. Французский писатель Маркиз де Кустин «Письма из России» 1839 г. Его книга начинается словами: «Я не думаю, что я что-то преувеличу, если скажу, что Российская империя — это государство, чье население самое несчастное в мире, т.к. оно одновременно страдает и от варварства и от цивилизации».

2. (G. Niva) Жорж Нива, р. 1935 г., профессор Женевского Университета. Сын латиниста Клермон-Ферран. Из семьи католиков, перешел в протестантизм, слушал в Эколь Нормаль Паскаля об Аввакуме, осенью 1956 г. в МГУ у Гудзия — изучает Белого, дружен с Б. Пастернаком. Служил в армии, ранен в Алжире, читал лекции сперва в Нантере, с нач. 70-х гг. — в Женевском ун-те, с 1971 г. вновь приезжает в Россию, вывозит диссидентские рукописи. Автор монографии «Солженицын». В 1992 г. — первое путешествие в российскую провинцию. Любит Россию, читает лекции в ЕУ и МГУ

15. Почтовая открытка с видом на Афон брату, И.А. Кривошеину, в Париж

3 сентября 1976 г.

Дорогой Игорь!

Вот уже несколько дней как я нахожусь на Афоне и очень, очень радуюсь.

В Киноте¹, не говорю уже о нашем Монастыре, меня встретили трогательно хорошо. Расспрашивали о моём служении, о чём я сейчас пишу... Здесь, в нашем монастыре, 17 человек из России, 9 из них прибыли всего две недели тому назад, в большинстве это своего рода «третья эмиграция», своеобразная, народная, живая и новая. Они принесли с собой оживление и массу новых рассказов. К сожалению, должен скоро уезжать, вернуться в Брюссель, Бог даст, к 10–12 сентября. Богословский съезд в Афинах был тоже очень интересен. Да и погода стоит чудная, даже не слишком жарко.

Обнимаю. Привет Н.А., а также Никите.

Твой брат, арх. Василий

Примечание:

1. Священный Кинот, управляющий орган двадцати афонских монастырей.

16. Письмо брату И. Кривошеину

9 октября 1976 г.

Св. Владимирская Семинария, США

Дорогой Игорь!

Вот уже более пятнадцати дней как я нахожусь в Америке, живу у о. Иоанна Мейендорфа¹. У нас с ним много интересных бесед, рассуждаем о будущем России. Прочитал две лекции в Семинарии и еще две предстоят. Конечно, лекции и разъезды утомительны, но я живу в хороших условиях и могу отдыхать. Всё, конечно, интересно, но писать времени нет, расскажу подробно, когда приеду. Служил здесь несколько раз в одном из приходов и в Патриаршем соборе в Нью-Йорке. Ездил в Принстон, там живёт о. Георгий Флоровский². Очень, очень он постарел, в этом году ему исполнилось 82 года, плохо слышит, но умственно бодр. Много с ним беседовал, рассказывал ему об Афоне, а ещё он читал книгу Кирилла о нашем папе. Книга эта довольно хорошо в Америке известна, и о. Иоанн Мейендорф и о. Александр Шмеман³ её читали. Оба они старой России не знали, а потому многие вопросы исторические для них еще не ведомы. Книга Кирилла⁴ для многих есть настоящее открытие, материалы в ней собраны уникальные.

Православие в Америке производит на меня сильное впечатление своими размерами, а также своей «американизацией» в хорошем смысле этого слова. Русский язык они не забывают и служат по славянски. Но сколько продержатся? Может через три поколения, когда старики умрут, а молодёжь вся перемешается и станет «американской», забудут и старославянский. Вот у карловчан в РПЦЗ, там всё строго, соблюдают традицию...

Вернуться в Брюссель предполагаю в понедельник, к 25 октября.

После дождей наступила солнечная, но холодная погода, листья желтеют и падают.

Обнимаю тебя и Никиту, Привет Нине Алексеевне.

Твой брат, арх. Василий

Примечания:

1. Протопресвитер Иоанн Мейендорф (Мейендорф Иван Феофилович) (John Meyendorff), (1926–1992).

Родился 17 февраля 1926 г. во Франции, в г. Нейи-на-Сене, в русской аристократической семье. Барон. С детства прислуживал в церкви как пономарь, как иподиакон (иподиаконем служил при митрополите Евлогий (Георгиевском) в Свято-Александро-Невском соборе в Париже). Окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже (1944–1949) и Сорбонну, где защитил докторскую диссертацию о богословских воззрениях святого Григория Паламы (1958). Женат на Марии Алексеевне Мейендорф (1950). Преподавал греческий язык и историю Церкви в Свято-Сергиевском институте (1950–1959). Один из организаторов Всемирной федерации православной молодежи «Синдесмос» (1953). Секретарь (1953), затем президент (1954–1964) Синдесмоса. Диакон (1959). Рукоположен в священники в Париже 22 марта 1959 г. В 1959 г. переехал в США и получил кафедру профессора патрологии в Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке и в Фордамском университете (США). Совместно с протопресвитером Александром Шмеманом был инициатором создания канонической организации Американской Православной Церкви и в течение длительного времени возглавлял Отдел внешних сношений этой поместной Церкви. Редактор газеты «The Orthodox Church». После кончины протопресвитера Александра Шмемана был избран ректором (деканом) Свято-Владимирской семинарии (1984–1992). Входил в число советников главы Северо-Американской митрополии Русской Православной Церкви (а с 1970 г. — Православной Церкви в Америке) митрополита Американского и Канадского Феодосия (Аазора). Также был одним из главных инициаторов автокефалии Православной Церкви в Америке (Orthodox Church in America). Видный деятель экуменического движения. В течение многих лет был членом центрального комитета Всемирного Совета Церквей (ВСЦ). Около семи лет был модератором одной из ведущих комиссий ВСЦ «Вера и церковное устройство» («Faith and Order»). Вышел в отставку в июле

1992 г. Скоропостижно скончался 22 июля 1992 г. в Монреале (Канада) от рака поджелудочной железы. Похоронен на кладбище недалеко от Свято-Владимирской семинарии в г. Крествуд (США).

2. Георгий Васильевич Флоровский (28 августа (9 сентября) 1893 г. Елизаветград, Российская Империя — 11 августа 1979 г., Принстон, США) — православный священник русского происхождения, протоиерей; религиозный мыслитель, богослов и историк; деятель экуменического движения и один из основателей Всемирного совета Церквей. В 1916 году окончил историко-филологический факультет Императорского Новороссийского университета, где изучал также историю философии и естествознание. Будучи студентом, он, как многие его современники, в годы войны и революции искал осмысления реальности на путях философии. «Прошлая судьба русского богословия была для меня всегда историей творимой современности, в которой нужно было найти самого себя,» — напишет он уже много позже в предисловии к своим «Путям русского богословия».

3. Протопресвитер Александр Шмеман (Шмеман Александр Дмитриевич) (Alexander Schmemmann), (1921–1983). Родился 13 сентября 1921 г. в г. Ревеле (Таллине), в Эстонии. Среднее образование получил в Париже. Окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже (1945). Женат на Юлиане Осоргиной (январь 1943, Париж). Преподавал в Свято-Сергиевском институте церковную историю (1945–1951). В 1946 г. принял священство. В 1951 г. с женой и детьми переселился в Нью-Йорк, приняв приглашение Свято-Владимирской Духовной семинарии. Служил в юрисдикции Северо-Американской митрополии РПЦ (с 1970 г. — Православная Церковь в Америке). В 1959 г. защитил в Париже докторскую диссертацию по литургическому богословию. С 1962 по 1983 гг. — декан Свято-Владимирской семинарии. Много выступал с проповедями по радио в передачах для России. Принимал активное участие в работе Русского студенческого христианского движения (РСХД) (в течение длительного времени был заместителем председателя Движения) и Содружества святого Албания и преподобного Сергия. Скончался 13 декабря 1983 г.

5. К.А. Кривошеин, автор книги об отце «Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора». Переиздана в России «Судьба века — Кривошеины», изд. Звезда, 2002 г.

17. Письмо брату

Брюссель,
9 февраля 1977 г.

Дорогой Игорь!

Сегодня получил твоё письмо от 6 февраля.

Да, я действительно очень занят моей книгой, хотя разные дела всё время отвлекают в сторону. Я крайне ограничил всякое чтение, непосредственно не относящееся к моей работе, читаю только газеты, без этого нельзя для епископа. Для написания и окончания моей книги нужен долгий и настойчивый труд.

Думаю прибыть в Париж во вторник 15 февраля днём и вечером быть на собрании в Богословском Св.-Сергиевском Институте. В среду и в четверг остаюсь в Париже, а потому хотел бы прийти к тебе в среду вечером.

Посылаю тебе фотокопию моего интервью с журналом «The Orthodox Church» (о. Мейендорфа). Это интервью не всем понравится всецело, хотя частично более или менее всем (кроме большевиков и левых французов). Я защищаю и Американскую Церковь и Русскую (а она сейчас страдает), защищаю так, как могу и как требует дело, но говорю истину, а её не все любят. Центральное место в интервью, все же, — поддержка и одобрение протестов против религиозных преследований в СССР. Это наверняка не понравится кое-кому в Московской Патриархии, а кое-кому понравится, потому что сами они сказать громко боятся, ну а от меня услышат и порадуются. Не понравится это и тем, кто здесь на Западе *plus royalistes que le Roi* (больше роялисты, чем Король).

Мне писала Оля¹, ты знаешь, как я её люблю и ценю, но иногда она слишком уж наивна, вот и сейчас написала довольно-таки

глупое письмо о Прав. Совещании, восторгалась нашей делегацией, я ей ответил довольно подробно.

Не раз замечал в своих поездках, что русские в СССР относятся к духовенству, как к «богам», у многих из них чувство, что можно на фотографию священника молиться, как на икону. Это, конечно, от непросвещенности и отвычки народа от настоящей церковной жизни, и недостаток хороших священников.

Агурского² я мало знаю. Он несомненно хороший и искренний человек, но с малым богословским багажом, что часто сочетается с самоуверенностью. Его статьи о евреях, перешедших в Православие, очень интересны!

Буду рад тебя видеть и о многом поговорить,

Твой брат, ар. Василий

Примечания:

1. Ольга Александровна Кавелина (инокиня Серафима), 1916–2004. Похоронена на кладбище в Оптиной пустыне. Двоюродная сестра архиепископа Василия (Кривошеина), ее двоюродным дедушкой был архимандрит Леонид (Кавелин). Ольга Александровна была связана с Оптиной пустыней с самого детства, помогала после открытия монастыря найти места погребения старцев. После кончины владыки Василия много занималась его литературным наследием в России.

2. Агурский Михаил (Мелик) Самуилович, (1933–1991). Сын американского коммуниста, приехавшего в СССР и репрессированного в 1937 г. Ученый-кибернетик, историк, политолог и литературовед. Автор статей по «еврейскому вопросу» в Русской Церкви, а также по национальным и общественным вопросам и о положении Русской Церкви. Эмигрировал на Святую Землю.

18. Письмо брату

Брюссель,
13 марта 1977 г.

Дорогой Игорь,

В дополнение к нашему телефонному разговору сообщаю тебе следующее. Относительно предполагаемых поездок в 1977 году:

1. Поездка в Америку на предполагавшийся colloquium «Православные Церкви в странах западной традиции» откладывается. Эта встреча, организованная Всемирным Советом Церквей, должна была быть в июне этого года, но она не состоялась. Дело в том, что греки оказались против, и Константинопольский Патриарх написал в Сов. Церквей, что вопросы диаспоры решаются самими Церквами, в частности будущим Собором. Это было бы верно, если бы colloquium имел бы темой юрисдикционные вопросы, но он ими и не предполагал заниматься, а только обсуждать проблемы православия в Западной Европе и в Америке. Нежелания греков всё более становятся прозрачными, а потому я считаю, что за всем этим находится притязание Константинополя на юрисдикционную монополию. Как бы то ни было, Сов. Церквей решил colloquium отложить. Само собрание в Америке и тема интересны, а ещё интереснее моё общение во Владимирской Семинарии и с о. Александром Шмеманом, и с о. И. Мейендорфом, но прошло меньше года после моей последней поездки, а это слишком часто и утомительно.

2. Зато намечается поездка в Грецию, в Солоники, где предполагается 27 апреля собрание православных членов комиссии диалога с Англиканами¹. Как я тебе уже писал, мне хотелось бы поехать в Москву, скажем, к 20 апреля (отчасти по билетным со-

ображениям), оттуда 25 апреля выехать в Солоники, а потом в Афон.

Очень занят писанием книги, хотя в Посту на это остаётся совсем мало времени.

Обнимаю,

Твой брат, ар. Василий

Примечание:

1. См. текст архиепископа Василия «Богословский диалог между Православной Церковью и англиканским вероисповеданием и его проблемы».

19. Письмо брату

Брюссель,

19 августа 1977 г.

Дорогой Игорь,

Давно тебе не писал. Был много занят окончанием книги, получилось свыше 500 страниц. Теперь переделываю и перестукиваю на машинке. Надеюсь к весне закончить. Кроме того, был в Кембридже, на заседаниях англикано-православной Комиссии. Впрочем, я тебе уже рассказывал, когда был в Париже. Но пришлось писать подробный доклад критического характера в Москву м. Ювеналию о работе этой Комиссии. Всё это заняло много времени и сил, которые отрывают от книги.

Помнишь, я тебе говорил в Париже о голландском студенте Ленинградской Духовной Академии, которого выслали из СССР за якобы «военный шпионаж в пользу американцев». Сейчас всё это выяснилось, сам студент, Феодор ван дер Форст, был у меня, беседовали два часа, показал мне журнал «Огонёк» № 27 за этот год с большой статьёй о нём (у меня, к сожалению, только

фотография статьи, да и та, к сожалению, не полностью, найти журнал здесь в продаже я не мог). Никакого обвинения в шпионаже к нему не предъявлялось ни в КГБ, ни в «Огоньке», а идет речь о его участии в подготовке фильма о положении религии в СССР и нарушении прав человека, а ещё в связи с журналом «Посев» в лице его корреспондента в Стокгольме. Диссиденты в России предложили Форсту принять участие в подготовке фильма, он «счёл своим долгом» согласиться, ездил (через Финляндию, а далее тайно...) в Стокгольм, где получил от «Посева» киноаппарат, два магнитофона, пленки и 3000 рублей на расходы для разъездов по русским просторам. Но сам он ездить не смог, ему нужно было для каждой поездки получать разрешение от КГБ, а потому ездил его русский помощник. Фильм был почти готов, но тут его помощник Мурашев выдал всё КГБ (так пишут сами кегебисты), Форста арестовали, допрашивали сотрудники известных «органов» в здании Октябрьской гостиницы. Форст во всём сознался, но других (тех, что ему помогали в России и на Западе) не выдал. Написал заявление, где признает, что совершил «правонарушение». Текст заявления он мне пересказал, ну, что сказать... оно средне-трусливого характера, хотя без прямого сожаления о содеянном, но всё же видно, что пишет так, чтобы не попасть в концлагерь. Удивительно, но его допросили и не выслали, а наоборот, упорно настаивали чтобы он продолжал учиться в Академии (очевидно, чтобы сделать его своим агентом). Но Форст категорически отказался и получил разрешение уехать в Голландию, за что благодарит письменно сов. власть, за их «гуманное отношение». Всё-таки они его напугали, а потому он и каляся. Перед отъездом виделся с митрополитом Никодимом (Ротовым), подробно все рассказал ему, а митрополит Никодим отнесся к нему с пониманием, долго его успокаивал. Сам Форст — симпатичный молодой человек, искренний,

но не сильный. Ввязался не в свое дело, да хотя поначалу, видимо, был настроен по-боевому. Он, оказывается, за три года своего пребывания в Лен. Академии сотнями возил богословские книги, Евангелия, Библии, иконки... Это, конечно, замечательное дело. Он ведь рисковал на границе, да и когда раздавал всё это в России.

Странно, но когда его схватили, то КГБ в этом его не обвиняло, и, по-видимому, они об этом не знают. Но ему, как иностранному студенту Академии, не следовало бы заниматься съёмками фильмов и так рисковать... хотя я сам, грешник, сколько провёз духовной литературы.

Эта история может затруднить принятие будущих иностранных студентов в Академию, да и самой Академии от КГБ могут быть неприятности. Митрополит Никодим — большая умница, он все понимает, а потому успокаивал Форста. Сам я считаю, что людям слабых характерных не следует пускаться в такие рискованные дела. Мне только не ясно; было ли все дело с самого начала провокацией КГБ? Долго ли они за ним следили и когда подключили «друга-помощника» — провокатора? И самому Форсту всё далеко не ясно... но получилась глупая и неприятная история. Жаль его: не смог окончить Академию, остался ни при чём и с перевернутой душой.

В остальном у меня все обычно. В конце месяца еду в Шевтень. Опять конференция, но не трудная и интересная по лицам, с которыми придётся встретиться.

Обнимаю,

Храни вас всех Господь, Ар. Василий

20. Письмо брату

Брюссель,
21 марта 1978 г.

Дорогой Игорь,

Сейчас Великий Пост, очень погружен в ежедневные богослужения, времени свободного мало, но всё же, хотя и не очень энергично, пытаюсь продвигать мой перевод на русский язык — мою рукопись о прп. Симеоне Новом Богослове. Уже перевел пять глав из двадцати семи. Переводить мне себя с французского на русский совсем нетрудно, и дело движется быстро, другое дело цитаты, которые я перевожу непосредственно с греческого. Это гораздо труднее и утомительнее не потому, что греческий текст древний, совсем нет (я ведь его знаю в совершенстве), но строение греческого языка другое. А потому мне хочется соблюсти точность, и это трудно совместить с литературностью. Приходится ломать голову, чтобы не получалось скучно и буквально, хотя необходима точность.

Конечно, следил с величайшим интересом за французскими Парламентскими выборами.

Очень рад провалу левых сил. Конечно, больше всего помогли коммунисты своими нападками на социалистов. Хотя французская Соц. Партия почти красная, тем не менее они стремятся к самостоятельности, к некой независимой линии. Со стороны коммунистов было бы величайшей глупостью допустить провал социалистов полностью, ведь тогда им не видать своих мест в парламенте вообще.

У меня давно уже возникает вопрос: а может быть, правы те, кто считает лучшей и действительной гарантией против коммунистической революции сильное социалистическое правление?

(типа немецкого?) И потому коммунисты так боятся усиления социалистов и их поправления. Страшно подумать, что было бы с Францией, если бы в 1968 году власть захватили повстанцы! Французские социалисты такие идиоты, что нужно только надеяться, что они когда-нибудь окончательно провалятся, а Ком. Партия вместе с ними...

Других новостей у меня нет. С интересом жду своей поездки в Москву, думаю об этом и мечтаю побывать в глубинке.

До Пасхи в Париж не думаю приезжать,
Обнимаю. Привет Н.А. и Никите.

Твой брат, Архиепископ Василий.

P.S. Матушка Екатерина¹ довольно слаба и очень устаёт, но всё делает по-прежнему.

Примечание:

1. См. Рассказ о монахине матери Екатерине (Полюховой, 1906–1982).

21. Письмо брату

Брюссель,
3 марта 1978 г.

Дорогой Игорь,

Прошу простить меня, что не поздравил тебя вовремя с днём рождения, из-за разницы в стилях перепутал даты, потом было поздно. Желаю тебе здоровья и всех благ!

С моей рукописью о Симеоне Н. Богослове есть некоторые новости. Из Америки получил письмо от православного американца, профессора Эриксона¹, заведующего Издательским Отделом Владимирской Академии. Он написал мне, что рукопись моя получена, и её будут переводить на английский; боюсь только,

что всё это очень задержится, да и как они с этим делом справятся. Я, конечно, просил переслать мне перевод, перечитать необходимо... тороплюсь, хочу успеть, а времени мало. Получил также ответ от о. Иоанна Мейендорфа: «Очень большое спасибо. Вы, Владыка, проделали исторический труд! Буду читать с радостью». Но он в этом году не во Владимирской Академии, а в Вашингтоне, а решающее лицо именно он. Впрочем, я не сомневаюсь, что он моего Симеона одобрит для перевода и печати. Весь вопрос во времени.

Несколько иначе обстоит дело с Шевтонь (Chevetogne)². Рукопись получена, читается р. Nicolas Egerder, заведующим шевтоньским Издательством. Сам он молчит, хотя прошло уже 4 недели (может, хочет закончить чтение? А всего 400 страниц). Но я виделся здесь с их настоятелем Michel Van Pargs, и он мне сказал: «C'est un beau manuscrit, vous montrez bien Syméon...» (Очень хорошая рукопись, вы хорошо представляете Симеона...) Но тут же некоторые оговорки, что он не прочёл ещё всей рукописи или что «большинство католиков ничего не понимают», или что последнее слово принадлежит о. Николаю Эгердеру, но мне кажется, что это неправда, потому как настоятель — более важное лицо и решает по сути он, а не Н.Э.

Я много думал и пришёл к выводу, что на самом деле содержание моей рукописи, а, вернее, сам Симеон Н. Богослов, не вполне в духе среднего католического читателя (но, как ни странно, и современного православного, который ничего о нём не знает!), именно это и смущает шевтоньских монахов. Но они будут молодцы, если решаться опубликовать, потому как им может «влететь» от их католического начальства. Впрочем, всё это только мои предположения. Но если бы Шевтонь не захотел публиковать, то у меня на примете есть и другие возможности для издания по-французски и по-русски³.

Говорил, кстати, со Н. Струве о возможности издать в его УМСА-Press, но он не даёт определённого ответа, говорит, что книга тоже не вполне в их духе. Они ведь не издали ни одной серьёзной богословской книги, всё больше художественной литературы, но когда я ему заметил это, то он стал это отрицать и ссылаться на финансовые трудности.

Скоро наступает Великий Пост, буду очень занят богослужениями, разъездами по Бельгии и Голландии. Вряд ли скоро удастся попасть в Париж.

Обнимаю, твой брат арх.Василий

P.S. Кланяюсь Нине Алексеевне и Никите большой привет.

Примечания:

1. Ректор Свято-Владимирской православной Академии в Нью-Йорке (США) профессор Джон Эриксон (Православная Церковь в Америке).

2. Шевтоньский мужской монастырь (Бельгия). Крестовоздвиженский бенедиктинский монастырь, подчиняется местному латинскому епископу. Основан в 1925 г. в Бельгии дом Ламбер Бодуэном в Амэ-сюр-Мез (епархия Льежа), и в 1939 г. перенесен в Шевтонь (епархия Намур). 11 декабря 1990 г. Приорство стало аббатством. В монастыре имеется византийская (Крестовоздвиженская церковь, освящена 13 сентября 1957 г.) и латинская церкви. На данный момент подвизаются 27 монахов. Активно занимается экуменизмом (монахи посещают Россию, ведется активная работа с православными братьями). Специфика монастыря в том, что богослужение в нем проводится по старому (дониконовскому) обряду. Есть огромная библиотека и издательство.

3. Книга архиепископа Василия «Симеон Новый Богослов» была издана при его жизни, переведена на все европейские языки, переиздана тысячными тиражами, и до сих пор пользуется необыкновенным успехом как у простого читателя, так и в научной богословской среде. Этот многолетний, скрупулезный труд поистине принес мировую славу владыке Василию.

22. Письмо Р.Н. Редлиху

Брюссель,
27 июля 1980 г.

Дорогой Роман Николаевич!¹

Получил Ваш меморандум о положении Церкви в России и Ваше письмо от 14 июля об отце Димитрии Дудко². Простите, что до сих пор не ответил, был в Англии на англикано-православной Комиссии.

Относительно Вашего меморандума скажу Вам, что он, в общем хорош, точен, обоснован, единственное, что можно Вам заметить — Вы недостаточно говорите о положительных явлениях церковной жизни, а увеличение посещения церквей в СССР молодежью, несомненно, можно отнести к духовному пробуждению. Правда, Вы об этом упоминаете, но вскользь и ограничиваете, и отождествляете духовное возрождение с церковным диссидентством. Положительное явление этого церковного «диссидентства» заключается не только в том, что народ (молодежь) идет в храмы, а и в том, что они не занимаются огульным поношением иерархии в Патриархии, а это положительное явление. Но и это далеко не все! Хочу заметить Вам, что самым положительным фактом в церковной жизни является резкое увеличение за последние годы, почти удвоение, числа семинаристов и студентов Духовных Академий, вызвавших создание параллельных классов в этих учебных заведениях. Это факт несомненный, всеми подтвержденный, и, я думаю, что эти семинаристы окажутся для Церкви в будущем более полезными, чем все участники так называемых «семинаров», хотя и те приносят свою пользу, хотя бы тем, что вынуждают советскую власть делать уступки Церкви, допуская молодёжь в высшие церковные школы. Об уве-

личении числа этих учащихся Вы в Вашем меморандуме ни слова не говорите. Почему? Чтобы сделать его более ударным? Думаю однако, что правдивость и объективность ударнее всего.

Теперь относительно о. Димитрия Дудко.

Это очень сложный случай, мы еще недостаточно осведомлены, хотя многое уже выясняется по доходящим из Москвы сведениям. Случай, как Вы пишете, потрясающий, и так он был воспринят не только здесь, но в особенности в СССР. Но мы должны быть реалистами и смотреть действительности прямо в глаза. Нельзя «утешать» себя (хотя это слово не подходящее) упрощенными объяснениями, вроде: «его пытали, кололи наркотики, поили чем-то, и от этого он стал говорить другое, отрёкся от своих прежних взглядов...» Впрочем, я замечу, что если и так, то он отрекся от некоторых взглядов и убеждений, но не от веры в Бога... Далее, хочу Вам заметить, что если у чекистов и есть такие средства принудить человека отречься не только от себя, но и подписать, что угодно, то почему они не справились с такими людьми как В. Буковский, А. Плющ, Д. Синявский? Почему они не смогли признать себя виновными и заставить работать «по-ихнему» св. Якунина, Регельсона и прочих борцов за правду. Сейчас уж не 37 год, хотя в науке «убеждать» традиции сохранились.

Как пишет Белов, просидевший многие годы в психотюрьмах (Сычевке), «мужественного идейного человека никакие средства не могут вынудить отречься». Я не берусь утверждать обратное, сам я лишь был на Гражданской войне и видел смерть, и был в плену у Красных, видел зверства... Но по отношению к о. Дудко нет таких данных, по которым можно утверждать, что к нему применялись физические средства, кроме полной изоляции, продолжительных допросов и т. д. Давление, несомненно, было, но преимущественно психологическое. Как бы то ни было,

человек не выдержал и сломался, по-советскому говоря, «раскололся» (увы не первый и не последний). Почему?

Как пишет Левитин-Краснов в «Русской мысли» (друг о. Дудко и хорошо его знавший, и считающий себя его другом до сих пор), что о. Димитрий был «глубоким неврастеником, нервным, увлекающимся, неустойчивым человеком». Так я слышал от многих, а по его некоторым письмам ко мне, я это могу только подтвердить. По-церковному: был в прелести или близко к ней. Вокруг него создалась нездоровая атмосфера обожания. Его захвалили. «Это наш Иоанн Кронштадский», — сказал мне как-то раз в Москве один из его приближенных. У такого человека может произойти резкая перемена во взглядах от первого шока, испуга, нажима (а, видимо, чекисты это знали).

Это не значит, что я верю в подлинность его покаянного заявления в «Известиях»! Много в нем явно подсказано чекистами, потому как есть безграмотности богословские (приписывает Евангелию слова ап. Павла о власти. Чекисты этого могли не знать, но священник о. Димитрий знает).

Обо мне он пишет ложь, будто бы «передавал на Запад через меня клеветнические материалы». Я с ним в Москве беседовал только один раз, но никаких документов он мне не передавал. Я уже опроверг это утверждение в газете «Ле Монд» и в «Фигаро». Но наряду с этими чекистскими вставками, более или менее обширными в желании меня опорочить, есть в его тексте места по стилю почти несомненной подлинности. Мне пришлось за последнее время много объяснять здесь на Западе, как работают некоторые «органы» в СССР и что русское священство очень страдает. Впрочем, всё это имеет мало значения, кто писал. Важно, что о. Дудко это подписал и, выйдя из тюрьмы, не отрицает.

Я не могу и не хочу его судить. «На словах мы все герои, а на деле не всегда», — вспоминает слова о. Димитрия Левитин-

Краснов. Но я не могу отрицать, что своим «покаянием» о. Дудко нанес тяжелый удар не только себе, но и своим ученикам и последователям, и вообще верующим и Церкви.

Дело, однако, не ограничивается личностью о. Дмитрия. И мы должны сделать нужные выводы. Отец Дмитрий хотел показать и выявить, что путь, по которому идет Патриархия — неправильный, что есть другой путь, трудный, но возможный, и что он (по смыслу о. Дмитрия) более полезен для Церкви. И если бы он устоял и не сломался, то показал бы на своем примере, что есть такой путь, хоть он и сопряжен с жертвами и страданиями. А сейчас, отрекшись огульно от всего, чему он служил и проповедовал, от всего хорошего, что он делал и писал, он показал, что его путь утопичен, нереален и вреден для Церкви, а путь Патриархии, если и не вполне правильный, но единственно возможный в настоящее время. Ибо неизмеримо лучше молчать, чем протестовать, шуметь, требовать, а потом от всего отречься!

Но, все же, я не отказываюсь от моих слов в моей телеграмме Брежневу, где я называю о. Дмитрия Дудко «ревностным пастырем и проповедником веры, достойным служителем Церкви». Господь Бог да будет ему судьей!

С любовью о Христе,

Архиепископ Василий.

P.S. Прилагаю мое заявление об отце Дмитрии Дудко. Можете его печатать, где хотите.

Заявление

В московской газете «Известия» от 21 июня 1980 года помещено Заявление за подписью «Свящ. Д. Дудко», в котором автор его, среди прочего другого, утверждает: «Полученные от меня корреспондентом газеты "Нью-Йорк Таймс" К. Реном,

американским профессором А.Р. Небольсиным, архиепископом Брюссельским и Бельгийским Василием (Кривошеиным) и другими иностранными гражданами клеветнические материалы использовались во враждебной пропаганде против нашего Государства».

Это утверждение, во всяком случае в том, что касается меня, не соответствует действительности. Никаких письменных материалов о. Дмитрий мне не передавал. Я виделся с ним в Москве всего один раз, беседовал с ним, но никаких письменных документов при нашей встрече он мне не вручал. А потому ясно, что они не могли быть использованы для клеветнических или каких-либо других целей. Единственное, что я получал от него письмом, это его Обращение «Они хотят меня судить», но я его нигде не публиковал, так как был во многом с ним не согласен и считал публикацию этого текста бесполезной для Церкви и способной вызвать лишь новые преследования против о. Дудко, о чём я и написал ему. Это Обращение попало на Запад ко многим и ходило по рукам.

Никаких других документов или материалов ни от о. Дмитрия, ни от других лиц я тоже не получал. А потому недоумеваю, что побудило о. Дмитрия Дудко сказать о моих отношениях с ним явную неправду, если только именно он сам является действительным автором вышеприведенных строк обо мне в «Известиях».

*Архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий
Брюссель, 30 июня 1980 г.**

* По выходе из тюрьмы отец Дмитрий написал много писем Владыке Василию, в которых просил простить его за моменты слабости. Эти письма хранятся в семейном архиве Кривошеиных в Париже. (Н. и К.)

Примечания:

1. Редлих Роман Николаевич. 1911–2005гг. Человек уникальной судьбы, в биографии которого отразились многие переломные этапы трагической истории России XX века. Родился в 1911 году в Москве, в семье обрусевшего немца. В 1929 году окончил среднюю школу, работал слесарем на железной дороге, затем младшим научным сотрудником в госинституте психологии, педологии и психотехники (ГИППП). В 1933 году вместе с семьей эмигрировал в Германию. В 1940 году окончил Берлинский университет со степенью доктора философии. Его учителями были выдающиеся русские философы С. Л. Франк и Б. П. Вышеславцев. В 1940 году вступил в НТСНП (позже НТС). В 1946 году был избран в Совет НТС. Неоднократно избирался в Исполнительное бюро НТС. Занимался литературной, научной и педагогической деятельностью. В 1947–55 годах возглавлял группу по изучению положения в СССР, курсы по подготовке членов НТС. Автор философских работ «Сталинщина как духовный феномен» (1971), «Советское общество» (1972), «Солидарность и свобода» (1984). Автор многих статей в журналах «Посев», «Грани», «Наши дни», «Мыслители» и радиопередач радиостанции «Свободная Россия». С 1992 года вел курс философии в Гуманитарном университете Натали Нестеровой (Москва). Скончался 25 августа 2005 г. во Франкфурте-на-Майне, в Германии.

2. О. Димитрий Дудко (Дмитрий Сергеевич Дудко) (24 февраля 1922 года, дер. Зарбуда (ныне Березино) Брянской области — 28 июня 2004 года) — протоиерей Русской Православной Церкви, церковный писатель и поэт, диссидент. В 1945 году поступил в Московскую Духовную семинарию. После ее окончания, в 1947, году переведен в Духовную Академию. 20 января 1948 года был арестован и приговорен к десяти годам лагерей с последующими пятью годами поражения в правах по ст. 58–10 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) — за то, что в 1942 году, находясь в оккупации, опубликовал свои стихи в газете, контролирувавшейся немецкими властями. В 1956 году был освобожден. Восстановлен в Академии и окончил ее в 1960 году. Рукоположен в священники. Служил в Московском храме Петра и Павла. В 1963 году храм был закрыт и взорван. О. Димитрий был переведен служить в храм Святителя Николая, что на Преображенском кладбище.

В 1973 году «за нарушение церковной дисциплины», а точнее, за свои проповеди, о. Димитрию запретили служить. Через четыре месяца запрещение было снято, а о. Димитрий направлен священником в храм Великомуече-

ника Никиты в село Кабаново, Орехово-Зуевского района, Московской области. После тяжелой аварии и излечения о. Димитрий приступил к службе в храме Смоленско-Гребневской иконы Божией Матери в с. Гребнево Московской области. Его проповеди публикуются за рубежом. 15 января 1980 года о. Димитрий был обвинен в антисоветской деятельности и арестован. Во время Московской Олимпиады 1980 года состоялось «покаянное» выступление по телевидению отца Димитрия, в котором он пытался опорочить и архиепископа Василия (Кривошеина), после этого «покаяния» от него отвернулись многие друзья. В 1981 году уголовное дело против о. Димитрия было закрыто.

В статье «Запад ищет сенсаций», опубликованной в газете «Известия», о. Димитрий заявлял, что никогда не выступал против советской власти, а как священник вел борьбу с безбожием.

В сентябре 1980 года о. Димитрий приступил к служению в храме Владимирской Иконы Божией Матери в селе Виноградово Московской области. В 1984 году, по решению церковных властей, был отправлен служить сельским священником в село Черкизово Коломенского района.

ПЕРЕПИСКА С АФОНОМ

38. Епископу Волоколамскому Василию (Кривошеину) от игумена афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана

Без даты

Ваше Преосвященство, Преосвященнейший Владыко, святительски благословите!

Дорогой и Святейший владыко, я очень рад был получить Ваше дорогое письмо. Теперь уже Вы, Ваше Преосвященство, — самый верный и истинный советник мой. Теперь без Вашего совета я ничего не могу сделать. Простите, немного задержал письмо — все ждал из Ильинского скита брошюру о. Кассиана, которую и высылаю Вашему Преосвященству.

Грек, которого прислал Астеном Иностранной полиции из Кареи, сам ушел — поругался с нашими греками. А теперь Астеном прислал другого, выгнанный диакон из Лавры Св. Афанасия¹. Еще его не приняли, потому что о. Давид лежит в Салониках в больнице. К Пасхе поправится. Остальная жизнь идет все своим чередом — монахов стало совсем мало, Церковь пустая. Наверху мы служили с о. Серафимом², внизу о. Гавриил³, Матфей, иерод. Кирилл⁴, еще собором помогает служить Керогианский о. Митрофан. На Крумице⁵ Церковь Казанской Б.М. сгорела. Загорелось ночью в просворне; от сильного ветра загорелся и алтарь. Огонь перешел до колокольни, колокола попадали

вниз, но не разбились. И еще другая сторона сгорела до аптеки. Ночью пришел народ с пирги⁶ и помогал тушить. В декабре я был там с отцом Серафимом, иером. И все главные иконы, Чаши и Евангелия увезли в монастырь. Там теперь живет один о. Фома скитский, а остальные — рабочие.

Ещё и ещё благодарю премного за то, что Вы заботитесь о нас, кланяюсь Вам до земли и еще прошу не оставить нас Вашим Святым советом.

Испрашивая Вашего Святительского Благословения и Святительских молитв, Вашего Преосвященства смиренный богомолец.

Игумен архимандрит Илиан.

P.S. Ваше Преосвященство, поздравляю с предстоящим праздником Св. Пасхи и желаю Вам в радости духовной встретить Воскресение Христово. Буду чаще писать Вам — почему-то другие много говорили, а теперь уклоняются. Теперь буду надеяться на Ваше святительское благословение, молитвы и помощь.

Примечания:

1. Лавра св. Афанасия (Великая Лавра) — самый первый по диптиху из 20-ти афонских монастырей.
2. Иеросхимонах Серафим (Текза Стефан; 1901–1982). На Афоне с 1925 г. Заведовал монастырской больницей, а затем и гостиницей.
3. Иеромонах Гавриил (Легач Георгий Васильевич; 1901–1977). Впоследствии архимандрит. На Афоне с 1924 г. В 1926 г. пострижен в мантию. Игумен Свято-Пантелеимонова монастыря в 1971–1975 гг.
4. Иеродиакон Кирилл (Лебедев). Учился в Свято-Сергиевском Богословском Институте в Париже. Других сведений обнаружить не удалось.
5. Крумица — местность на Афоне, принадлежащая русскому Свято-Пантелеимонову монастырю.
6. Пирг — пристань в г. Уранополис, откуда отплывает паром на Афон.

39. Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию (Кривошеину) от игумена афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана

Без даты

Ваше Преосвященство, Преосвященнейший Владыко, святительски благословите!

За три дня до праздника получил Ваше дорогое письмо и святительское благословение. Благодарю Вас от всей души, что Вы заботитесь за нас и молитвенно помните обитель нашу. Я Ваше дорогое письмо читал на собрании 29 июля. Все были очень благодарны и рады. Праздник прошел с Божьей помощью и с св. великомученика Пантелеимона, очень хорошо и благополучно всё.

Особенно новостей нет, но очень мы ослабли, нету священства, у Покрова служба должна теперь кончиться. О. Николай, иером., очень ослаб, остались только о. Гавриил и я. Пока все. Где находится профессор Большаков¹? Что-то мне не пишет. Может быть за что-нибудь обиделся?

Посетителей очень много, особых новостей нет. Все монастыри устраивают дороги. Работают машины. У нас уже прошла от Старого Русика и до моря.

При искреннем пожелании Вам здоровья, духовного успеха, испрашивая Ваших святительских молитв и святительского благословения, Вашего Преосвященства смиренный послушник

игумен архимандрит Илиан со всей о Христе братией

P.S. Наши общие друзья и знакомые оо. Виссарион, Флегонт и Гавриил Благовещ.: прошло три года после их смерти, но они все не растлелись².

Примечания:

1. Большаков Сергей Николаевич (1901–1990). Родился в Санкт-Петербурге. В 1918 г. покинул Россию. Учился в Эстонии, защитил докторскую диссертацию в Оксфорде. Жил сначала в Бельгии, затем в Англии. Занимался экуменической деятельностью. Оставаясь православным, большую часть жизни прожил в католических монастырях. Автор нескольких книг и статей о русской духовности. В составе церковных делегаций Западно-Европейского Экзархата Русской Православной Церкви неоднократно бывал в СССР. С 1974 г. жил в Швейцарии, в монастыре Отрив, где и скончался в 1990 г.

2. По афонской традиции преставившегося монаха заворачивают с головой в мантию и предают земле без гроба в день смерти. Через три года могилу раскапывают и снова зарывают, если тело не истлело полностью. В другом случае — омытые кости переносят в костницу. Череп с надписью имени и даты смерти монаха ставят на специальную полку.

34. Иеромонаху Василию (Кривошеину) от насельника афонского Свято-Пантелеимонова монастыря иеродиакона Давида

16/29 декабря 1952 г.

Ваше Высокопреподобие, глубокоуважаемый о. Василий.

С праздником Рождества Христова и наступающим новым 1953 годом. Шлю Вам свой искренний, братский привет и наилучшие добропожелания.

Письмо ваше от 2/15.02.1952 г. я получил своевременно и простите за опоздание с ответом — получил его в день отъезда в Солунь, там я задержался, да и вернувшись, не сразу взялся за перо — дела мешают.

Жизнь наша идёт обычным темпом, тишина, только обиденная суета никогда не кончается, но это, кажется, везде так. С о. Иппатием рассчитались, то есть ему выдали *απολυτήριον*¹. Он

у нас требовал *πιστοποικτικόν*² на 3 месяца и деньги на расходы, угрожая, что если ему не дадут, то уйдет с монастыря. Ему отказали, и он требовал *απολυτήριον* (неофициально, написал только мне лично и думал таким напугать). Когда мы ему таковой послали, он его не стал принимать (мы послали через Герохристо Аф., заявляя, что ему нужны деньги на разыскание себе места. Нам это сообщили, и мы дали ему 1.000.000 драхм, он взял *απολυτήριον* и расписался. Вообще, о. Василий, он оказался большой мерзавец. Недавно я был в Солуни у митрополита Пантелеимона³, и он мне сказал, что Иппатия в Солуне держать не будет (он теперь временно пребывает в [...]), куда-нибудь проводит его.

С епископом Серафимом⁴ в Солуне я виделся, его на Афон не пустили. Не знаю, может быть я ошибаюсь, но я в нём серьезного ничего не нашел. Он там служил в *Χαρίλαο*⁵ и говорил речь, но эта речь от начала до конца состояла из объяснений о раздорах Церквей в Америке, и под конец вышло, что настоящая Православная Церковь русская в мире — это только Церковь Анастасиевская⁶, на что многие остались недовольны. Он потом поехал в Константинополь к Патриарху для объяснения о задержках проезда на Афон. Тот его к себе не принял. Что сюда не смог приехать епископ, очень жалеет о. Виссарион, они одного покроя, взглядов и ума.

Здесь, о. Василий, в Афинах, затевается одно дело, о котором я очень бы хотел иметь Ваше мнение. Дело в следующем: Вам, вероятно, известно, что существует организация [...], которая берёт на себя заботы сделать в Америке между православными греками сбор в пользу Афона. С Афона будет назначена 2–3-членная комиссия, которой это Общество предоставляет нужное. Например, обеспечивает все расходы комиссии, предварительно предоставляет для услуг радиостанцию [...] и пр. За всё это, по окончании, Общество возьмет из собранного 10 %. Мне пред-

лагали, лично, войти членом в эту комиссию от имени русского Афона, и это именно для того, чтобы сбор мог простираться и на русскую Америку. Предполагается там собрать большие деньги. Я, между прочим, думаю, что наши власти — нашего брата не выпустят, несмотря, что Общество берет на себя все сделать. Во всяком случае, я прошу напишите мне скорее Ваше мнение по этому вопросу.

Отец Дамиан шлёт Вам свой привет. Он теперь постарел, очень остарился, плохо видит. Недавно скончался о. Антоний, бывший игуменский келейник. О. Никострат в Кареи⁷ что-то жалуется на ногу — хромает.

С нового года, если доживем, не знаю, как бы организовать эпитропию⁸. Мне хочется немного отдохнуть. Я очень утомился. Вениамин, мошенник, опять начал выпивать, но дело в Синодике пока что ведёт. Пьяный он не валяется, но выпьет мало, а болтает много — надоедает слушать.

Мне приходится очень много терпеть, так как приходится быть в курсе всякого производимого дела, но ничего не поделаться, живу и питаюсь надеждой — завтрашнего дня, авось, какая-нибудь помощь — перемена, но её все нет. Да будет воля Божья.

Прошу святых молитв.

Ваш иеродиакон Давид⁹

Примечания:

1. Απολυτήριον — аполитрион (греч.). Отпустительная грамота для перехода в другую епархию или монастырь.

2. Πιστοποιητικόν — пистопиитикон (греч.). Удостоверение, сертификат, аттестат. В данном случае справка о постриге и о принадлежности к какой-то обители.

3. Митрополит Пантелеимон I был правящим архиерем Фессалоникийской митрополии в 1951–1968 гг.

4. Скорее всего, речь идет о епископе Серафиме (Иванове Леониде Геор-

гиевиче) (1897–1987). Родился в Курске, окончил философский факультет Московского университета. Воевал в Добровольческой армии. Эмигрировал в Югославию. В 1926 г. принял постриг на Афоне, в том же году вернулся в Сербию, где был рукоположен. С 1935 г. — настоятель монастыря св. Иова Почаевского в Ладомирове. В 1946 г. хиротонисан во епископа. Проживал в Джорданвиле. С 1959 г. — епископ Чикагско-Детройский, с 1959 г. — архиепископ. Постоянный член Синода РПЦЗ. В 1960 г. принял участие в рукоположение греческих старостильников.

5. Харілао — Харилао, один из районов г. Фессалоники.

6. Имеется в виду Русская Православная Церковь Зарубежом, возглавляемая в то время митрополитом Анастасием (Грибановским).

7. Каряя — селение, административный центр Афона. Находится в середине полуострова, на северо-восточном склоне Святой Горы.

8. Эпитропия — комиссия (2–3 человека, избираемые на год), имеющая исполнительную власть. Исполнительная власть монастыря состоит из игумена, которому помогает эпитропия, с которой он сотрудничает во всех вопросах административного и хозяйственного характера. Эпитропы (члены эпитропии) выбираются советом старцев на один год после предложения игумена или прочих членов совета старцев.

9. Иеродиакон Давид (Цубер; 1905–1987). Впоследствии принял великую схиму с именем Димитрий. На Афоне с 1923 г. В совершенстве владел восемью языками. Представлял монастырь в Киноте, одновременно был экономом монастыря. С 1974 г. несколько раз бывал в СССР.

35. Иеромонаху Василию (Кривошеину) от насельника афонского Свято-Пантелеимонова монастыря иеродиакона Давида

21 апреля 1955 г.

Ваше Высокопреподобие, многоуважаемый Старец о. Василий, Воистину Воскресе Господь!

Благодарю за пасхальный привет, добропожелания и св. молитвы. Письма оба Ваши я своевременно получил (посланы 9-го

и 20-го марта). Не отвечал сразу, т.к. ожидал от о. Никострата (Антипросопа¹) присылки копий полностью поступивших в Кино² бумаг относительно Вашего дела, но, к сожалению, о. Никострат и до сегодня ничего не сделал. Герохисто, как Вы и писали, без точных сведений с ответом затрудняется. О. Никострат сейчас совсем не на месте, но некуда деваться — некого послать в Карею. Старцы согласны дать отпор, но за Никострата бьюсь, т.к. на днях я был в Конаке³ и ему говорил об этом в 4-й раз, но он все только что-то бурчал. У нас был серьезный вопрос в ноябре прошлого года с Св. Кинотом, но он ко всему отнесся так неградиво, что лучше бы его там и не было: хотя бы остались не подписанные монастырем вопросы, которые противны нашим интересам. Выговариваю ему только я, но вижу, что меня он презирает, а другой никто и ничего не скажет — просто некому интересоваться — никому ничего не нужно, но всего не опишешь. У меня сейчас здесь — не жизнь, а просто драма. Во всяком случае, относительно вашего вопроса будем делать все возможное. [...] О. Евсевий Ксироп. (?) на днях прибыл в монастырь. На него ужасные обвинения о злоупотреблении монастырским имуществом. Дело расследовали власти гражданские из Солуни, но под конец он оказался прав и чист, а посрамлены его клеветники. Адвокат у него Герохристо Аф. Вообще в Ксиропотаме⁴ уже год как происходят почти небывалые в Афоне события. Вообще, о. Василий, Афон, если не примет меры к умножению миролюбия, то в недалеком времени сам себя разрушит.

Александр лаврский в монастыре. Немного парализован ногами, но он уже не проистамен⁵ — там тоже неприятности.

В Хиландари пока что никто не приехал. Было в газетах, и из сербов слышал, что будто разрешено приехать пяти человекам, но до сегодня на самом деле никого нету.

Вы спрашиваете, почему я еще не иеромонах: ведь на это

дело сам проситься не будешь, да, между прочим, еще стоят оо. Серафим и Андрей, но, говоря откровенно, о. Василий, это результат упорства стариков, — но все это в обиду Обители. Прошу Ваших святых молитв

убогий иерод. Давид

P.S. Простите, что написано неуклюже, лампа испортилась и темно.

Примечания:

1. Антипросоп — представитель монастыря в Киноте.
2. Кинот состоит из равноправных представителей (антипросопов) по одному из всех 20-ти монастырей Св. Горы.
3. Конак (кунак) — представительство монастыря в Карее. В настоящее время в городе имеются подворья (конаки) 19-ти из 20-ти афонских монастырей, в которых живут представители этих обителей в Киноте. Монастырь Котломуш не имеет своего подворья ввиду его непосредственной близости от Карей.
4. Ксиропотам — один из 20-ти монастырей на Афоне. Посвящен 40-ка мученикам Севастийским.
5. Проистамен — монастырский начальник. Начальника избирают пожизненно, согласно внутреннему распорядку монастыря. На собраниях начальники заседают и берут слово по старшинству повышения в должности.

36. Епископу Волоколамскому Василию (Кривошеину) от игумена афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана

17 июля (старого стиля) 1959 г.

Ваше Преосвященство, Преосвященнейший Владыко Василий, святительски благословите!

С искренней и великой радостью получил Ваше дорогое письмо и святительское благословение. Все отцы наши были рады, что Господь сподобил Вас Святительского сана. Я всем на

соборе показывал Вашу святительскую фотографию, все сознают, что Вы достойны получить такой высокий сан за перенесение великих и напрасных скорбей. Да возрадуется душа Ваша и Господь. Очень извиняюсь, что не мог скоро ответить Вашему Преосвященству, служить некому, держу Седмицу и у Покрова¹ и внизу² двое с иером. Гавриилом.

Новости у нас такие, что Афон празднует 1000-летие своего существования и посетителей очень много, все нужно в Библиотеку. Из Салоник прямое сообщение. Автомобили идут до пристани 6 часов и два часа мотор, в восемь часов все едут к нам ночевать. Проложили шоссе до Старого Русика³ и ходят автомобили. Из Ксиропотама или Дафны⁴ ходит маленький пассажирский до Кареи. В Великую Пятницу в Ильинском скиту⁵ случился пожар, загорелась просфорня, и огонь перешел чрез стену на сеновал, и все сено и конюшни погорели. Игумен⁶ долго был больной, тушили всю ночь на Великую Субботу.

Простите Ваше Преосвященство, осмелился положить в письмо свою фотографическую карточку.

Простите ради Бога, что мало написал, в другой раз напишу побольше, очень скорбно становится жить. Испрашиваю Вашего Святительского Благословения и Св. молитв, Вашего Преосвященства остаюсь недостойный и смиренный богомолец

игумен Имиан⁷ со всею о Христе братиею

Примечания:

1. Покров — имеется в виду Покровский храм Свято-Пантелеимонова монастыря.

2. Имеется в виду нижний соборный храм в честь вмч. Пантелеимона.

3. Старый Русик — скит Пантелеимонова монастыря.

4. Дафнии — селение, главный порт Афона.

5. Ильинский скит — общежительный скит, подчиненный монастырю Пантократор. Основан в 1759 году преподобным Паисием Величковским.

6. В те годы игуменом Ильинского скита был схиархимандрит Николай. Других сведений о нем найти не удалось.

7. Схиархимандрит Илиан (Сорокин Иван Михайлович; 1883–1971). В 1902–1905 гг. был послушником в Глинской пустыни. В 1905 г. поступил на Афон, где в 1908 г. принял постриг. Рукоположен в иеромонаха в 1932 г. В 1958–1971 гг. — игумен Свято-Пантелеимонова монастыря.

37. Епископу Волоколамскому Василию (Кривошеину) от игумена афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана

30 августа (старого стиля) 1959 г.

Ваше Преосвященство, Преосвященнейший Владыко Василий, святительски благословите!

Ваше Преосвященство! Крайняя нужда нас заставляет беспокоить Вас: мы совсем ослабеваем, все постарели, новых сил нет и не знаем, как поступить нам. Обращаемся за Вашим советом. В Салониках открылась выставка, а к нам на Афон ни одного русского не пускают: ни посланника, ни представителей Русской Церкви, которые были на Соборе в Родосе¹. Мы хотели послать Св. Патр. А.² Ваше письмо, которое Вы писали, но о. Д.³ боится нападений. О. Фома скитский⁴ согласился повезти Ваше письмо в Афины в Посольство, но решили спросить Вашего совета, а может быть, Вам его прислать, и Вы перешлете Св. Патриарху или же от своего имени напишите, что мы Вас просим. Ради Бога, помогите. Журнал получил с великой благодарностью, читал о Вашей хиротонии. Слава Богу, Господь сподобил Вас такой Благодати. О. Д. тоже напишет Вам письмо, адрес пишите на меня, мне много приходит писем. Простите, что на такой бумаге пишу, чтоб поменьше весом.

У нас в обители осталось всего 53 человека, в Андреевском⁵

10 чел., в Ильинском 12 ч. и Келлиотов⁶ 20 человек, всего русских жителей на Св. горе.

Еще раз прошу простить и помогите.

Испрашиваю Вашего святительского благословения и святых молитв.

*Вашего Преосвященства смиренный богомолец
игумен архимандрит Ильян*

Примечания:

1. Речь идет о проходившем в августе 1959 г. на острове Родос заседании ЦК ВСЦ. Представители Русской Православной Церкви присутствовали на нем в качестве наблюдателей.

2. Святейший Патриарх Алексий I (Симанский).

3. Вероятно, иеродиакон Давид (Цубер).

4. Отец Фома заведовал аптекой и больницей монастыря. Других сведений найти не удалось.

5. Андреевский скит — крупнейший русский общежительный скит на Афоне, при монастыре Ватопед. По своим размерам он больше некоторых монастырей. В XIX веке Российское правительство вело переговоры о придании ему статуса монастыря. В 1972 г. скончался последний насельник скита о. Сампсон. Андреевский скит перешел в ведение кириархального монастыря Ватопед и долгое время стоял заброшенным. С 1992 г. в нем поселилось несколько греческих монахов.

6. Келлиот — насельник келлии. Келлия — отдельное монашеское жилище (здание, постройка) из нескольких комнат, а иногда из 2–3 этажей с пристроенным к нему храмом. Расположена на земле какого-то монастыря и является его собственностью. Келлия может передаваться в пожизненное пользование какому-то монаху. Келлия может быть большой, и численность братии в ней может доходить до 20-ти человек. Келлия находится вне подчинения скиту. Превращение келлий в скиты категорически запрещено.

*1. Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому
Василию от игумена афонского Свято-Пантеле-
леимонова монастыря архимандрита Илиана*

Февраля 28, 1961 г.

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко, святительски благословите!

Извещаю Ваше Преосвященство, что святыми Вашими молитвами живу, слава Богу. С великой благодарностью получил Ваши две брошюрки и журнал Московской Патриархии. Спасибо, что пишете в защиту Православной Церкви. Много очень трудитесь. Из Москвы получаю журналы и ещё получил календарь. Получил от Святейшего Патриарха Алексия благодарность за поздравление, а также от Преосвященнейшего Никодима.

Наша афонская жизнь всё по-старому. Андреевский скит совсем ослаб. У нас многие померли: последний — отец Мисаил¹. Осталось приблизительно 35 человек.

Испрашиваю Вашего святительского благословения и святительских молитв.

*Вашего Высокопреосвященства смиренный послушник и
богомалец игумен архимандрит Илиан с братией*

Примечание:

1. Иеромонах Мисаил (?–1960). Поступил на Афон в 1896 г. Нес послушание гостинника в Свято-Пантелеимоновом монастыре.

2. Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию от игумена афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана

Июня 26, 1961 г.

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко, святительски благословите!

Ваше Высокопреосвященство, простите, долго не писал Вашему Высокопреосвященству, все ждал Вашего письма, но у Вас премножество дел, потому нет времени. Мы живем всё по-старому. Посетителей много. 19 июня по старому стилю посетил нас сербский епископ Павел¹ из Призрена и с ним архимандрит, 2 протоиерея, иеромонах, дьякона и мирские преподаватели, всего 12 человек. Приехали вечером в субботу, утром в воскресенье я служил для них раннюю литургию у Успенья. Владыка остался доволен и немедленно уехал в Лавру². Сергей Николаевич Большаков собирается приехать с Высокопреосвященнейшим митрополитом Николаем Корсунским³. Еще собирается приехать архимандрит Августин⁴, начальник Русской Миссии в Иерусалиме, но еще пока не слышно. Лавра Святого Афанасия готовится к встрече праздника, проделывают дороги для автомобилей и разные проекты для встречи гостей.

Мы живем всё по-старому. Дело с крушением автомобиля кончилось для нас благополучно. Отец Давид остался оправдан. В Андреевском скиту очень ослабли. Ильинский скит поклоняется Анастасиевским⁵ долларам. Теперь русскую переписку я пишу сам. Епископам заграничным никому не пишу. Отвечаю только на письма благодетелей.

Ваше Высокопреосвященство, не забывайте нас, пока что-нибудь переменится. Испрашиваю Вашего святительского бла-

гословения и святых архипастырских молитв.

Вашего Высокопреосвященства смиренный послушник и богомолец:

Игумен Архимандрит Илиан со всею о Христе братиею

Примечания:

1. Епископ Павел (Стойчевич Гойко; род. 1914). Святейший Патриарх Сербский (1990–2009 гг.). Был епископом Рашко-Призненским в 1957–1990 гг.

2. Имеется ввиду Великая Лавра преподобного Афанасия Афонского.

3. Митрополит Корсунский Николай (Еремин Степан Павлович; 1892–1985). После Первой мировой войны жил в Праге, затем переехал во Францию. В 1942 г. был рукоположен в сан священника. В 1943 г. окончил Свято-Сергиевский Богословский институт в Париже и в 1944–1947 гг. преподавал там славянский язык и практическую канонику. В 1943–1947 гг. был библиотекарем института. В 1945 г. принял монашеский постриг. За принадлежность к Московскому Патриархату в 1947 г. был уволен из числа преподавателей Института. В 1947 г. возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Трехсвятительского подворья в Париже. 17 декабря 1953 г. в Берлине был хиротонисан во епископа Клишийского. В 1954 г. возведен в сан архиепископа и назначен экзархом Московского Патриархата в Западной Европе. В 1960 г. возведен в сан митрополита с присвоением титула Корсунский. С 14 января 1963 г. — на покое. Скончался 23 января 1985 г. в Париже.

4. Архимандрит Августин (Судоплатов). Во время Второй мировой войны находился в действующей армии, имел офицерское звание. Пострижен в 1955 г. В 1956–1959 гг. был заместителем Псково-Печерского монастыря, затем был начальником Русской Духовной миссии в Иерусалиме (1959–1961 гг.). После служил в г. Псков. В 1970–1972 гг. был заместителем Троице-Сергиевой Лавры.

5. Имеется в виду финансовая помощь со стороны главы РПЦЗ — митрополита Анастасия (Грибановского).

3. Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию от игумена афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана

Октября 14 (старого стиля), 1961 г.

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко Василий, святительски благословите.

Посылаю Вам два письма, адресованные на Ваше имя — одно я, по рассеянности, открыл, но не читал, простите. Не дождалась Вас, к общему всех прискорбию. Простите, что мало пишу. Праздник Покрова Божией Матери скромно праздновали. Шлю Вашему Высокопреосвященству земной поклон и целую Вашу святительскую руку. И скажу: многая Вам лета, Владыка Святый. Остаюсь Вашим смиренным послушником и богомольцем.

Игумен Архимандрит Илиан

P. S. Ваше Высокопреосвященство, прошу простить меня, я письма Ваши послал, но Ваше письмо осталось у меня, или я послал Вам, да позабыл, не помню. Я пишу Вашему Высокопреосвященству, что к нам приехал 9 сентября старого стиля из Америки Семененко¹ — богач. Мы все отдыхали, и когда я пришел в залу на фондарики, он очень возвышенным голосом на меня, почему веду обширную переписку с Московской Церковью. Это все Анастась² устроил. Потом пришел отец Давид, и начались экономические разговоры. Господин Семененко пробыл у нас один час и уехал на своей или нанятой яхте в Ильинский скит. Там его встречали полиция, а главное, помощник или секретарь губернатора. Он знал, то есть помощник губернатора, что сюда желают приехать русские епископы из Москвы, и получил от Семененко порядочную сумму. Научил ильинских написать протест, что

они не желают принять русских епископов. Антипросоп³ Пантократорский заявил в Киноте.

Примечания:

1. С.Я. Семененко — американский бизнесмен русского происхождения. Один из главных благотворителей РПЦЗ. Купил и передал в дар РПЦЗ здание для Архиерейского Синода в Нью-Йорке. Неоднократно бывал на Афоне.

2. Митрополит Анастасий (Грибановский Александр Алексеевич; 1873–1965). С 10 августа 1936 г. — Первоиерарх Русской Православной Церкви Зарубежом. До сентября 1944 г. проживал в Белграде, затем эвакуировался в Мюнхен (Германия). В 1951 г. переехал в США. С 27 мая 1964 г. — на покое. Скончался 22 мая 1965 г. в Нью-Йорке.

3. Антипросоп — представитель монастыря в Киноте. Пантократор — монастырь, которому подчинен Ильинский скит. Земля Афона поделена между 20-ю монастырями. Все остальные обители не являются полноценными монастырями (в афонском понимании этого слова), то есть не имеют ранга монастырей со всеми вытекающими отсюда правами и, в частности, правом собственности земли. Все прочие обители могут основываться на землях монастырей и называются скитами, келлиями, каливами. Хотя многие скиты по размеру и больше монастырей, однако в решении многих вопросов они зависят от монастырей, на чьей территории они построены. Еще меньшие по размеру обители называются кельями.

4. Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию от игумена афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана

Декабря 7 (старый стиль), 1961 г.

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко и милостивый архипастырь, святительски благословите!

Вменяем себе в приятный долг почтительнейше принести Вашему Высокопреосвященству наше искреннее сердечное поздравление с оными священнейшими праздниками Святой

Церкви Христовой и наступающим вступлением в Новый год. При усердном общебратственном благожелании Вашему Высокопреосвященству мира и радости о Бозе-Спасе. Вручая себя и все братство святым молитвам Вашего Высокопреосвященства, имеем честь быть с совершенною преданностью и глубочайшим почтением Вашего Высокопреосвященства послушником и смиренным богомольцем.

Игумен Архимандрит со всей о Христе братьею

P.S. Ваше Высокопреосвященство! Простите, я плохо написал, болею гриппом, голова очень болит. Живем всё по-старому, нас осталось всего на две церкви 28 человек, с трудом совершаем правило.

Ваше Высокопреосвященство! Ночью 7 и утром 8 декабря старого стиля в Преображенском корпусе вспыхнул пожар, где святая церковь Скоропослушницы и Иоанна Златоустого, и вся эта часть западной стороны сгорела, и церкви сгорели.

*С. Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому
Василию от игумена афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана*

Мая 3 (старый стиль), 1962 г.

Воистину Христос Воскресе!

Ваше Высокопреосвященство, извещаю Вас, что я получил дорогие для меня Ваши два письма, еще получил от Святейшего Патриарха Алексия, еще от Его Высокопреосвященства митрополита Корсунского Николая и от Высокопреосвященнейшего Никодима, архиепископа Ярославского и Ростовского, письмо и три посылки. В настоящее время приехал к нам иеромонах

о. Ириной (Донс)¹ с Вашим рекомендательным письмом, и я, пользуясь случаем, напишу Вам о нашем существовании.

Затихли слухи о приезде Высокопреосвященнейшего Никодима и о приезде новых монахов, хотя пять человек. Благодаря Вашему Преосвященству теперь мы имеем сношение с Патриархией, и греческое правительство недовольно на нас — жаловались Семененко, посетителям русским из Америки говорят, что в Пантелеимоновском монастыре коммунисты, — не заходите. У нас был профессор Барсов, говорил, что я только и нашел христианство в обители Святого Пантелеимона и переехал из Ильинского (скита) к нам. Семененко пожертвовал нам 1000 драхм, а благодарность заставил писать владыке Анастасию. Андреевский и Ильинские скиты тоже получили пасхальные посылки, их очень осталось мало, по семь человек. На Крумицу провели автомобильную дорогу, а Метох² сдали от половины грекам. Теперь у нас есть три автомобиля, когда нужно, ходят и до Карей³. У Покрова⁴ очень ослабли, читать и петь некому. Внизу остались три грека и четверо русских. Внизу⁵ седмичные иеромонахи отец Гавриил⁶ и отец Матфей, и дьякон Кирилл Лебедев. Соборной службы не бывает. Вверху у Покрова иеромонах отец Серафим⁷ и еще два эмигранта, и два диакона. Иногда служим собором. Отец Давид отказался служить.

Может быть, кто-нибудь поедет к нам из Ваших знакомых, напишите немного. А почтой ничего не пишите потому, что все письма, идущие к нам и от нас, цензура проверяет.

Ваше Высокопреосвященство, прошу Вас, перешлите мое письмо Высокопреосвященнейшему Никодиму. Пошлину берут за посылки, которые мы получили, по 180 драхм. Но так решили, что будем платить. А только дорого для нас сношение с Патриархией. На пирге⁸ открыли гостиницу на 70 комнат. Дорогу проводят от Дафны⁹ до Карей и от Карей до Ивера, а там будет

до Лавры ходить пароход. Если узнаете, что Высокопреосвященнейший Никодим собирается на Афон, чтобы взял с собой дьякона — наши не могут.

Извините и простите, Ваше Высокопреосвященство, что я так много пишу и обращаюсь так просто с Вами. Вы наш благодетель, и никто так монастырь не любит, как Вы. Когда будет возможно, скажите Высокопреосвященнейшему Никодиму, что мы очень его благодарим, дай Господь, чтобы он посетил нас.

Смирненнейше испрашивая архипастырского Вашего благословения и вверяя себя святительским молитвам Вашим, с чувством искреннего высокопочитания и преданности остаемся:

*Вашего Высокопреосвященства нижайшими послушниками
и приснопоминающими богомольцами игумен а. Илиан со всею
во Христе братиею*

Примечания:

1. Иеромонах Иринея (Донс; 1907–1979). Насельник бенедиктинского монастыря Шеветонь (Бельгия). Составитель обширной библиографии по Афону. Неоднократно бывал на Святой Горе.

2. Крумица, Метох — местности на Афоне, принадлежащие русскому Свято-Пантелеимонову монастырю.

3. Карея — селение, административный центр Афона.

4. Покров — имеется в виду Покровский храм Свято-Пантелеимонова монастыря.

5. Имеется в виду нижний соборный храм во имя святого великомученика Пантелеимона.

6. Иеромонах Гавриил (Аегач Георгий Васильевич; 1901–1977). Впоследствии архимандрит. На Афоне с 1924 г. В 1926 г. пострижен в мантию. Игумен Свято-Пантелеимонова монастыря в 1971–1975 гг.

7. Иеросхимонах Серафим (Текза Стефан; 1901–1982). На Афоне с 1925 г. Заведовал монастырской больницей, а затем и гостиницей.

8. Пирг — пристань в г. Уранополис, откуда отплывает паром на Афон.

9. Дафнии — селение, главный порт Афона.

Б. *Архиепископу Ярославскому и Ростовскому
Никодиму от архиепископа Брюссельского и
Бельгийского Василия*

Июня 25, 1962 г.

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко!

Получил сегодня с Афона письмо от игумена нашего русского монастыря святого Пантелеимона архимандрита Илиана (от 3/16 мая). Письмо послано с оказией, так как письма греки вскрывают, и отец Илиан боится сам по почте писать. В конверте вложено письмо к Вам, которое я Вам при сем пересылаю. Из письма отца Илиана видно, что Вы до сих пор не были еще на Афоне¹. Чем объясняется отсрочка Вашей поездки — вашей многозанятостью или новыми махинациями греков, мне не ясно. Второе вероятнее. Во всяком случае, Вас, по-прежнему, с нетерпением ждут в русском монастыре и придают большое значение Вашему приезду.

Как мне удалось выяснить и как мне писал отец Илиан в предыдущих письмах (также посланных с оказией), против нашего приезда на Афон прошлой осенью была организована целая интрига. Главные ее деятели — карловчане и греческие власти. Как раз к моменту нашего прибытия в Грецию в Афины прибыл на своей яхте миллионер, американец русского происхождения Семененко, видный карловчанин, финансирующий их церковную организацию. Уже в Афинах он посетил Министерство иностранных дел и настаивал на недопущении русской делегации на Афон. Потом он направился на Афон и там вместе с губернатором Константинопуло оказал давление на настоятеля Ильинского скита архимандрита Николая², человека неплохого, но слабого и

любящего американские доллары. Архимандрит Николай подал через свой монастырь Пантократор (скит подчинен ему)³, что они не примут архиереев из России. В Киноте произошло разногласие, наш монастырь стоял за наш приезд, но греческое правительство воспользовалось этим, чтобы отказать в разрешении.

С другой стороны, нельзя слишком доверять и искренности Константинопольского Патриархата в его выступлениях в пользу нашей делегации, чтобы ей разрешили поехать на Афон. Говорят, что Константинопольская Патриархия «сговорилась» с греческим правительством, чтобы она давала разрешение, а правительство отказывало. Самой Патриархии было неудобно отказать, особенно перед Родосом. Так меня, по крайней мере, уверял протоиерей Георгий Флоровский⁴, с которым я виделся здесь на днях. А об этом ему рассказывали сами же греки (из Элады).

Должен также обратить ваше внимание на то, что в греческой печати вновь возобновились нападки на русское монашество на Афоне. Отмечу книгу Милонака «Святая Гора и славяне»⁵ и статьи бывшего митрополита Лимносского Василия⁶ о русских на Афоне. Это все перепевы старого — русские не имеют никаких прав на Пантелеимоновский монастырь, русские монахи хотят захватить Афон, они органы панславизма, чуждый и вредный элемент и так далее. Об этом писалось еще до Первой мировой войны, а теперь вновь всплывает на поверхность в связи с интересом Московской Патриархии к русскому монашеству на Афоне и попыткой ему помочь. Мне еще не удалось получить всю эту литературу, знаком с ней больше по рецензиям, принимаю, однако, меры достать эти книги.

На этом кончаю, дабы не задерживать отправку письма. На днях pošлю Вам вырезки из газет о церковных делах.

Испрашивая Ваших молитв, с братской о Христе любовью
архиепископ Василий, Париж

Примечания:

1. Митрополит Никодим (Ротов), будучи еще архимандритом, неофициально посетил Афон в 1958 г.

2. Схиархимандрит Николай — настоятель Ильинского скита. Других сведений о нем найти не удалось.

3. Земля Афона поделена между 20-ю монастырями. Все остальные обители не являются полноценными монастырями (в афонском понимании этого слова), то есть не имеют ранга монастырей со всеми вытекающими отсюда правами и, в частности, правом собственности земли. Все прочие обители могут основываться на землях монастырей и называются скитами, келлиями, каливами. Хотя многие скиты по размеру и больше монастырей, однако в решении многих вопросов они зависят от монастырей, на чьей территории они построены. Еще меньшие по рангу обители называются кельями.

4. Протоиерей Георгий Васильевич Флоровский (1893–1979), религиозный мыслитель, богослов и историк. Родился 28 августа (9 сентября) 1893 г. в Елизаветграде. В 1916 г. окончил историко-филологическое отделение Новороссийского университета (г. Одесса). С октября 1919 г. — приват-доцент университета. С 1920 г. — в эмиграции в Болгарии, с 1921 г. — в Праге. Читал курс истории русской литературы в Высшем коммерческом институте. В 1923 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Историческая философия Герцена». С 1923 г. занял должность приват-доцента на кафедре истории философии и права Русского юридического факультета. С 1926 г. жил в Париже, где являлся профессором патрологии Богословского института, также преподавал греческий язык. В 1932 г. принял сан священника. Годы Второй мировой войны (1941–1944) провел в Белграде. В 1944 г. переехал в Прагу, а в 1945 г. вернулся в Париж. В 1948 г. переехал в США, где получил место профессора догматического богословия Свято-Владимирской Духовной семинарии в Крествуде (с 1951 г. — декан). С 1956 по 1964 гг. Флоровский — профессор церковной истории в Гарвардском университете. В 1954 г. избран президентом Национального совета Церквей в США. Один из учредителей Всемирного совета Церквей. В 1964 г. вышел на пенсию и переехал в Принстон. В последние годы жизни преподавал в Принстонском университете на отделении богословия и славяноведения. 14 томов собр. соч. Флоровского издано в США. Труды по византийскому богословию IV–VIII вв., по истории русского религиозного сознания («Пути русского богословия», 1937). Умер Флоровский в Принстоне 11 августа 1979 г.

5. Милонакос Никифор Г. Святая Гора Афон и славяне. Афины, 1960.

Пер. с греч. Б. Нелюбова. Машинопись. Архив ОВЦС.

б. Василий, митрополит Лимноса и Агиос Евстритиос, Эладская Православная Церковь. Управлял епархией в 1959–1961 гг.

7. *Без подписи*

(предположительно: архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию от игумена афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана)

Июня 22, 1962 г.

Ваше Преосвященство, святительски благословите!

Извещаю Ваше Высокопреосвященство, что нас 29 июня нового стиля посетили дорогие, давно жданные гости: Высокопреосвященнейший Никодим, архиепископ Ярославский и Ростовский, и архимандрит Питирим¹, и еще один профессор, и еще один греческий профессор — Антоний Каоадис — сопровождал. Гости были сначала в Киноте, где их хорошо встретили, потом ночевали в Андреевском скиту, утром спустились в Ивер, а потом на своем катере прибыли на час в Лавру. Утром случилась фортуна — северный ветер — и они выехали по нашему времени в семь часов в Дионисиат, там их тоже очень любезно встретили, им понравилось. И уже в пятницу вечером, в час, прибыли к нам, уже было темно. Встречи не было, ужин был хороший. Наутро гости пришли помогать читать и петь. В субботу утром осматривали церкви и библиотеку, обедали, а после, перед бдением, отдохнули. На бдении Владыка канонаршил, служба была святым афонским и новым русским святым. Утром в воскресенье Владыка служил в нижнем соборе. Пели греческие певчие, нанятые. Служба была очень торжественна, поминали Святейшего Патриарха и Высокопреосвященнейшего Никодима. Так что для меня было отрадно до слез. Владыка служил очень хорошо. Было

много мирян. Потом пошли на трапезу. По окончании трапезы Владыка наградил меня золотым крестом. Пропели «аксиос». По окончании всего Владыка пожелал видеть Старый Руссик², и его отвезли на автомобиле. Оттуда приехали и стали собираться в Трипети на своем катере. Все провожали до моря. Все как будто было хорошо. Отец Питирим очень любезный и симпатичный человек. Подарил я им иконы и книги. Владыка обещал принять все меры, чтобы помочь нам. Обещал прислать грузовой автомобиль и в России дать Подворье.

Примечания:

1. Архимандрит Питирим (Нечаев; 1926–2003), будущий митрополит Волоколамский и Юрьевский. В 1959–1962 гг. был инспектором Московской Духовной Академии и семинарии.
2. Старый Руссик — скит Пантелеимонова монастыря.

8. Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию от игумена афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана

Июля 27, 1962 г.

Ваше Высокопреосвященство, святительски благословите.

Извещаю Ваше Высокопреосвященство, что последнее письмо Ваше, посланное через А. Ильича Папаяни, я получил с великой благодарностью за встречу дорогих гостей. Я послал Вам ответ через одного дорогого посетителя нашей обители, а теперь прибыл к нам отец игумен из Оксфорда¹, который знает Вас и Высокопреосвященнейшего митрополита Николая, митрополита Корсунского, и обещал все передать Вашему Высокопреосвященству.

Надеюсь, что мое письмо получите. Там была благодарность Его Святейшеству Патриарху Алексию. Сегодня день святого великомученика Пантелеимона. Певчие были с Катунаки² и с Кареи, пели хорошо. Обед был хороший, рыбы было много свежей. Отец игумен Кирилл из Оксфорда служил с нами в нижнем соборе и бдение, и литургию. Я дал ему Ваше письмо, он обещается Вам переслать. Высокопреосвященнейший Никодим наградил меня дорогим крестом. Все напишу Вам после, теперь простите. Ваше Высокопреосвященство, остаюсь с великой к Вам любовью. Испрашиваю святых молитв и благословения.

Всегда молитвенно помнящий Вас Игумен Илиан

Примечания:

1. Предположительно, речь идет о игумене Кирилле (Тейлоре). Других сведений о нем найти не удалось.

2. Катунаки — греческий скит на Афоне.

*9. Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому
Василию от игумена афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана*

Сентября 19 (старый стиль), 1962 г.

Ваше Высокопреосвященство, святительски благословите нас.

Извините и простите меня, Ваше Высокопреосвященство, что не пишу Вам. После посещения Высокопреосвященнейшего владыки Никодима греки, то есть гражданское правительство, очень озлобилось на нас. Все письма наши читают. Отец Давид совсем испугался, сидит и молчит, боится, что его могут арестовать. Владыка Никодим послал нам дорогой рыбы на праздник

святого Пантелеимона. Но ее не пропустили, сказали, что она испортилась. Посещал нас господин Семененко из Америки, богач. Но его не так уже приняли ласково, как раньше. Три телеграммы послал в наш монастырь, извещая о своем приезде. Но полиция дала малый срок на посещение. Немного изменил свое господин Семененко почтение к греческому правительству. Пожертвовал для обители 1000 долларов, и мне дал сто долларов, и всем давал понемногу.

Теперь, Ваше Высокопреосвященство, нам стало еще трудней жить. Греков осталось всего два человека, Даниил и еще один новоначальный, а также и нас осталось мало. Я хожу петъ в нижний собор. Певчих нет. Только иеромонахи Гавриил и Матфей. Наверху также поют и читают иеромонахи и дьякона.

Посетил нас один бельгиец, русский¹. Повар, москвич, служит в компании аэропланов и имеет бесплатный проезд. Вот я и постарался что-нибудь написать Вашему Высокопреосвященству.

После отъезда Высокопреосвященнейшего Никодима нам ничего не слышно. Хорошо хоть несколько слов написали и переслали через руки Ваши мнения.

Прошу Ваше Высокопреосвященство, когда будете писать владыке Никодиму, напишите, что я прошу у Его Святейшества благословения, а также у Высокопреподобнейшего архимандрита Питирима. Спаси Вас Господи, Ваше Высокопреосвященство, за любовь к нашей обители. Не оставьте нас Вашим вниманием, хотя словом своим помогите нам. Афон готовится к тысячелетию Афонской лавры, но люди понимающие говорят, что не управятся с дорогами. У нас и на Крумицу провели дорогу, ходят автомобили.

Простите, Ваше Высокопреосвященство, испрашиваю Вашего благословения и святых молитв Ваших.

Остаюсь вашего Высокопреосвященства смиренный послушник и богомолец

Игумен Илиан со всею о Христе братиею

P.S. С великим усердием всегда поминаю святую Московскую Церковь: Святейшего Патриарха, Высокопреосвященнейшего Никодима и Ваше имя, и митрополита Николая Корсунского, и Высокопреподобного Питирима.

Примечание:

1. Речь идет о Дмитрие Студенцове (1909–2004). Прихожанин храма Воскресения Христова (РПЦЗ) на ул. Драпье в Брюсселе. Будучи сотрудником одного из подразделений бельгийской авиакомпании «Сабена», Д. Студенцов имел право раз в год бесплатного перелета в любую точку мира. Вместе со своим братом Константином ежегодно бывал на Афоне.

10. Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию от игумена афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана

Декабря 2 (старый стиль), 1962 г.

Ваше Высокопреосвященство, святительски благословите!

Приветствую, Ваше Высокопреосвященство, с великим все-радостным праздником Рождества Христова, наступающим Новым годом Господней благодати и святым Богоявлением.

Желаю в радости о Господе, родившемся нашего ради спасения, в крепости душевных и телесных сил служить на благо Святой Его Церкви и спасение душ вверенной Вам паствы.

Испрашивая Архипастырского Вашего благословения, остаемся Вашего Высокопреосвященства смиренные послушники и богомольцы:

Игумен Илиан со всею о Христе братиею

Р.С. Ваше Высокопреосвященство! Простите, что я долго не отвечал на Ваши дорогие письма. Мы живем, слава Богу. Получили жертву от Святейшего Патриарха Алексия за пожар¹ — 75 тысяч греческих драхм. Теперь приступили к расчистке завалившегося корпуса. Готовятся к празднованию тысячелетия Святой лавры. Провели автомобильную дорогу до Кареи, до Зографского кунака², а от кунака до Ивера. Ходят еще только военные автомобили. Теперь братии осталось у нас очень мало, все старики и больные, но служба все еще в двух соборах. При всех случаях поминаю Ваше Высокопреосвященство и Святейшего Патриарха. Я писал Вам или нет, что я имею два креста от Святейшего Патриарха с грамотами. Извините, что рано посылаю, что я уже старик, 61 год как в монастыре.

Еще испрашиваю Вашего Святительского благословения.

Вашего Высокопреосвященства нижайший послушник и богомолец

Игумен Илиан

Примечания:

1. Имеется в виду пожар в Свято-Пантелеимоновом монастыре в 1959 году, в результате которого сильно пострадала библиотека.
2. Кунак (конак) — на Афоне — представительство монастыря в Карее.

II. Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию от игумена афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана

Января 25, 1963 г.

Ваше Высокопреосвященство, святительски благословите!
С несказанной радостью и благодарностью получил Ваше до-

рогое письмо, надеюсь, что и мое получили. Получил поздравительные письма от протоиерея отца К. Ружицкого¹, от протоиерея А. Остапова², архимандрита Питирима и благодарность от Святейшего Патриарха Алексия за рождественское поздравление.

Живем с трудом, нас осталось всего способных к труду 20 человек, остальные престарелые и больные. На письма некому отвечать, новых нет, поступили 2 человека — старики. Один из Бельгии — отец Модест³, другой Афанасий Капсальский, тоже жил в Америке. Служат у Покрова, помогают читать. И еще наш отец Серафим⁴, но очень часто болеет подагрой.

Внизу служат отец Гавриил и Матфей, иеродиакон Кирилл, бывший в академии в Париже, но очень слабый и ненормальный. Вот и все, остальные старые и слабые. Не знаем, как будем праздновать Афонский праздник. За последнее время скончались отец Каллистрат, певчий иеродиакон, Афродисий и Алексей Крумичный, Доримедонт, Георгий подвальный, Маркел карпатский и Севериан. Петь некому, я хожу петь в нижний собор. Когда будет время, напишите немного. Испрашиваю Вашего святительского благословения.

Вашего Высокопреосвященства смиренный послушник и богомолец

игумен архимандрит Илиан со всею о Христе братией

Примечания:

1. Протоиерей Ружицкий Константин Иванович (1888–1964). Родился на Украине, окончил Волинскую Духовную семинарию, а затем Московскую Духовную Академию. Рукоположен в 1916 г., служил на разных приходах на Украине. С 1945 г. — управляющий делами Украинского экзархата Московского Патриархата. В 1951–1964 гг. — ректор Московской Духовной Академии. С 1960 г. — председатель Учебного комитета при Священном Синоде.

2. Протоиерей Алексей Данилович Остапов (1930–1975), сын секре-

таря Патриарха Алексия I Д. А. Остапова. Родился в Новгороде, учился в Московской Духовной семинарии, а затем в — Московской Духовной Академии. Профессор МДА. С 1958 г. — секретарь Совета Академии и заведующий ЦАК. Рукоположен в 1960 г. Воспитанник Патриарха Алексия I.

3. Иеромонах Модест (Шут). Ближайший сподвижник епископа Иоанна (Максимовича). Служил в Шанхае, затем переехал в Бельгию. С 1953 г. и до начала 1960-х гг. был настоятелем храма св. прав. Иова (РПЦЗ) в Брюсселе. Провел несколько лет на Афоне, затем служил на Святой Земле.

4. Иеросхимонах Серафим (Текза Стефан; 1901–1982). На Афоне с 1925 г. Заведовал монастырской больницей, а затем и гостиницей.

12. Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию от иеродиакона Давида

Апреля 28, 1963 г.

Высокопреосвященнейший Архипастырь Отец Василий.
Воистину Воскресе Господь!

Сердечно благодарю за святые молитвы и добропожелания с праздником Святой Пасхи.

В монастыре у нас все благополучно — слава Богу. К 1000-летию идет горячая подготовка. Дорога автомашинная почти готова: Дафна — Карея, а Карея — Ивер. монастырь к праздникам готова не будет. В Карее идут усиленные работы по ремонту во многих зданиях, а также государство ведет ремонт в Кутлумуше, Ивере, Лавре и т.д.

Наш Патриарх Вселенский едва ли приедет — турки очень тормозят, и надежды нет.

Здесь известно, что приглашения сделаны всем Православным Церквам, от Русской Церкви тоже приедут, но еще не известно, кто. Предполагается, что сюда прибудет очень много народа, но если не будет места в Карее, то государство будет

держат в Дафни пассажирский пароход, где можно будет приютить народ. Мы свой конак тоже весь обновили, так что на случай своих людей, человек 7–8, можно будет принять.

Наш антипросоп отец Аввакум теперь находится в Афинах. В среду Пасхи весь Священный Кинот поехал со святой иконой «Достоинно есть» и протепистатом¹ в Афины. В Дафну для этого был прислан военный пароход, который отвозил и привозил всех. Кинот в Афинах находился 8 дней, и везде были принимаемы торжественно. Наш отец Аввакум, пользуясь этой поездкой в Афины, остался там и сделал операцию левой ноги, правой делал в прошлом году в Солуне. Он вообще страдает ногами.

Жизнь наша идет обычно, как и при Вас. Единственное, чем страдаем, это безлюдьем. Осталось нас всего братства 35 человек, но и эти все перестарели. Скоро придется в Покровском храме служить одну литургию, остальные службы будут только в нижнем соборе с греками. Некому петь и читать в двух храмах. Что касается всяких работ в монастыре, то все абсолютно делается нанятыми людьми, даже как на фондарики, в кухне, в трапезе, в пирге, в хлебной и т. д., все нанятые, и свои только наблюдают.

Я решил, хотя и трудно, делать и тянуть, пока возможно, там дальше — как укажет воля Божия.

Прошу Ваших святительских молитв и благословения.

*Убогий иеродиакон Давид
Каряя*

Примечание:

1. Протепистат (или прот Святой Горы) — избирается ежегодно из числа антипросопов, то есть представителей, первых пяти (по диптиху) монастырей Афона и является председателем Священного Кинота.

13. Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию от игумена афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана

1963 г.

Ваше Высокопреосвященство, святительски благословите!

Извещаю Вас, что праздники наши прошли величественно¹. Все православные Патриархи и иерархи служили вместе в Карейском соборе и в лавре Святого Афанасия. Взаимные отношения были искренние, было понятие христианского духа. Потом посетили нашу обитель Вселенский Патриарх Афинагор², Румынский Иустиниан³, Болгарский Кирилл⁴ ночевал. Сербский не попал. Надеялись хиротонисать двух епископов, но ничего не получилось. У нас Владыка Никодим служил два раза. Служил еще Высокопреосвященнейший Антоний⁵ и Преосвященнейший Варфоломей⁶, епископ Саратовский. Хорошо погостили у нас, остались очень довольны. Отец Давид провожал Владыку до аэродрома. Была прислана яхта от правительства и два автомобиля ожидали на пирге.

После напишу Вашему Высокопреосвященству: теперь устал и нездоров. Александр Ильич Папаяни обещался посетить Вас и все сказать.

Испрашиваю Вашего святительского благословения и святых молитв.

Остаюсь Вашего Высокопреосвященства смиренный послушник и богомолец

игумен архимандрит Илиан

Примечания:

1. Имеются в виду празднества, посвященные 1000-летию монашества

на Святой Горе. Русская Православная Церковь была представлена делегацией в составе митр. Никодима (Ротова), председателя ОВЦС, архиепископа Сурожского Антония (Блума), епископа Саратовского Варфоломея (Гондаровского), протопресвитера Виталия Борового и протоиерея Фериза Берки, находившихся на Афоне с 19.06 по 02.07. 1963 г.

2. Афинагор (Спиру Аристоκлис) (1886–1972). Родился в с. Царапла-на (современный Василикон, Греция), в семье врача. Учился в Богословском училище на о. Халки, которое окончил в 1910 г. В марте 1910 г. принял монашеский постриг и был посвящен в сан иеродиакона. С 1912 г. — начальник секретариата Пелагонийской митрополии. После перехода епархии в юрисдикцию Сербской Церкви (осень 1918 г.) поселился на Афоне. В марте 1919 г. назначен первым секретарем Синода Афинской Архиепископии (Эладская Православная Церковь). В декабре 1922 г. хиротонисан во епископа и назначен митр. Керкирским и Паксосским. Видный участник экуменического движения. В августе 1930 г. перешел в юрисдикцию Константинопольского Патриархата и был назначен архиепископом Экзархом Северной и Южной Америки. 1 ноября 1948 г. избран на Патриарший Престол; интронизован 26 января 1949 г. Скончался в июле 1972 г.

3. Иустиниан (Марина) — Блаженнейший Патриарх Румынский в 1948–1977 гг.

4. Кирилл (Константинов) — Святейший Патриарх Болгарский в 1953–1971 гг.

5. Архиепископ Сурожский Антоний (Блум Андрей Борисович; 1914–2003), будущий митрополит. В 1964 г. был исполняющим обязанности экзарха Патриарха Московского в Западной Европе.

6. Епископ Варфоломей (Гондаровский Николай Николаевич; 1927–1988). Окончил Московскую Духовную семинарию и Академию, был оставлен преподавателем. В 1954 г. принял монашеский постриг. В 1963 г. хиротонисан во епископа Угличского. Правящим архиереем Саратовской епархии был в 1963–1964 гг.

14. Без подписи

(предположительно: архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию от игумена афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана)

Мая 15 (старый стиль), 1963 г.

Ваше Высокопреосвященство, святительски благословите!

Извещаю Ваше Высокопреосвященство, что Ваше дорогое письмо нами получено с великой благодарностью за Ваши благожелания и святые молитвы. Очень извиняюсь, что не ответил Вам своевременно. Теперь правительство недовольно на меня, что веду с Москвой переписку. Они ужасаются за посылки от Святейшего Патриарха, которых получили 12 после Святой Пасхи. Много сыру, чаю, печенья, конфет, рису, гречневой крупы и еще всего много, все теперь поделили и остались все благодарны. Хотя на почте и берут третью часть за посылки, еще таможня налагает большой налог на каждую посылку — 150 драхм и до 180 драхм. Мы все платим, лишь бы иметь сношение со Святейшим Патриархом. А это грекам очень неприятно, все наводят справки, почему получаем посылки.

Теперь Святейший Патриарх Алексей пожертвовал нам автомобиль — грузовик, но его пока не пропускают. Не желают, чтобы Святейший имел влияние на Святой Горе. Губернатор Афонский просит Кинот, чтобы не пустить сюда русский автомобиль.

Александр Ильич Папаяни собирается к Вам в Париж, вот я и решил послать Вам письмецо, и чрез Вас — Святейшему Патриарху и Высокопреосвященнейшему Никодиму. Пошлите, пожалуйста, я буду благодарен на всю жизнь. Александр Ильич Вам все расскажет о нашей жизни. Нас всего осталось 30 человек. Поем по человеку на клирос. Я пою в нижнем соборе, на левом

клиросе, один. На правом отец Гавриил, иеромонах. А предстоящих уже нет, помер последний отец Аврелиан.

Сегодня 15-го мая по старому стилю. Получил письмо от Высокопреосвященнейшего Никодима, он пишет, что наши отношения с Патриархией устанавливаются, что есть малая надежда на добавление.

Прошу, извините меня, Ваше Высокопреосвященство, что много пишу и много прошу. Вы же теперь — наш благодетель.

15. Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию от игумена афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана

Июля 20, 1963 г.

Ваше Высокопреосвященство, святительски благословите!

Давно не получали Вашего письмеца, соскучились. Праздники проводили, очень было торжественно и величественно, и теперь еще множество посетителей, Вам, наверно, известно. Живем со скорбями, наверно, Вам сказал Алекс. Ил. Папаяни. Теперь выяснилось, что автомобиль — грузовик не хотят сюда пропустить. Губернатор Афонский и о. Давид даже просили Кинот, чтоб не пустить автомобиль. Но Кинот отказался. Так и за монахов, чтоб не пустили сюда, подговорили Лавру и Ватопед, остальные монастыри все согласны. Спасибо Святейшему Патриарху Алексию и Высокопреосвященнейшему Никодиму.

Надеюсь, что Вам все известно по газетам. Нас посетили Святейшие Патриархи Константинопольский, Румынский и Болгарский, чувствовалось единение духа, соединение всех Православных Церквей.

Стало тяжело жить, осталось по десять человек на церковь, остальные больные и слабые.

Простите, Ваше Высокопреосвященство, что мало и плохо пишу.

Испрашиваю святых Ваших молитв и благословения.

Вашего Высокопреосвященства смиренный послушник и богомолец

игумен архимандрит Илиан со всею о Христе братиею

16. Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию от игумена афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана

Февраля 5 (старый стиль), 1964 г.

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко, святительски благословите!

Спаси Вас Господи за дорогое Ваше письмо и искреннее Ваше поздравление. Извините, что долго не отвечаю, все время очень холодно и болею гриппом. Все остались старики, да еще и холода. Нас теперь осталось очень мало, 16 человек кто может нести послушание и еще 16 больных и престарелых, на клиросе поем по одному человеку. Я уже чувствую старость, 60 лет в монастыре, еще и служу, слава Богу. Отвечаю на письма, читаю и пою в церкви. Канцелярии закрыты. На Крумице один человек, в скиту¹ один человек, в Старом Руссике один и в Ксилургу² один. Келии все закрыты, так вот живем в больших скорбях.

Служба сократилась, бдение бывает у Покрова — 5 часов, внизу — шесть и больше. У отца Давида много делов, остальные иеромонахи часто болеют. Вновь никто не поступает.

Ваше Высокопреосвященство, испрашиваю святых молитв, может быть, Господь поможет пережить. Я, недостойный, всегда поминаю и всех новых святителей. Получил письма из Одессы от архимандрита Антония, из Иерусалима от архимандрита Ювеналия³ и из Москвы от протоиерея К. Ружицкого, протоиерея Остапова, архимандрита Филарета⁴ из Духовной Академии и Семинарии. Спасибо, не забывают.

Испрашиваю Вашего Высокопреосвященного благословения.

Остаюсь Вашего Высокопреосвященства смиренный послушник и богомолец

Игумен архимандрит Илиан со всею о Христе братиею

Примечания:

1. Возможно, имеется в виду скит Фиваида.
2. Ксилургу — скит Богородицы, принадлежащий Пантелеимонову монастырю.
3. Архимандрит Ювеналий (Поярков Владимир Кириллович), ныне митрополит Крутицкий и Коломенский. Родился в 1935 г. В 1963–1964 гг. был начальником Русской Духовной миссии в Иерусалиме.
4. Архимандрит Филарет (Вахромеев Кирилл Варфоломеевич), ныне митрополит Минский и Слуцкий. Родился в 1935 г. В 1964 г. — инспектор Московской Духовной Академии, заведующий аспирантурой МДА.

17. Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию от игумена афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана

Июля 3, 1964 г.

Фессалоники, подворье монастыря Святого Пантелеимона
 Ваше Высокопреосвященство, святительски благословите!
 Извещаю Ваше Высокопреосвященство, что Ваше дорогое

письмо было получено нами в свое время. Дорогие гости были встречены нами с радостью¹. Угощали, как могли. Служили собором, два раза. Чудно пели. Еще служили в Иверском монастыре, всю службу только по-русски. На всех произвели удивление благоговейного служения. Наверно, Вам известно.

Пишу Вам письмо из Салоник. Две недели лежу в клинике, простудил ухо левое и не слышу. Очень прискорбно. Немного стало лучше, но не совсем хорошо.

Праздника юбилейного святых Кирилла и Мефодия пока не слышно. Спрашивал у священников, наверно, отложили.

Живем мы всё по-старому, братии осталось очень мало. У Покрова всего восемь человек со священниками и внизу восемь человек с греками. Дай Бог, чтобы поскорей прибыли новые силы.

Шлю Вашему Высокопреосвященству земное поклонение, прошу святых Ваших молитв и благословения и остаюсь Вашего Высокопреосвященства смиренный послушник и богомолец:

Игумен Илиан со всею о Христе братиею

P.S. Известите, хотя коротеньким письмецом, о Вашем здравии и о гостях, бывших у нас. В Андреевском скиту осталось всего 4 человека, а также и в Ильинском скиту 4 человека. Из греческих монастырей уходят молодые монахи.

Ходят от Дафны до Карей хорошие пассажирские автомобили.

Иг. Илиан

P.P.S. Едет из Салоник в Москву на два месяца адвокат Ангелос Пападополос с супругой. Его брат в Москве — профессор, он знает по-русски. Купец Захопулос просит походатайствовать пред Его Высокопреосвященством, Высокопреосвященнейшим Никодимом о его пребывании.

Иг. Илиан

Примечание:

1. Имеется в виду посещение Афона весной 1964 года паломнической группы под руководством начальника Русской Духовной миссии в Иерусалиме архим. Ювеналия (Пояркова).

40. Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию (Кривошеину) от игумена афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана

5 августа 1964 г.

Ваше Высокопреосвященство, святительски благословите!

Извещаем Ваше Высокопреосвященство, что дорогие гости были, что их принимали как можно лучше, но теперь некому говорить, как Вы были. Ваше Высокопреосвященство, напишите нам через Каллиодиса, могут ли приехать новые силы из России, можете написать через Дмитрия Каллидис. Нам очень трудно, всего на две церкви осталось 16 человек. Я уже два года пою один в нижнем соборе. Теперь идет трение, Кинот не хочет новых русских, Карпатские уже взяли силы и не хотят русских, особенно Давид и Гавриил, я один остался. Мемнон один и ничего не может. Говорит: «Дело не мое. Вы попы, и делайте как угодно».

Ваше Высокопреосвященство, помогите, вот через своих врагов я до сего времени не пропускаю. Прошу Ваше Высокопреосвященство кому можно, напишите и сообщите. Я уже старик, 80 лет и в монастыре 60 лет.

Испрашиваю Вашего высокопреосвятительского благословения, остаюсь Вашего Высокопреосвященства нижайший послушник и богомолец.

Игумен архимандрит Илиан

18. Иеродиакону Давиду от архиепископа Брюссельского и Бельгийского Василия

Марта 19, 1965 г.

Русская Православная Архиепископия в Брюсселе

Преподобнейший и дорогой о Господе старец отец Давид!

Ваше письмо от 1/14 января своевременно получил и сразу вступил в сношения с нотариусом Лекоком по делу о получении для Пантелеимоновского Монастыря из наследства Коновалова¹ пятидесяти тысяч бельгийских <франков>. Коновалов был прихожанином нашей церкви святителя Николая в Брюсселе² и завещал ей также дом, так что мы будем получать наследство вместе. Я отдал полученную мной монастырскую доверенность, но он, рассмотрев ее, сказал, что она формально составлена не так, как полагается по бельгийским законам. Поэтому он составил другой текст доверенности и послал ее Вам с просьбой утвердить ее, как полагается, и поскорее отослать ему обратно. Об этом всем нотариус сообщает мне в письменной форме. Надеюсь, что Вы получили эту новую форму доверенности, утвердили ее, где нужно, и отослали обратно нотариусу. Он мне об этом ничего еще не сообщает. Прошу Вас сделать это поскорее, дабы и Вы поскорее получили Вашу часть наследства, и мы тоже получили бы нашу, а то происходит общая задержка.

Ничего нового не слышу про Ваши дела. После Родоса³ не виделся с владыкой Никодимом, хотя в январе и говорил с ним по телефону из Брюсселя, когда он проезжал через Париж. Дай Бог, чтобы все устроилось на благо монастыря.

Архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий

Примечания:

1. Имеется в виду доверенность на получение наследства, завещанного монастырю Коноваловым (сведений о нем найти не удалось).

2. Церковь святителя Николая на ул. Шевалье в Брюсселе, где служил владыка Василий. Кафедральный собор Брюссельско-Бельгийской епархии Московского Патриархата.

3. Имеется в виду III Всеправославное совещание по подготовке Всеправославного Собора, проходившее на о. Родос 1–15.11.1964 г. Всеправославное совещание обсудило отношения Православной Полноты с Англиканской и Старокатолической Церквями и создало межправославные богословские комиссии для продолжения богословских дискуссий с этими исповеданиями. Совещание также выразило готовность православной стороны к развитию братских отношений с Древними Восточными (нехакидонскими) Церквями. Митрополит Никодим (Ротов) и архиепископ Василий (Кривошеин) были в составе делегации Русской Православной Церкви.

19. Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию от иеродиакона Давида

Марта 30, 1965 г.

Русский Святого Пантелеимона монастырь

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Архиепископу Василию.

Высокопреосвященнейший владыко!

Настоящим письмом уведомляю Вас что, письмо Ваше от 6/19–3–65 на днях только я получил. Очень хорошо, что Вы написали, в чем именно дело. Форму полномочия нотариус нам прислал довольно давно¹, но она для нас казалась подозрительной, так как там оставлены пробелы, и несколько строк он должен заполнить сам, а то, что он за человек и что может только не написать там в свою пользу, у боязни глаза велики. К тому же у нас и переводчика хорошего нет. Копию этого полномочия здесь прилагаю.

Относительно прибытия братии с родины, о чем так много было шума в свое время (прошлый год), абсолютно до сих пор ничего не известно. Знаем только то, что здесь будут приняты все возможные меры, чтобы это не допустить. Да будет во всем святая воля Божия.

Жизнь наша идет нормально, слава Богу. Но в смысле недостатка братии очень хромаем. Осталось нас всего около 20 человек, но с этого половина уже ни к чему не способные болезненные старики. Я моложе всех, но тоже уже достиг полных шести десятков лет.

Неделю тому назад, отец Афанасий² иеромонах (бывший келлиот) оступился на лестнице покровского алтаря, упал и поломал серьезно ногу. Вчера я говорил по телефону с больницей в Солуне, где он лежит, и мне сказали, что положение его очень критическое. Ему тоже 80 лет уже.

Отец Гавриил, иеромонах, тоже страдает артритом, ему скрутило руки и ноги до того, что служить, петь и читать в 2-х храмах некому и службу в Покровском храме в скором времени будем вынуждены прекратить.

Однако, Владыко Святой, духом не падаем и твердо верим, что зло добра не победит. Эта русская святыня, так близкая к сердцу многомиллионного русского народа, угаснуть совсем не может.

Прошу Ваших святительских молитв и благословения,
недостойный иеродиакон Давид

Примечания:

1. Речь идет о доверенности на получение наследства, завещанного монастырю Коноваловым.

2. Иеросхимонах Афанасий — настоятель монастыря Воздвижения Честного Креста Господня. Других сведений о нем найти не удалось.

20. Иеродиакону Давиду от архиепископа Брюссельского и Бельгийского Василия

Апреля 11, 1965 г.

Русская Православная Архиепископия в Брюсселе

Дорогой о Господе отец Давид!

Получил на днях Ваше письмо с копией новой доверенности, которую Вы переслали нотариусу. Скажу Вам, что и мне не особенно понравилось, что он оставил белое место для имени, на кого выдается доверенность (то есть на меня). Вы могли для большей безопасности послать доверенность мне, и я бы сам пошел к нотариусу, чтобы он в моем присутствии поставил бы имя. Но что сделано, сделано, мало вероятно, что нотариус сжульничает, тем более что он знает, что я здесь, в Брюсселе. Думаю, что все обойдется благополучно, и буду следить за делом.

По получении Вашего письма, я позвонил по телефону нотариусу. Он мне сказал, что получил Вашу доверенность и что теперь все в порядке. Он должен еще проделать некоторые формальности, это займет три недели. Тогда он меня известит, и смогу получить деньги. Вышлю их Вам по получении, как Вами было указано. Так что можно надеяться, что вскоре после Пасхи все будет закончено.

Я всегда предвидел, что будут делать все возможные препятствия к приезду новых братий и часто предупреждал об этом митрополита Никодима. Но все же я не теряю надежды. Великомученик поможет, если только монастырь будет твердо стоять за приезд.

Испрашиваю Ваших святых молитв на завершение святой Четыредесятницы и остаюсь с любовью о Христе

Архиепископ Василий.

21. *Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию от игумена афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана*

Октября 12 (старый стиль), 1965 г.

Ваше Высокопреосвященство, святительски благословите!

Извещаем Ваше Высокопреосвященство, что Ваше письмо и святую жертву, 300 франков, получили с великой благодарностью. Служили молебен Иверской Божией Матери, а сегодня, 12 октября старого стиля, празднуем Иерусалимской Божией Матери. Бдение в церкви всего 6 человек. На Покров всего в трапезе было 40 человек. Афон запустел. Просим Ваших святых молитв, чтоб Господь помог нам пережить это горе.

Прошу передать всем благотворителям по одному изображению Иверской Божией Матери, а Вашему Высокопреосвященству прилагаю открыточку новую.

Остальная жизнь всё по-старому. Все пока живы и здоровы. Испрашиваем Ваших святых молитв.

Вашего Высокопреосвященства остаемся недостойные послушники и богомольцы

игумен архимандрит Илиан со всею о Христе братиею

22. *Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию от иеродиакона Давида*

Октября 12, 1965 г.

Ваше Высокопреосвященство.

Настоящим моим скромным письмом разрешите обратиться к Вам со следующей просьбой.

Как Вам вероятно уже известно, что в Свято-Андреевском скиту скончался игумен отец Михаил¹ (18-го сентября старого стиля) и там остались всего три старичка (оо. Иоаникий, Сампсон и Спиридон). Все эти старички очень немощны и сами, несмотря на финансовое состояние скита довольно хорошее, жить очень затрудняются — все они очень малоспособны. Мне они говорили, что им известно, что бывший ихний монах отец Силуан, проживающий сейчас где-то во Франции, желает вернуться в свою обитель, то есть к ним в скит. Но написать сами ему не могут, да и адреса не знают. Они очень просили меня помочь им в этом деле, но так как и я отца Силуана адрес не знаю, то прошу Вас сообщить нам его, если Вам он известен.

С ватопедцами я говорил, и они обещали содействовать (и надеюсь, что не лицемерят) в выправлении формальностей на его прибытие.

У нас жизнь идет всё по-старому. Единственно, что стало еще хуже, это чтобы оставаться, хотя бы на время, проживать в монастыре нашем человеку русского происхождения — теперь всем стало известно, что мы обречены на ликвидацию. Но мы твердо верим, что Матерь Божия до того не допустит.

Прошу Ваших Святительских молитв

иеродиакон Давид

Примечание:

1. Игумен Михаил (?–1962) — последний настоятель Андреевского скита. Других сведений о нем найти не удалось.

23. *Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию от игумена афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана*

Октября 20 (старый стиль), 1966 г.

Ваше Высокопреосвященство, святительски благословите!

Извещаю Ваше Высокопреосвященство, что дорогое письмо Ваше от 8 октября получил с великой радостью и благодарностью. Все еще чувствуется, что Вы с нами. Очень жаль, что я не удостоился видеть Вас, надеюсь еще в другой раз увидеть. Немного проехался, избежал суеты монашеской для разнообразия. Теперь у нас сообщение хорошее, автобусы идут от Пирги до Салоник 5 часов и меньше. Дорога асфальтовая. Автомобили большие — на 25 человек и больше.

Благодарю за Ваше дорогое письмо, я почувствовал Ваше святительское благословение, очень рад.

Живем — слава Богу. Очень прискорбно, что нет Вас с нами. Братии осталось очень мало, и нету того братского отношения, которое было при Вас. Новые братия живут, и все не нравится им. Они из города, и правило для них тяжелое.

Святейший Патриарх Алексей и Высокопреосвященнейший Никодим выслали пенсию родственникам новой братии, которые приехали на Св. Афон из России.

Покров теперь праздновали скромно. Архандарика¹ уже нет, все в трапезе. Гостей всего было 50 человек, в трапезе 70 человек. Желал бы увидеть Вас, чтобы Вы прочитали разрешительную молитву, мне уже 82 года.

Испрашиваю Вашего святительского благословения и святых молитв.

Вашего Высокопреосвященства смиренный послушник и богомолец

игумен архимандрит Илиан

Примечание:

1. Архондарик — монастырская гостиница.

24. Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию от игумена афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана

Августа 4 (старый стиль), 1966 г.

Ваше Высокопреосвященство, святительски благословите!

Извещаю Ваше Высокопреосвященство, что я с великой радостью получил Ваше дорогое письмо. Очень благодарю за Ваше поздравление и дорогие пожелания.

Слава Богу, мы дождались новых братьев¹. Вы всегда желали и ходатайствовали. Теперь они у Покрова поют и читают, и служат.

Слава Богу, что Господь Вас сподобил посетить Св. Иерусалим как предвкушение будущей жизни.

Праздник прошел скромно — уже на архандарике не набирали столов, все было в трапезе. Архиерея в настоящее время нет на Святой Горе. Я всегда помню о Вас как члене и собрате нашей обители. Может быть, когда-нибудь будете в Салониках, могу посетить Вас, — я уже постарел — 82 года, и тяжело стало жить. Испрашиваю Вашего Святительского благословения и святых молитв. Вашего Высокопреосвященства смиренный послушник и богомолец

игумен архимандрит Илиан со всею о Христе братиею

Примечание:

1. В июле 1966 года братию Пантелеимоновского монастыря пополнили 4 монаха, прибывшие из России: оо. Стефан (Курсин), Досифей (Сорченко), Евстафий (Маркелов) и Ипполит (Халин).

25. Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию от игумена афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана

Января 16 (старый стиль), 1967 г.

Ваше Высокопреосвященство, первосвятительски благословите.

Извещаю Ваше Высокопреосвященство, что дорогое письмо Ваше получил 14 января с великой радостью. Спасибо, что не забываете нас. Мы теперь живем, а отчасти и в великих скорбях. Главное, что у нас теперь идет богослужение у Покрова. 4 седмичных иеромонаха. Пою, я тоже помогаю петь и читать, сколько могу.

Одного иеромонаха взяли в нижний собор, чтобы подучить по-гречески, а у остальных явилась зависть.

Один иеромонах, Евстафий, перешел на сторону еклесиархов, и для церкви остались два иеромонаха. И еще добавили службы и пения, и им стало тяжело. А мы встретили их с большим почтением — старшему иеромонаху Стефану¹ дали наместниково келию. Во все келии постлали новую клеенку, все побелили и постлали все новое. Вот, они между собой не ладят и скучают за городскую жизнь. Они все жили во Пскове², и наша жизнь им очень не нравится. А остальное все благополучно. Трапезу ради их улучшили, а прибывшие в Зограф уехали, также приехали. В Хиландаре остались только двое, в Зографе — один, а у нас еще

живут, но уже настроение другое. Так что мы все меры употребляем, чтобы был мир и чтоб жили. Они уже прожили пол-года, но видать, что скучают.

Ваше Высокопреосвященство, пожалуйста к нам. Мы очень рады что-нибудь услышать от Вас. Теперь многое у нас изменилось, и все настроение, и дух переменялся. Теперь у Покрова остались только два прихожанина: отец Исихий и отец Илья Галкин, больше никого.

Ваше Высокопреосвященство, желаю Вам в новом году помощи Божией в трудах ваших, здоровья и всякого благополучия. Испрашиваю святых молитв и остаюсь Вашим смиренным послушником и богомольцем

игумен архимандрит Илиан со всею братиею

Примечания:

1. Иеромонах Стефан (Курсин Иван) (1908-?), прибывший на Афон в числе 4-х монахов из России в июле 1966 года. Затем вернулся в Россию и был насельником Псково-Печерского монастыря.

2. 4 монаха, вступившие в братию Пантелеимонова монастыря в 1966 году, до этого были насельниками Псково-Печерского монастыря.

26. *Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию от игумена афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана*

Августа 12 (старый стиль), 1967 г.

Ваше Высокопреосвященство, святительски благословите!

Извещаем Ваше Высокопреосвященство, что мы праздник проводили, слава Богу, хорошо, тихо и благополучно. Теперь посетителей много бывает, ходят катера и автомобили. Наш мона-

стырь провел дорогу от Арсаны¹ до Крумицы и от Крумицы до скита Фиваиды. Там теперь пахут машиной, и родится хорошая пшеница. От Дафны ходят пассажирские автомобили до Кареи и Ивера. От Дафны до Симонопетра. Нас осталось очень мало, может быть, 10 человек, которые могут работать. Отец Мемнон скончался, Даниил грек — тоже. У Покрова поют на один клирос новоприезжие. Греческих монахов осталось 3 человека. Церкви остались пустые, поют по одному человеку.

Вы поступали еще в хорошее время, теперь все изменилось. Новые братья и слышать не хотят что-нибудь духовное. Время изменилось. Желая когда-нибудь получить от Вашего Высокопреосвященства благословение и святительских молитв. Вашего Высокопреосвященства смиренный послушник и богомolec

игумен архимандрит Илиан

Примечание:

1. Арсана — монастырская пристань на Афоне.

27. Игумену афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандриту Илиану от архиепископа Брюссельского и Бельгийского Василия

Августа 28/Сентября 10, 1967 г.

Ваше Высокопреподобие, дорогой о Господе, глубокочтимый отец архимандрит, Христос посреди нас!

Был очень тронут, получив сегодня, по возвращении сюда из Парижа, Ваше письмо от 12 августа. Очень Вас благодарю за память. В день святого великомученика Пантелеимона служил здесь литургию и молитвенно всех вас поминал. Простите, что Вас не поздравил письменно. Не потому, что забыл, а как-то опа-

сался часто Вам писать, может быть, это не всем нравится. Но раз Вы просите, охотно пишу.

Видел вчера Ваши фотографии и других братий монастыря. Их мне показал о. Д., молодой монах из Бельгии¹, который недавно был на Афоне. Чудные цветные снимки. Так приятно было видеть Афон. Но все наши монахи так постарели, поседели.

Я слышал, что о. Стефан уехал от Вас. Конечно, это жалко, но раз он не смог ужиться и был всем недоволен, то, может быть, и лучше, что уехал. Впрочем, отсюда судить трудно. Говорят, что и с о. Давидом он не ладил, и тот его выжил, но кто здесь более виноват, судить не берусь. Вероятно, оба. Очень рад, что три других остались, я об них слышал хорошие отзывы. Живите с ними мирно и дружно. Конечно, Вам сейчас очень трудно, но все же без них было бы еще гораздо хуже.

Я, слава Богу, Вашими молитвами жив и здоров. Мне сейчас уже 67 лет, возраст немалый. Устаю от служб, от дел, от богословской работы и чтения, но, слава Богу, не болею. Никуда в этом году далеко не ездил. Здесь жизнь церковная у нас идет спокойно, только прихожане стареют и умирают. Есть и молодежь, но недостаточно. А у раскольников — карловчан, георгиевцев², леонтьевцев³ и т.д. все ссоры и беспорядки. А у нас, слава Богу, мирно.

Напишите мне, пожалуйста, как у вас, как вы живете. Буду очень рад получить известия. Прошу Ваших святых молитв о мне, грешном.

Божие благословение да будет со всеми вами.

С любовью о Господе

Василий, архиепископ Брюссельский и Бельгийский

P.S. Очень благодарю за иконы.

Примечания:

1. Возможно, речь идет об иеромонахе Даниэле Джельси (Daniel Gelsi) (1940–1988). Насельник бенедиктинского монастыря Шеветонь (Бельгия), преподаватель восточной литургики в Папском Восточном институте в Риме. Был талантливым фотолюбителем и оставил после себя более 1000 фотографий и диапозитивов.

2. Имеется в виду Русская православная архиепископия Константинопольского Патриархата во Франции. Ее главой в 1960–1981 гг. был архиепископ Георгий (Тарасов) (1893–1981).

3. Имеется в виду Православная Русская митрополия в Америке, будущая Православная Церковь в Америке. Главой митрополии в 1950–1965 гг. был митрополит Леонтий (Туркевич) (1876–1965).

28. Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию от игумена афонского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана

Сентября 17 (старый стиль), 1967 г.

Ваше Высокопреосвященство, святительски благословите нас!

Извещаем Ваше Высокопреосвященство, что письмо Ваше получили с великой радостью и благодарностью. Что наша жизнь идет все по старым правилам, кроме оскудения людей. Церковный звон всё по-старому. Только экклесиарх нанятый, портной нанятый, трапезарь нанятый, повар нанятый, у Покрова еще Исихий. Певчие в нижнем соборе — я один пою на левом клиросе, отец Матфей карпатский на правом. Три грека новые, остальные померли. Даниил и отец Мемнон, и о. Фома скитский¹ скончались. Прихожан нет. У Покрова поют на одном клиросе иеромонах Досифей и отец Серафим², и иногда я на литургии помогаю. Прихожанин только иеромонах Афанасий келлиот с

Введенской келии, вот и все. Слава Богу, что Стефан уехал, он был в миру пастухом и работником, и о службе не было понятия, просто хулиган. Начал говорить, чтобы мы показали, что хранится в несгораемых шкафах. Иеромонах Досифей тоже нехорошего нрава, изменяют богослужения, ничего не спрашивают. А с отцом Давидом ничего было, на дорогу дали большую сумму благодаря отцу Давиду. Всего осталось братии, которая несет послушание и ходит в церковь, 18 человек, остальные больные. Очень бы желал, Ваше Высокопреосвященство, видеть Вас и получить ваше святительское благословение.

Прилагаю Вам святого великомученика изображение, Пантократорского монастыря. И испрашиваю Вашего святительского благословения и святых молитв. Вашего Высокопреосвященства смиренный послушник и богомолец

Илиан, игумен со всею о Христе братиею

Примечания:

1. Отец Фома заведовал аптекой и больницей монастыря.
2. Иеросхимонах Серафим (Текза Стефан; 1901–1982). На Афоне с 1925 г. Заведовал монастырской больницей, а затем и гостиницей.

29. Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию от иеродиакона Давида

Августа 3–16, 1971 г.,

Русский Свято-Пантелеимонов Монастырь

Высокопреосвященнейший Владыко!

Уведомляю, что письмо Ваше от 20 июля/1 августа сего года я своевременно получил. От души благодарю Вас за привет с нашим престольным праздником и святыне молитвы.

На это письмо Ваше отвечу в ближайшее время, а теперь пишу более экстренно по нижеследующему вопросу.

На днях нам переслал Священный Кино́т письмо на немецком языке, которого копию прилагаю здесь, а подлинник пока что оставляю. К сожалению, конверт с полным адресом до нас не дошел (он затерян в монастыре Лавра), а по содержанию дело срочное, и я решил написать Вам, а Вы от Германии не так далеко и, думаю, что сможете даже по телефону поговорить с этим человеком. Прочитайте письмо, и Вы сами сообразите, как поступить.

У нас здесь живут три монаха из Псково-Печерского монастыря, которые говорят, что из этого монастыря на самом деле немцами были забраны все достопримечательности и реликвии и, может быть, что Промысл Божий хочет все это вернуть на свое место.

Господину Штейну мы тоже напишем, но ему надо писать по-немецки, а человека на это пока не нашлось у нас. К тому же, мне кажется, что и адрес не совсем достаточный.

Как сделаю перевод на русский язык, то думаю послать копию и владыке Никодиму. Будьте любезны нас уведомить о Вашей оценке этого вопроса.

Прошу Ваших святительских молитв и благословения

иеродьякон Давид

P.S. Не отправивши это письмо, секретарь Св. Кино́та мне прислал конверт с адресом, который и прилагаю.

30. Иеродиакону Давиду от архиепископа Брюссельского и Бельгийского Василия

Без даты

Дорогой о Господе отец Давид!

Получил Ваше письмо от 3/16 августа и сразу Вам отвечаю. Письмо немца Георга Штейна производит странное впечатление. Видимо, это человек простой, малоинтеллигентный. Кое-что слышал о Псково-Печерском монастыре, кое-что об Афоне (думает, что там 20 русских монастырей!), но все это неточно (даже не знает название Печерского монастыря — «Петри» — «Петрушково» — «Петруи» и т.д.). Значит, у него нет связи с серьезными людьми, у которых все это легко выяснить. Поэтому все это дело представляется мне сомнительным, и нужно быть осторожным. Но пренебрегать нельзя, а вдруг действительно что-нибудь выйдет. Ехать к нему в Германию по многим причинам неудобно, но я позвонил по телефону. Мне ответили, что этот номер переменялся, нужно посмотреть в справочник, немецкого справочника у меня нет. Тогда я написал Штейну письмо, прошу дать точные ответы: где находится сокровище, кому оно сейчас принадлежит, откуда он про него знает — из газет (каких) или лично? Посмотрим, что ответит. Смогу после этого написать нашему епископу в Дюссельдорфе¹ (Западная Германия), чтобы он на месте выяснил. Странно, Штейн пишет на Афон, а не действует на месте. Думаю, что если это «сокровище» действительно существует, то оно сейчас принадлежит немецким властям, если только его не захватили карловчане, которые в Германии сильны. Написать митрополиту Никодиму можно и даже нужно. Неважно, что у вас нет русского перевода, они сами там переводят. Печерский монастырь и Патриархия смогут просить воз-

вращения икон и ценностей, но нужно, чтобы это действительно попало в монастырь, а не к советским властям, а то немцы могут не отдать. Я, может быть, и сам напишу митрополиту Никодиму, когда более выясню дело.

Прошу Ваших святых молитв и остаюсь с любовью о Господе
Василий, архиепископ Брюссельский и Бельгийский

Примечание:

1. Имеется в виду архиепископ Алексей (ван дер Менсбрюгге Альберт; 1899–1980). Родился в 1899 г. в Бельгии, в католической семье. Закончил папский Восточный Институт в Риме, специалист по восточной патрологии и литургике. В 1919 г. принял постриг в бенедиктинском монастыре. В 1929 г. перешел в Православие. В 1939–1946 гг. — капеллан Содружества свв. Албания и Сергия, затем служил в Амстердаме. Профессор Свято-Сергиевского Богословского Института в Париже. В 1950 г. вышел из юрисдикции Православной Церкви и примкнул к Католическо-православной Церкви Франции. В 1959 г. вернулся в лоно Матери-Церкви. В 1961 г. хиротонисан во епископа Медонского, викария Западно-Европейского экзархата Русской Православной Церкви. С 1968 г. — епископ Филадельфийский (США). В 1970 г. назначен правящим архиереем Северо-Германской епархии, с 1971 г. — архиепископ Дюссельдорфский.

31. Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию от иеродиакона Давида

Ноября 19 (старый стиль), 1971 г.

Высокопреосвященнейший владыко.

Я очень извиняюсь за такое опоздание с ответом на ваши 2 письма. В причине к тому есть, может быть, частичка и личного нерадения, но существенная причина — нескончаемая вереница ежедневной суеты.

Теперь хочу ответить, хотя бы частично, на интересующую Вас сторону нашего здесь существования.

После Вашего отъезда с Афона здесь многое изменилось, и особенно во внешнем виде. Особенно жутко смотреть на развалины русских, когда-то цветущих, обителей, скитов и келлий. Русского населения на Афоне нас теперь осталось всего 32 человека. Андреевский скит закрыт, и никакой службы в нем не совершается. Один старик (отец Сампсон¹ полупарализованный) там доживает еще и один доживает у нас (отец Симеон), другие все вымерли. Ватопед как господствующий монастырь не постеснялся обобрать все храмы, ризницу, книги и прочее и увезти в свой монастырь Ватопед. Деньги от метоха, от аренды за школу — все забирает Ватопед. В Ильинском скиту еще живы Николай² и отец Иоанн, но и те уже при отходе. Николаю 92 года и Иоанну 85 и, как видно, последует скоро судьба Андреевского. Туда прибыли из Америки 2 человека, но пантократорцы их умышленно не записывают — ждут конца стариков. Из русских келлий существует еще Крестовская и Архангельская (архимандрит Евгений³), на Крестовской еще 2 человека, а Евгений один. Белозерка занята греками⁴, а остальные все, если не совсем, то полуразвалены. Пустынников русских есть еще на Карули 2 и на Капсале 2⁵. Нас в монастыре всего 24 человека (из них 5 молодых), и если бы мы не обратились за помощью к Московской Патриархии, то наша судьба приближалась к тому же исходу. Чтобы приобрести человека из свободных стран, мы в течение 15–20 лет исчерпали все возможности. Греческие власти за все это время обещались идти нам навстречу, но на самом деле оказалось противоположное. К тому же можно сказать, что из эмиграции не так-то много и желающих посвятить свою жизнь Церкви и тем более монашеству. В том, вероятно, и Вы сами убеждены.

Как только оказалась возможность, несмотря на критику эми-

грации, мы обратились за помощью к Московской Патриархии, и там мы нашли горячую поддержку, и особенно в лице Владыки Никодима (разумеется, что наш вопрос и подлежит области его службы), что и дало возможность, хотя и немного, поддержать силы монастыря.

К нам прибыло всего 6 человек, из Псково-Печерского монастыря 4 в 1966 году и из Сергиевской Лавры 2 в 1969 году, но очень жаль, что первые 4 немного или мало умственно оказались не совсем нормальными. Одного через 1 год по прибытии мы были вынуждены сами удалить, это был невменяемый человек <...>. В этом убедились все иерархи, побывавшие у нас из России. Владыка Никодим выражал нам сожаление о такой неудаче и что их там не проверили. Но здесь, как пословица гласит, на безрыбьи и рак рыба. Приехавшие из Москвы оо. Авель⁶ и Виссарион⁷ о них тоже скорбят и стыдятся <...>. Дисциплина никакая. И выгонять неудобно — монастырь пустой, и приходится только молчаливо терпеть и ожидать лучших.

В прошлом году, так как для пополнения членов собора старцев из старых братьев некого было избирать, то мы нарочно изменили статью нашего монастырского Устава — из 10 на 3 года жизни в монастыре, чтобы иметь право быть соборным старцем. Вот на 1971-ый год мы избрали из молодых (иеромонах Ипполит⁸) и поставили казначеем (эпитропом). Но тут же в скорости скончался и отец Илиан. После неудачи у нас с выборами в игумена отца Авеля⁹ был избран почти единогласно отец Гавриил¹⁰. С нашим выбором вполне согласились все власти (разумеется, что никто к нам не вмешался). Мы написали в Кинот, назначили день интронизации. Тогда отец Ипполит взбушевался и начал смущать братию с протестом, что карпаторосс, хотя и безукоризненный человек, но быть игуменом не имеет права. Когда увидел, что в монастыре на него никто не обращает внимания,

он за 4 дня до интронизации сам написал письмо в Кинот и отнес туда сам лично (для любопытства фотокопию его прилагаю здесь). Письмо там через переводчика прочитали и не обратили внимания, вернули его нам в монастырь. <...> Конечно, этим отец Ипполит никому зла не причинил, как только русскому или, как говорят недоброжелатели, советскому монашеству. Интронизация прошла очень торжественно, прибыла половина Кинота и все гражданские и полицейские власти <...>.

Что касается моего посещения Москвы, то это, может быть, и сбудется, и по следующей причине. Как Вам, вероятно, известно, Русская Церковь решила и пообещала нам помочь финансово в отстройке погорелой части монастыря. Советы валютой помощь не отпускают (разрешили дать только 1 000 000 драхм), а согласны разрешить товаром. Это нас тоже устраивает. Но правительство Афин товары не впускает и, таким образом, дело тянется уже 2 года. Но надежда нами еще не потеряна. Тогда за получкой материалов, может быть, удастся побывать в России. С Владыкой Никодимом мы так сговорились, но сбудется это — Бог весть.

Между нами и греками-афонцами отношения теперь лучше, чем были когда-либо за мое здесь пребывание. Атмосферу такую создало больше то, что, как и Вам, вероятно, известно, в 1969 году Правительство Греции издало новый закон 124/69, который отнимает у монастырей права самоуправления и дает права и прерогативы губернатору. Все это сделано без ведома афонцев и, разумеется, мы все начали сопротивляться, но было трудно без помощи извне. Вскорости Русская Церковь запротестовала в пользу своего монастыря, потом за ней Болгария и т.д.¹¹ За границей в печати поднялся шум, что и заставило этот закон в жизнь не проводить. Афонцы в этом усматривают Промысл Царицы Небесной и попечение о своем земном жребии.

Но зато гражданские власти смотрят на нас как на препятствие к достижению своей цели. Цель правительства — эксплуатировать Афон для туризма, а монахи препятствуют. Весь Халкидический полуостров превращается в Монте-Карло для туризма. Гостиницы и дачи построены уже до границы нашей Кромницы, то есть подошвы Афона.

С приближающимися праздниками Рождества Христова шлю Вам свой привет и прошу Вашего святительского благословения и молитв.

иеродиакон Давид

Примечания:

1. Отец Сампсон (?–1972) — последний насельник Андреевского скита. После его смерти скит оставался заброшенным до 1992 г. и потом был заселен греками.

2. Схиархимандрит Николай — настоятель Ильинского скита.

3. Схиархимандрит Евгений (Жуков) (?–1972) — настоятель скита Архистратига Михаила. До революции поехал на богомолье в Иерусалим и на обратном пути, в 1905 г., остался на Афоне, где принял постриг и священный сан. В 1914 г. выехал на родину похоронить мать и остался в России. Служил на Кубани, затем был в заключении. В 1936 г. вновь вернулся на Афон. Являлся духовным сыном прп. Силуана Афонского.

4. Келья святителя Николая («Белозерка») Хиландарского монастыря. В 1968 г. умер последний настоятель «Белозерки» — иеродиакон Иоанний, и келья со всеми постройками перешла во владение к грекам.

5. Карули, Капсала — местности на южной оконечности Афона. Принадлежат Великой Лавре.

6. Архимандрит Авель (Македонов Николай Николаевич) (1927–2006). Прибыл на Афон в составе группы русских монахов в 1970 г. В 1975 г. был избран игуменом Свято-Пантелеимонова монастыря. В 1978 году, в связи с болезнью, вернулся на Родину. В 1989–2004 гг. был наместником Иоанно-Богословского монастыря под Рязанью.

7. Отец Виссарион (Великий-Остапенко) — прибыл на Афон в марте 1970 г. вместе с архим. Авелем (Македоновым). В настоящее время — архимандрит, духовник Троице-Сергиевой лавры.

8. Иеромонах Ипполит (Халин Сергей Иванович) (1928–2002). В 1959 г. принял монашеский постриг в Псково-Печерском монастыре. Был в числе 4-х монахов Псково-Печерского монастыря, приехавших на Афон в июле 1966 г. Пробыл на афоне 18 лет и в 1983 г. возвратился в Россию, в Печерский монастырь. С 1986 г. служил в храмах Курской епархии. В 1991–2002 гг. — настоятель Рыльского монастыря.

9. Кандидатура архимандрита Авеля (Македонова) не была утверждена Священным Кинотом, т.к. он к тому времени еще не пробыл на Афоне 6-ти лет, которые положены для возможности последующего избрания в игумены.

10. Иеромонах Гавриил (Аегач Георгий Васильевич; 1901–1977). Впоследствии архимандрит. На Афоне с 1924 г. В 1926 г. пострижен в мантию. Игумен Свято-Пантелеимонова монастыря в 1971–1975 гг.

11. Имеется в виду Постановление Священного Синода Русской Православной Церкви от 25.04.1969 г., а также совместное заявление Болгарского Патриарха Кирилла и Местоблюстителя Московского Патриаршего Престола митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена от 08.06.1970 г.

32. Иеродиакону Давиду от архиепископа Брюссельского и Бельгийского Василия

Декабря 18/31. 1971 г.

Дорогой о Господе Отец Давид!

Поздравляю Вас с наступающим праздником Рождества Христова, молитвенно желаю Вам всех благ от Господа, сил на служение нашей святой обители.

Очень был рад получить Ваше интересное письмо от 19 ноября старого стиля, оно впервые раскрыло мне ясную картину положения дел в монастыре, имею в виду Вашу характеристику новопривыбывших монахов. Конечно, это очень прискорбно, но нужно терпеть, как Вы сами пишете, на безрыбье и рак рыба. Слава Богу, что двое, отец Авель и отец Виссарион, можно думать, хорошие люди и будут полезны для обители. Но, конечно,

рассказывать об этом никому не следует, а то наши недоброжелатели воспользуются этим, как предлогом — одни, чтобы впредь не давать разрешения на приезд новой братии из нашего отечества, другие, чтобы хулить Русскую Церковь, как они это делают. Хорошо, что митрополит Никодим все это знает. Кстати, читали ли вы в Журнале Московской Патриархии, № 7 за 1971 год, страница 23, что сказал в своем докладе на Соборе митрополит, теперь Патриарх, Пимен об Афоне и о Пантелеимоновском монастыре, в частности? Я присутствовал на Соборе, когда он это говорил. И вообще, как Вы это сами знаете, будущность и даже само существование русской обители на Святой Горе тесно связано с Русской Православной Церковью. Как в прошлом, так и в настоящем и, даст Бог, в будущем. Я не против эмиграции, я сам эмигрант и таким остаюсь до сих пор по паспорту, но я ясно сознаю, что, кроме как от Церкви в самой России, Московской Патриархии, помощи нашему монастырю ждать неоткуда и монахов новых, кроме как из России, не получить.

Конечно, если бы кто из эмиграции пожелал поступить, отвергать не надо, слава Богу, что нашелся, но это будут, в лучшем случае, единицы. Поэтому вам нужно твердо держаться Русской Церкви, иметь с ней духовную связь, с любовью принимать приезжающих из России поклонников, особенно архиереев из России, служить с ними. Все это, однако, при соблюдении двух условий: <Первое> твердо помнить, что Пантелеимоновский монастырь на Афоне всегда находился в канонической юрисдикции Константинопольской Патриархии и сейчас в ней находится. Константинопольскую юрисдикцию над Афоном всецело признает Русская Церковь, как это видно из того же доклада Патриарха Пимена, хотя она и борется против попрания святогорских прав и препятствий к свободному доступу на Афон со стороны гражданских властей. Поэтому и вы должны всецело признавать Кон-

стантинопольскую юрисдикцию. Впрочем, Вы это и без меня знаете. Во-вторых, вы тоже должны знать, что по закону вы не советские, а греческие граждане, хотя и своеобразные ввиду особого положения Афона. Во всяком случае, вы должны тщательно избегать каких-либо политических или политико-церковных выступлений и действий, как например, протесты против войны, осуждение водородной бомбы, за разоружение, мир и т.д. Всякого рода такие выступления, совершенно неуместные со стороны монахов, отрекшихся от мира, могут крайне пагубно отразиться на монастыре. А главное, они неправильны по существу, ибо не дело Церкви, а тем более монашества, впутываться в мирские политические дела. Пишу об этом потому, что наша Патриархия часто выступает с такими политическими заявлениями, что дает повод ее врагам, карловчанам, на нее нападать. Я ее за то не осуждаю, ибо она вынуждена это делать внутри России. Как говорится, «с волками жить — по волчьи выть». Но нас, «зарубежных» иерархов, клириков и мирян, она это делать не заставляет, оставляет нас свободными, и мы ни в какой «защите мира» и т.д. не участвуем. И митрополит Никодим, между нами говоря, это одобряет. «Это к вам не относится», — сказал он о послании Патриарха Алексия по поводу 50-летия октябрьской революции, и мы, конечно, этого послания в наших церквах не читали. Но Вы, конечно, это сами лучше меня знаете. Надеюсь, что и новоприбывшие монахи это понимают.

Вы пишете, что со стороны греческих монастырей к нам сейчас хорошее отношение. Слава Богу, очень этому рад. Но из газет и журналов узнаю, что на Афоне, главным образом среди келлиотов и в скитах, ведется злостная кампания против Русской Православной Церкви и, в частности, против митрополита Никодима в связи с решением нашего Синода допускать к причастию римо-католиков там, где нет католических храмов и свя-

щенников¹. В Афинах подобная антирусская кампания ведется в связи с предоставлением Московской Патриархией автокефалии своей духовной дочери, Православной Церкви в Америке. Все это та же древняя злоба. Относительно решения Синода, то как мне лично сказал в 1970 году тогдашний Патриарший Местоблюститель Пимен: «Не следовало этого решения принимать. И без него уже много лет установилась практика, что там, где нет у нас в России католических церквей, а их на всю Россию, кроме Литвы и Латвии, всего 6, допускать к причастию католиков, если они того просят. Так нужно было и поступать, а официально не узаконять». На это митрополит Никодим возражает, что происходил разнбой, священники смущались, нужно было принять решение. Я лично более согласен с Патриархом Пименом. Как бы то ни было, ни о каком «общении в таинствах» с католиками ничего в синодальном решении нет, по-прежнему возбраняется православным причащаться у римо-католиков, а только в исключительных случаях крайней нужды, там, где, как в России, иногда на тысячи верст нет ни одного католического храма, разрешается давать причащение им. Это называется церковная икономия, когда строгость канонов несколько ослабляется по пастырским соображениям (например, ослабление строгих епитимий за грехи). Грекам нечего сейчас кричать о нарушении Православия: еще в 1878 году Константинопольский Синод с Патриархом Иоакимом III во главе постановил допускать к таинствам армян там, где нет армянских храмов и священников. Не говорю уже о том, что Патриарх Афинагор причащает всех без разбору, католиков и протестантов, чего Русская Церковь отнюдь не делает. Тем не менее, афинский архиепископ Иероним² напал не на Константинопольскую Патриархию, а на Московскую в своем лживом и клеветническом послании. Не поддавайтесь этим греческим выдумкам, они исходят от лиц, враждебно относящихся не толь-

ко к Русской Церкви, но и к Русскому монашеству на Афоне. А что касается личности митрополита Никодима, то вот что я Вам скажу, опять-таки между нами: конечно, среди русских иерархов есть более духовные, чем он (например, митрополит Иосиф Алма-Атинский³, архиепископ Вениамин Иркутский⁴, архиепископ Леонид Рижский⁵ и т.д.)⁶, но в смысле административных способностей и ума митрополит Никодим выдается среди всех. Это исключительно способный человек. Несомненно, глубоко преданный Русской Православной Церкви и святому Православию вообще. Безусловно, церковный и благочестивый человек, а вместе с тем талантливый дипломат, гибкий и стойкий одновременно. Поэтому советую Вам: ради блага обители имейте доверие к нему, он не подведет.

Было бы очень хорошо, если бы Вам, как Вы пишете, удалось по монастырским делам побывать в Москве. Лично я собираюсь поехать туда в апреле, после Пасхи. Был бы очень рад там с Вами встретиться, поговорить. Держите меня в курсе ваших планов поездки, в соответствии с ними я могу определить и мои. Передайте мое Рождественское приветствие игумену, отцу архимандриту Гавриилу, отцу архимандриту Авелю и всем, кто меня помнит. Благословение Божие да будет со всеми вами.

С любовью о Господе, в Вифлееме Рождающемся.

Василий, Архиепископ Брюссельский и Бельгийский

Примечания:

1. Имеется в виду Постановление Священного Синода Русской Православной Церкви от 16.12.1969 г. о возможности совершения таинств над католиками и старообрядцами. Смотри ЖМП, № 1, 1970 г. и последующее разъяснение по этому поводу митрополита Никодима в ЖМП, № 5, 1970 г. Данное постановление Священного Синода было отменено 29 июля 1986 г., так как «практика эта не получила развития». Смотри ЖМП, № 9, 1986 г. С. 8–9.

2. Архиепископ Иероним (Коцонис) Род. в 1905 г. Учился в Афинском университете, затем преподавал. Активный участник экуменического движения. В 1967–1973 гг. — Блаженнейший Архиепископ Афинский и всея Эллады, председатель Священного Синода Элладской Православной Церкви.

3. Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф (Чернов Иван Михайлович; 1893–1975). Родился в г. Могилеве. В 1918 г. принял монашество в г. Таганроге и в 1920 г. был рукоположен в сан иеромонаха. В 1932 г. хиротонисан во еп. Таганрогского, викария Ростовской епархии, с 1956 г. — викарий Алма-Атинской епархии, с 1958 г. — архиепископ Петропавловский и Кустанайский. С 1960 г. — правящий архиерей Алма-Атинской епархии.

4. Архиепископ Иркутский и Читинский Вениамин (Новицкий Сергей Васильевич; 1900–1975). Учился на богословском факультете Варшавского университета. В 1928 г. поступил в братство Почаевской лавры. Хиротонисан во епископа в 1941 г. В 1944 г. был арестован и сослан на Колыму на 12 лет. С 1956 г. — епископ Омский и Тюменский. С 1958 г. — правящий архиерей Иркутской и Читинской епархии. Автор письма к Патриарху Пимену с резкой критикой «Положения о приходах», принятого на Поместном Соборе 1961 г. С 1973 г. — архиепископ Чебоксарский и Чувашский.

5. Архиепископ Рижский Леонид (Поляков Лев Львович; 1913–1990). Окончил медицинский институт и работал врачом, участник войны. Рукоположен в 1949 г., принял монашество в 1952 г., служил в храмах Ленинграда. В 1959 г. хиротонисан во епископа. С 1966 г. — правящий архиерей Рижской и Латвийской епархии.

6. Смотри об этих иерархах подробно в воспоминаниях архиеп. Василия Кривошеина: Памяти епископа исповедника: митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф (Чернов, 1893–1975) // Церковь владыки Василия (Кривошеина). Нижний Новгород, 2004. С. 346–350; Архиепископ Вениамин (Новицкий) // Архиепископ Василий (Кривошеин). Воспоминания. Нижний Новгорода, 1988. С. 485–488.

33. *Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию от иеродиакона Давида*

Марта 15/28, 1972 г.

Высокопреосвященнейший Владыко.

С наступающими великими праздниками Святой Пасхи Христовой прошу Вас принять мой скромный, но искренний привет и добропожелания.

Письмо Ваше от 18/31 декабря 1971 года я своевременно получил и извиняюсь, что отвечаю только к Пасхе. К сожалению, я, по причине нескончаемой вереницы суеты, лишен возможности быть аккуратным в своей личной переписке или вообще о себе позаботиться. Беззудие нас прижало к абсолютному краю возможности нормального существования.

Нас теперь, братства, 18 человек. Из этого 2 грека, 1 болгарин и 1 сербин. Русских нас всего 14, но одни совсем остарели, другие языка греческого не знают, а молодые, к сожалению, никакой инициативы не проявляют, они хотят только хорошо жить, а откуда все достать, приготовить и на стол подать — это их не интересует, и никак не можем им внушить сознание, что монастырь — это есть наш дом, и о всем заботиться должны мы сами. Отчасти начал вникать отец Авель, этот и церковь любит, а других и в церковь игумен насильно загоняет. Хуже всего нам с ними в том, что братской любви между собой не имеют. <...> Авель нервничает, и мы очень скорбим все, но вразумить невозможно, а выгонять неудобно, это люди просто ненормальны и вразумить нельзя. Очень плохо, что весь Афон это узнает и печальное клеймо ложится на Русскую Церковь и ее монашество. Доброжелатели <...> радуются и указывают на советское монашество. Даже греки, подлинные афонцы, скорбят о такой у нас

неудаче. Простите, Владыко святой, что я Вам это пишу, такими вопросами я ни с кем не делюсь, Вам пишу, как своему человеку.

Относительно нашей поездки в Москву, после того, как стало известно, что Святейший Патриарх Московский Пимен в мае приедет в Грецию, мы перестали думать. Раз он будет в Греции, то уж, вероятно, будет и на Афоне¹.

С ремонтом зданий у нас после пожара — полная неудача. Как и Вам, вероятно, известно, Московская Патриархия в этом желает нам помочь материально, о чем мы уведомлены уже 2 года тому назад официально. Так как Советское правительство выдачу этой помощи валютой не позволяет (разрешили и нам даны 1 000 000 драхм), то разрешили прислать нам помощь материалами на порядочную сумму, что нас почти так же устраивает. К сожалению, греческое правительство ввоз материалов не позволяет. Куда мы ни обращались, кого только ни попросили, все бесполезно. На личные просьбы отвечают обманом, а на письма даже не отвечают. Московская Патриархия, по-видимому, нажать не в состоянии, а с другой стороны помощи нет.

Уже несколько лет тому назад Греция Афон объявила археологическим участком (как сплошной музей), и с тех пор никому не позволено производить у себя абсолютно никакого ремонта без ведома и разрешения археологов, т.е. правительства. В монастырях, пострадавших прежде нас от пожаров за последние годы (Ксиропотам, Пантократор, Ватопед), и развалившуюся библиотеку в Хиландаре отделявало греческое правительство, несмотря, что везде начато и нигде еще, как бы следовало, не окончено.

Недели две тому назад и к нам присланы 5 человек с инженером, и начали копать, но как видно, при таких условиях работы потребуется 10–15 лет, чтобы им справиться.

Как всем известно, нам помощь нужна не только для ремон-

тов погоревшего, но у нас вообще имеется нужда, и средств не хватает. Все обветшало, и требуются ремонты. Зарплата слишком высока, все надо нанимать и покупать. Из братии нет ни мастеров, ни даже просто рабочих (повар, хлебник, трапезарь, больничарь и прочие — все наемные), несмотря на все это, братский стол (меню) намного улучшен, как это было, когда мы с Вами поступали в монастырь. В летний сезон прибывает очень много туристов, всех на Афоне пока что кормят и принимают бесплатно, мы тоже ничем не отстаем. Все на это ропщут, но и все пока терпят. Например, у нас в летний сезон каждый почти день едят за столом от 15 до 30 человек, греков меньше, чем иностранцев.

Современное правительство на имения монастырей на Афоне наложило налоги, чего еще в истории Афона никогда не было. Теперь объявили, что за взятые для беженцев метохии тоже платить перестанут. Таким образом, жизнь монастырей становится все сложнее.

Нашего монастыря смета за последние годы такова: расход в год около 1 200 000, дохода устойчивого около 1 000 000 драхм. Этот недостаток мы пополняли с большим трудом. Теперь отнимают у нас полученные за метохии 200 000 плюс наложили налоги на имения в Солуни 60 000 (аренды получаем в год 280 000), таким образом, у нас будет недостача на 40%, но если бы были люди в монастыре, то еще можно вывернуться, а без людей трудно. Но да будет во всем воля Божия.

Если Вы будете в Москве, то попытайтесь заговорить о нашем монастыре. На самом деле они имеют твердое решение этот монастырь за собой удержать как русский или у них этот вопрос стоит на заднем плане? Приезжающие сюда всегда обещают, но на деле почти ничего не видно. Понятно, и нам хорошо известно, что при всем ихнем желании многое делать не могут — им не разрешают. Я уверен, что Владыка Никодим Афон очень

любит, и он, если бы на самом деле мог, то сделал бы все для нашего монастыря, но...

Относительно сокровища, находящегося в Германии, а принадлежащего Русской Церкви, Владыка Никодим мне писал, что дело вышло на нормальную дорогу, и есть надежда его получить обратно.

Прошу Ваших святительских молитв и благословения. Ваш
нижайший послушник

иеродьякон Давид

Примечание:

1. Визит Святейшего Патриарха Пимена на Афон состоялся в октябре 1972 г.

41. Насельнику афонского Свято-Пантелеимонова монастыря иеромонаху Мисаилу от архиепископа Брюссельского и Бельгийского Василия (Кривошеина)

9/22 декабря 1976 г., Брюссель

Ваше Высокопреподобие, дорогой отец Мисаил!¹

Поздравляю Вас с наступающими праздниками Рождества Христова. Молитвенно желаю Вам всех благ от Господа, а в грядущем Новом году проводить Ваш монашеский подвиг во славу Божию на Святой Горе Афонской, в Русском Пантелеимоновом монастыре.

Вот уже более трех месяцев, как я уехал с Афона², и не имею никаких известий, что там делается. Приехали ли еще новые монахи из России? Как Вы спасаетесь? Как братия? Пожалуйста, напишите мне обо всем этом.

Я сохранил самое светлое воспоминание о моем, к сожалению столь кратком, пребывании у вас. И о Вас лично вспоминаю

с благодарностью за Вашу любовь и заботу. Вспоминаю и наши с Вами путешествия по Святой Горе. Если Богу угодно, постараюсь вновь посетить Св. Гору, по возможности еще в течение наступающего 1977 года. Поминаю Вас на св. проскомидии.

Я, слава Богу, Вашими молитвами жив и здоров. Отпраздновали храмовый праздник св. Николая³, теперь готовимся к Рождеству Христову.

Божие благословение со всеми вами.

Вернулся ли архимандрит о. Авель?

С любовью о Христе Архиепископ Василий

Примечания:

1. Иеромонах Мисаил (Томин Михаил Константинович). Родился в 1923 г. Служил, но был комиссован. Жил в горах Киргизии, где в тайном монастыре принял постриг. Служил в разных епархиях СССР. В 1976–1981 гг. — в братии Пантелеимонова монастыря на Афоне. Был ризничим. Пострижен в схиму с именем Серафим. В 1981 г. вернулся в Россию и является духовником Оренбургской епархии.

2. Архиепископ Василий смог вновь побывать на Афоне в августе 1976 г., спустя 29 лет после того, как он вынужден был покинуть Св. Гору. Во многих источниках ошибочно называется 1977 г., но в апреле–мае 1977 г. состоялась уже вторая поездка владыки на Афон.

3. Кафедральный собор Бельгийской епархии Русской Православной Церкви на ул. Шевалье в Брюсселе, где служил владыка Василий, посвящен святителю Николаю и празднует свой престольный праздник 19 декабря.

42. Патриаршему Экзарху Западной Европы митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Никодиму (Ротову) от архиепископа Брюссельского и Бельгийского Василия (Кривошеина)

27 июня 1977 г.

Ваше Высокопреосвященство, дорогой Владыко!

Мне хотелось бы рассказать Вам о моих впечатлениях, о моем шестидневном пребывании на горе Афонской 29 апреля – 5 мая. Встречали меня греки хорошо, жаловаться не приходится. К сожалению, у меня не было письма от Вселенской Патриархии, оно не было получено в Афинской архиепископии, но греческое министерство Иностранных дел было извещено Патриархией, что такое разрешение ею дано, и министерство дало мне без труда и свое разрешение. В Протате¹ архиерейской встречи не было, но в Симоно-Петрском² монастыре, который я посетил, звонили во все колокола. Губернатор, которого я встретил в Салониках, он там профессор Богословского факультета³, распорядился предоставить мне свою машину от Дафни до Карей. Там я был у его заместителя. В эпистасии⁴ опять высказывалось сожаление, что Русская Православная Церковь дает причастие католикам. Я старался им объяснить, что это вызвано исключительными обстоятельствами и что никакого взаимного «нормального» интеркоммуниона между Московской Патриархией и Римо-Католической Церковью не существует. Это несколько успокаивает афонских монахов, но все же нужно сказать, что постановление 1969 года⁵ нанесло сильный удар по престижу Московской Патриархии на православном Востоке. Возвращаться в наш монастырь было уже поздно, и я переночевал на Карее в доме нашего представителя о. иеродиакона Давида. Долго с ним

беседовали, вспоминали прошлое, он мне рассказывал о жизни монастыря за долгие годы моего отсутствия. Слушать его было интересно, он очень хорошо знает все греческие дела, Кинот, губернаторов и т.д. За эти годы он стал значительно лучше говорить по-гречески, видно, брал уроки.

В монастыре, куда я прибыл на следующий день, я был встречен по-братски, игумен о. Авель сказал сердечное приветственное слово. Я очень рад, что на этот раз игумен был в монастыре и я лучше с ним познакомился. В прошлый раз его не было. Он был в России. Монахи любят критиковать, особенно отсутствующих, и я тогда слышал много неблагоприятных о нем отзывов — не ходит в церковь, тяготится афонской жизнью и т.д. Но сейчас, увидев его лично в монастыре, я составил о нем гораздо более благоприятное мнение и думаю, что он вполне подходящий игумен, рассудительный, со здравым смыслом, благочестивый. Менять его на другого было бы бесполезно. В церковь, при мне по крайней мере, он ходил аккуратно. Некоторые осуждают его, что он недостаточно тверд, не сумел навести дисциплину, справиться с братией. Это легко сказать. Но что можно сделать, когда среди нее несколько явно невменяемых лиц. Меня только огорчает, что у него создались плохие отношения с о. Давидом, о. Авель еще не знает всех дел и не ценит опыта, многолетнего опыта о. Давида. От этой неприязни пользы не будет. Об общем положении в монастыре Вы сами знаете, Вам рассказывали бывавшие на Афоне, да и Вы сами там бывали. Есть монахи очень хорошие, есть средние, но удовлетворительные, но есть и совсем невозможные. Единственное средство поправить положение — это прислать новых хороших монахов, иначе будет плохо. А когда придут в достаточном количестве новые и хорошие, тогда и малогодных можно будет удалить, если будет необходимо. А сейчас невозможно. Все это очень важно, ибо сейчас в греческие

монастыри поступают молодые монахи высокого духовного, да и интеллектуального уровня.

На Афоне я служил три раза. В Неделю Жен-Мироносиц в Пантелеимоновском соборе, на Преполовление Пятидесятницы в Покровском храме и еще ездили служить всей братией в Старый Русик, там много лет уже не было архиерейской литургии. Обедали после литургии на Почаевской келлии⁶ рядом. Там весной очень красиво.

Был еще вместе с о. Мисаилом в Симоно-Петрском монастыре, игумен о. Емилиан⁷ — духовный, просвещенный, мягкий, но вместе с тем энергичный человек, друг Русской Церкви. Возродил монастырь. И непрерывно поступают новые послушники. Молодые, образованные. Когда я посещал этот монастырь, встретил там знакомого бенедиктинского римо-католического иеромонаха из Франции восточного обряда о. Плакиду Дэзей⁸. Он настоятель небольшого монастыря Обезин. Приехал на Афон с тремя монахами принимать Православие. Встретили его хорошо, но ставят условие: креститься! Сейчас здесь в Бельгии слышу, что все они приняли Православие. Крестились или нет, не знаю, вполне вероятно. Во всяком случае, парижский доминиканец Ле Гийю⁹ (журнал «Истина»¹⁰) негодует, в бешенстве. Вот видите, какие настроения на Афоне: Владыка [...], когда приезжал на Афон, говорил: «Католиков можно причащать, они ведь крещенные», а тут на Афоне их перекрещивают!

В общем, устал я от афонских служб (все ж таки возраст!), но рад и счастлив, что милостию Божией удалось хоть на время погрузиться в эту атмосферу подлинного Православия.

Испрашиваю Ваших святых молитв, остаюсь с братской любовью о Господе

Архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий

Примечания:

1. Протат — высшее Духовное самоуправление Святой Горы, главный и единственный орган, являющийся административным и правовым центром всего Афона. В Протат входят Священный Кинот, который состоит из равноправных представителей (антипросопов) всех 20-ти монастырей, а также выборный из Кинота совет — Святая Эпистасия.

2. Симоно-Петровский монастырь (Симона-Петра) — один из 20-ти монастырей Афона. Основан преп. Симоном в XIII веке.

3. Губернатором Афона в то время был Димитриос Тсамис. По традиции, губернатор Афона всегда избирается из числа профессоров Богословского факультета в Фессалониках.

4. Эпистасия — выборный из Кинота совет, имеющий распорядительную и исполнительную власть, владеющий делопроизводством. Эпистасия выбирается ежегодно и поочередно из всех монастырей по одному представителю из каждых пяти монастырей (монастыри разделены на четыре пятерицы). Эпистасия следит за поддержанием чистоты и порядка в Карее, устанавливает цены на продукты, надзирает за поведением и изгоняет нарушителей правил с Афона.

5. Имеется в виду Постановление Священного Синода Русской Православной Церкви от 16.12.1969 г. о возможности совершения таинств над католиками и старообрядцами. См. ЖМП, № 1, 1970 и последующее разъяснение по этому поводу митрополита Никодима в ЖМП, № 5, 1970. Данное постановление Священного Синода было отменено 29 июля 1986 г., так как «практика эта не получила развития». См. ЖМП, № 9, 1986. С. 8–9.

6. Почаевская келлия — возможно, речь идет об одной из келий, находящейся рядом с Почаевским храмом Старого Русика. Как таковой Почаевской келлии на Афоне никогда не существовало.

7. Игумен Эмилиан (Вафидис). Родился в 1934 г. Потрижен в монашество в 1960 г. В 1963–1973 гг. — игумен монастыря Великие Метеоры, с 1973 по 2000 гг. — игумен монастыря Симона-Петра на Святой Горе Афон. Ныне проживает на покое на подворье монастыря Симона-Петра в Ормилии, Халкидики.

8. Архимандрит Плакид Дезей (Placide Deseille). Родился в 1926 г. В 1942 г. поступил в трапистское аббатство Бельфонтен. В 1966 г. основал монастырь восточного обряда в Обазине. В 1977 г. принял на Афоне Православие через повторное крещение. Основатель и настоятель монастыря

св. Антония Великого в Сен-Лоран (близ Руана), подворья афонского монастыря Симона-Петра. Доцент Свято-Сергиевского Богословского Института в Париже. Этот случай повторного крещения католического монаха, пробовавшего на момент присоединения к Православной Церкви более чем четверть века в священном сане, вызвал большие споры как в Католической, так и в Православной Церквях.

9. Доминиканец Ле Гийю (Marie-Joseph le Guillou) (1920–1990) — богослов и деятель экуменического движения. Вступил в орден доминиканцев в 1940 г. С 1952 г. трудился в доминиканском центре экуменических исследований «Истина» («Istina») в Париже. Для лучшего знакомства с восточной традицией провел год на Афоне. Преподавал нравственное и восточное богословие на богословском факультете Сольшуар и Католического института в Париже.

10. Журнал «Истина» («Istina») — богословский журнал, издаваемый одноименным доминиканским центром экуменических исследований в Париже.

43. Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию (Кривошеину) от иеросхидиакона Димитрия

17/30 апреля 1983 г.,

Русского Монастыря на Афоне Метох Хормица¹

Высокопреосвященнейший Владыко!

С наступающими великими праздниками Пасхи Господней прошу примите мой скромный привет: Христос Воскресе!

Очень Вас благодарю за привет, добропожелания и св. молитвы, присланные к Рождеству Христову, не ответил своевременно по причине болезни.

У меня 2-го января было излияние крови в желудке и пришлось отлежать в больнице почти месяц, но теперь мое здоровье почти в порядке. На левую ногу, которую лечил в России, еще

немного хромаю. На Кавказе, в Кисловодске, мне сказали, что в моем возрасте расслабленные в ноге нервы восстановить, как следует, уже невозможно, но и за то, что сделано, слава Богу, теперь хоть и с палкой, но хожу свободно.

Относительно нормальности жизни братства в монастыре, то похвалиться нечем, и особенно со стороны жизни духовной, [...]. Я, как старый, иногда делаю замечания, но [...] теперь я, чтобы сохранить свой душевный мир и успокоить расшатанные нервы, был вынужден уклониться подальше [...] и временно проживаю на метохе Хормица. Теперь, Владыко святой, мы живем спокойно, как почти никогда. Все власти к нам относятся очень хорошо (за исключением Вселенской Патриархии, которая не допускает людей с России, но это относится одинаково ко всем меньшинствам Афона. Кстати, к нам строже всех). Я решил пока что потерпеть так [...].

Если Вам позволят Ваши обстоятельства, то приезжайте в гости, будем бесконечно рады, думаю, что и в наших разногласиях Вы бы принесли пользу.

Не могу понять, Владыко святой, какая причина именно, что Русская Церковь до такой высокой степени недооценивает, чтобы этот наш Монастырь иметь как свой, и в ближайших контактах. Я, бывая там, слышал иногда высказывания (как бы с негодованием), что там у вас Вселенский Патриархат, а мы прав для распоряжения не имеем, но ведь это так всегда было и при прежней России, и русский народ всегда Афоном и своим монастырем интересовался. К тому же я смотрю, как смотрят за своими на Афоне болгары, сербы, румыны, и даже грузины интересуются, которых уже нет, но следы разыскивают.

С Болгарии на днях ожидаются 6 человек для Зографа², разрешение от правительства здесь получено. Мы тоже имеем с Афин хорошие сведения, но требуются имена кандидатов, а та-

ковых нет, я в Москву сообщал, но ответа нет никакого. Да будет во всем святая Воля Божия.

Прошу Ваших святительских молитв и благословения

*Ваш нижайший послушник
иеросхидиакон Димитрий (Давид)*

Примечания:

1. Метох Хормица (Крумица) — местность на Афоне, принадлежащая русскому Свято-Пантелеимонову монастырю.

2. Зограф — болгарский монастырь на Афоне. Посвящен св. вмч. Георгию Победоносцу.

44. Иеросхидиакону Димитрию от архиепископа Брюссельского и Бельгийского Василия (Кривошеина)

7/20 июня 1983 г., Брюссель.

Дорогой отец иеросхидиакон Димитрий!

Очень был рад получить Ваше письмо, где Вы сообщаете мне о приятии Вами великой схимы с именем Димитрия. Поздравляю Вас и радуюсь за Вас. Господь дает Вам в последний период Вашей жизни жить на Святой Горе, постриженным в схиму, а мне, грешному и немощному, приходится жить в миру, это очень трудно душевно и духовно, но на все да будет Его святая воля. А Вам молитвенно желаю еще многие годы трудиться на благо нашей святой обители. Я знаю и понимаю, что Вам часто трудно, но ничего не поделаешь, так Господу угодно.

Я, слава Богу, чувствую себя удовлетворительно, ничем серьезно не болею, могу заниматься делами, несмотря на возраст (мне через месяц будет 83 года). Вижу, правда, плохо, сильная

близорукость, но как видите, пишу и читаю без больших трудов при хорошем освящении и не очень мелким шрифтом.

Я, по-прежнему, после кончины о. Корнилия¹ остаюсь служить один (помогают два диакона², но они работают и потому не всегда могут быть в церкви). Хлопотали о присылке мне в помощь архимандрита из Москвы, но бельгийские власти не дают визы. Теперь хлопочет о другой, но когда это будет, неизвестно, а пока приходится все нести самому. Но ничего, слава Богу за все.

В сентябре надеюсь, если Богу угодно, поехать в Россию на две недели, очень этому радуюсь, не был там почти что два года. Интересно посмотреть, что делается в Церкви. Вот прочитал, что Патриархии отдают Даниловский монастырь³ в Москве, это хорошо, но ранее обещали отдать Донской монастырь, но не дали, а взамен его дают Даниловский, он меньше, не такой интересный исторически и пр.

На Афон я был бы очень рад приехать погостить недели 2–3, но сейчас, когда нет у меня священника-помощника, это, к сожалению, совершенно невозможно.

От о. Софрония⁴ давно не имею известий. Он все стремился возвратиться в нашу церковь, Московская Патриархия писала в Константинопольскую отпустить его, но Константинополь, по обычаю, не отвечает.

Всего доброго, прошу Ваших молитв.

С любовью о Христе архиепископ Василий

P.S. Приветствие и благословение отцу архимандриту игумену Иеремии⁵ и всей о Христе братии.

Примечания:

1. Архимандрит Корнилий (Фристедт Дмитрий Николаевич) (1902–1982). Окончил Свято-Сергиевский Богословский Институт в Париже. В 1958 г. рукоположен в иеромонахи и назначен настоятелем храма в Брюсселе. С 1964 г. — архимандрит.

2. Протоиерей Михаил Алексеевич Городецкий (1932–2003) — многолетний секретарь архиепископа Василия. Родился в семье эмигрантов в Конго. Окончил Лувенский университет. Работал в Бельгийском нефтяном обществе. Окончил ЛДС и ЛДА. Рукоположен в диаконы в 1979 г. Участник Поместных Соборов 1988 и 1990 гг. Протоиерей Сергей Юрьевич Рейнгардт (1932–2006). Родился в семье эмигрантов в Бельгии. Рукоположен в сан диакона в 1968 г. Участник Поместного Собора 1971 г.

3. Даниловский монастырь в Москве был возвращен Русской Православной Церкви в 1983 г. — в преддверие подготовки празднеств, посвященных 1000-летию Крещения Руси.

4. Архимандрит Софроний (Сахаров Сергей Семенович) (1896–1993). Выдающийся православный богослов, келейник прп. Силуана Афонского. Родился в Москве, в эмиграции с 1921 г. В 1925–1947 гг. подвизался на Афоне. В 1927 г., вместе с архиепископом Василием (Кривошеиным), был вынужден покинуть Афон. Затем служил под Парижем в старческом доме на Сен-Женевьев-де-Буа. В 1959 г. основал Иоанно-Предтеченский монастырь в Эссексе (Англия).

5. Архимандрит Иеремия (Алехин) — нынешний настоятель Пантелеимонова монастыря. Прибыл на Афон в 1975 г. В 1978 г. стал местоблюстителем монастыря, а в 1979 г. избран его настоятелем.

45. Иеросхидиакону Димитрию от архиепископа Брюссельского и Бельгийского Василия (Кривошеина)

26 декабря 1983 г.

Дорогой о Господе иеросхидиакон Димитрий!

Сердечно поздравляю Вас с наступающими праздниками Рождества Христова и молитвенно желаю Вам всех благ Господа в грядущем Новом году, милости Божией. Надеюсь, что Вы здоровы и благополучны. Узнал, что Вы постриглись во святую схиму, радуюсь тому, поздравляю Вас и приветствую. Ваше письмо от 17/30 апреля к Пасхе я своевременно получил, простите,

что до сих пор не ответил¹. Благодарю Вас за интересные сведения о нашем монастыре, сочувствую Вам в Ваших трудностях, имейте терпение. А вот на днях посетил меня некий грек с женою из Салоник, говорящий по-русски, Димитрий Касимидис, он мне много рассказал, что меня встревожило и еще больше огорчило, так как вижу, что в обительские дела вмешиваются нецерковные силы (я не имею в виду греков). Впрочем, Касимидис говорил путано и неясно, и я хорошо не понял, в чем дело и чему верить. Он говорил, что Вы собираетесь мне написать, но я до сих пор от Вас письма не получал. В частности, правда ли, что иеромонаха о. Илиана не выпускают обратно на Афон, это был бы большой ущерб для монастыря, он хороший монах, да еще с образованием, не псих. Еще какая непонятная история с монахом американского происхождения, но учившимся в Ленинградской Духовной Академии. Против него восстала группа монахов во главе с о. Николаем, требует удаления из монастыря («он американец, капиталист», говорят они). Если не уйдет сам, грозят обратиться к полиции, чтобы его удалила. Сомневаюсь, чтоб греческая полиция имела бы право так выгонять с Афона. Все это стало известно дииакитису и эпистасии и может кончиться большим скандалом для Монастыря. Если дело дойдет до насилия. Повторяю, я не могу точно разобраться, в чем дело и прошу Вас, если для Вас возможно, написать мне. Во всех этих делах я вижу вмешательство даже не Патриархии, но Совета по делам религий и жалею, что некоторые из братии таким влияниям поддаются. О. Николая я лично не знаю, но до сих пор имел о нем хорошие отзывы, тем более печально, что он так вмешался в историю с удалением американца. А о. Игумен, как мне говорят, колеблется. Сегодня — за удаление, а завтра — против, кается и плачет. Что за история! Если можете, напишите.

Я, слава Богу, здоров, хотя мне свыше 83 лет. До сих пор мне

было трудно одному совершать церковные службы, но сейчас, слава Богу, Патриархия прислала, по моей просьбе, протоиерея из России о. Михаила Старка², сравнительно молодой (39 лет), старательный, услужливый, хороший приходской батюшка, для меня большая подмога, но разрешение ему здесь пока на три месяца. Будущее покажет.

Всего Вам доброго, прошу святых молитв.

Во Христе архиепископ Василий

P.S. Забыл написать, ездил в сентябре этого года в Москву и Одессу по церковным делам.

Примечания:

1. Вероятно, архиепископ Василий забыл, что он, на самом деле, ответил на это письмо. См. письмо № 44.

2. Протоиерей Михаил Борисович Старк (род. 1944). Служил в Свято-Никольском соборе в Брюсселе в 1983–1990 гг. С 1985 г. был его настоятелем.

46. *Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию (Кривошеину) от иеросхидиакона Димитрия*

15/28 сентября 1984 г.,

Св. гора Афон, Русский монастырь

Высокопреосвященнейший Владыко.

Очень-очень Вас прошу меня великодушно простить за мою неаккуратность, что я на Ваше ласковое, отеческое письмо от 21 февраля с.г. никакого ответа не дал. Причина тому отчасти оплошность моего здоровья, к тому же и писать-то благоприятного, чтобы Вам прочитать и быть довольным, к сожалению, нечего. Вам, как своему и верному, любящему Афон человеку, откровенно скажу, что за время моей жизни здесь материально в

таким благополучии Монастырь не был никогда, как теперь: для жизни всего полно, начиная с денег и проч. Плохо только то, что духовного окормления нет. О. Игумен как труженик-работник незаменим, но замечание брату в каком-либо проступке никак не сделает, на припоминание ему о его обязанности он монотонно отвечает: я никому ничего говорить не буду, каждый знает, зачем сюда пришел. К сожалению, сюда к нам люди приезжают уже в возрасте и со своими привычками и недостатками, и без замечания положение ухудшается, результат этого процесса такой, что до сегодня к нам прибыли с России всего 40 человек, но живут до сегодня только 13 ч. Остальные все ушли обратно, к тому же и те, которые живут, то половина с них готовы обратно, эти угрозы я сам слышу то и дело. К тому, вероятно, просто необдуманно содействует Русская Церковь, прежде всего, что почти всех оставивших Афон легально или самочинно — это безразлично, — они там, не оповещая нас абсолютно ни в чем, награждают Архимандритами, Игуменами и т.д., а живущие здесь это узнают и скорбят, что они как будто в презрении. [...] Разумеется, что это есть слабость человеческая, но времена переживаем такие, что приходится ради экономии в людях идти и слабостям навстречу. К сожалению, за последнее время узнаем, что и там в хороших людях Церковь очень нуждается и на практике получается, что великая Россия духовно так обеднела, что просто не имеет ничего Афону дать. Как Вы, вероятно, знаете, в Печорах недавно была какая-то неприятность, и братия, было, разошлась, так что, прибывши туда, удаленные нами отсюда за пьянство и прочее были приняты с радостью и возведены в соборное старчество с наградами.

[...] Спора я избегаю — желательно сохранять душевный мир, а молодежь не знает обительских порядков, и так день за днем время уходит.

Очень благодарю и спаси Вас Господь Бог за переданный мне Вами через о. Давида, американца, привет и святительское благословение, он вернулся и гостит у нас. Но вчера сказал, что на днях уедет, он у нас пробыл 2–3 недели. Вчера только высказался мне, что он желал бы получить постриг у нас, но официально он этого еще не просил, к тому же видно, что он жить здесь не собирается. Сказавши это Игумену, я понял, что он не прочь это сделать, т.е. сделать его рясофорным.

Мы уведомяны, что на днях приезжает на Афон Вселенский Патриарх, и думаю, что нам будет ими сделано замечание, и думаю, что будет и строго, т.к. это уже повторное и именно за то, что мы поминаем на всех богослужениях вместе с именем Вселенского Патриарха и имя Патриарха Московского. В Зографе болгары делали так же, и к ним уже придрались, и теперь идет неприятный процесс, и к нам обязательно тоже придерутся, но я лично думаю, что этого не нужно бы делать, поминать одного местного Архиеерея (Патриарха) по правилам Церкви и больше ничего, но, к сожалению, наша здесь братия в этом никак не может разобраться (в Зографе то же самое). Экзархия теперь у нас будет, и я уверен, что этот вопрос нам будет поставлен. На письмо Св. Кинота Вселенской Патриархии, по просьбе монастыря Зографа, о пропуске 6 человек с Болгарии, ответ последовал, что при таких условиях монастыря по отношению к Патриархии никого на Афон они не пустят.

Мы тоже уведомяны с Москвы, и были мы в Афинах и в Министерстве иностранных дел узнали, что есть 6 человек, которые ждут выдачи визы на Афон, но, к сожалению, на нашу просьбу о пропуске их на Афон сказали только: подождите — не спешите, все будет сделано. Мы, было, написали письмо с просьбой к Президенту Греции и Премьер-министру, но наши посланные туда Старцы сами по себе решили этого не делать и принесли письма назад [...].

Простите, Владыко святой, за мое утомление Вас сим многословным моим письмом, оно и не совсем доброскладное, но Вы знаете, что я за писарь, к тому же я и занят так, что это письмо у меня было в машинке, и я его временами писал целых 7 дней.

Приезжайте, Владыко, к нам отдохнуть хотя бы на несколько дней, комнату приготовим на низу, чтобы без лестниц.

Прошу Ваших святительских молитв и благословения

Ваш нижайший послушник иеросхид. Дмитрий

P.S. Для лучшего Вам понятия нашего здесь положения прилагаю здесь копию моего доклада собранию Старцев монастыря [...]. Работавшие здесь специалисты по созданию Альбома, побывавши в наших архивах, видели все беспорядки и там донесли [...]. Простите!

47. Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию (Кривошеину) от иеросхидиакона Димитрия

21 декабря (старого стиля) 1984 г.

Высокопреосвященнейший Владыко.

С приблизившимися и уже наступающими великими праздниками Рождества Христова, Новолетия и св. Богоявления примите мой скромный привет и добропожелания, а Новый 1985 год от души желаю Вам встретить и до конца проводить жизне-радостно и благополучно.

Как Ваше драгоценное здоровычко и самочувствие? Мое здоровье пошло немного к лучшему, от кровоизлияния даже и остатков никаких не осталось, а только в ногах появилась какая-

то слабость и затрудняюсь в ходьбе, так что палка необходима, но слава Богу за все.

Жизнь наша течет обычным руслом, и как будто все нормально. Плохо только то, что добавки братии нет. К сожалению, вмешательство некоторых иерархов Московской Патриархии в наши фонские дела и безукоризненное им послушание [...] некоторых старцев дают причины греческим властям делать нам эти препятствия. Недавно я лечился несколько дней в Афинах, и удалось мне посетить Министерство иностранных дел, когда мне рассказали, то я ужаснулся, как там все подробности знают, что у нас кто говорит и что делается (прилагаю здесь фотокопию журнала «Православная Русь»¹ из Америки). Вам, Владыко святой, откровенно скажу, что, как там пишут, то все это подлинно так было и есть. Архиепископ [...] нас собрал всех в приемном салоне и в своем слове к нам, между прочим, сказал: «Вы, как фонцы, имеете гражданство греческое, но не забывайте, что Вы в то же время являетесь и гражданами своей родины, т.е. Советского Союза». Это знают и в министерстве Афин, и вот в Москве 6 человек ждут выдачи им визы к прибытию на Афон. В монастыре Зографе тоже делается точно, что и у нас, эти ведут такую же политику, там тоже сидят и ждут в Софии 6 человек получения виз.

Как немного потеплеет, то приезжайте, Владыко святой, к нам хотя бы на малое время отдохнуть, и для нас это будет великое утешение. Помещение мы для пребывания Вам подготовим внизу, чтобы по лестницам не подниматься.

Прошу Ваших святительских молитв и благословения,

Ваш нижайший послушник иеросхид. Димитрий

Примечание:

1. Журнал «Православная Русь» — приложение к газете «Православная Русь», печатному органу Русской Православной Церкви Зарубежом.

48. *Иеросхидиакону Димитрию от архиепископа Брюссельского и Бельгийского Василия (Кривошеина)*

14/27 января 1985 г., Брюссель

Дорогой отец Димитрий!

Сердечно благодарю Вас за Ваши поздравления с Праздниками и взаимно, хотя и с запозданием, поздравляю Вас с Рождеством Христовым и Богоявлением Господним, и с Новым годом, и молитвенно желаю Вам всех благ от Господа, духовных и телесных. Передайте пожалуйста мои приветствия о. игумену архимандриту Иеремии и всей во Христе братии, хотя впервые за многие годы я не получил от него поздравлений к праздникам. Может быть, после горестного отъезда в Россию иеромонаха Илиана и насильственного недопущения его вернуться обратно на Афон наша Обитель так оскудела грамотными людьми, что некому письма написать?

Ваши оба письма от 15/28 сентября 1984 и 21 декабря (старого стиля) 1984 г. я получил. Благодарю за интересные и правдивые сведения о нашем монастыре. Я понимаю Ваши трудности и Ваше желание уйти от дел, но прошу Вас этого не делать, Вы нужны нашему монастырю, Вы единственный человек, знающий и понимающий положение, без Вас наши пропадут. И Вы знаете и понимаете греков и способны пред ними защищать интересы Русского монастыря, русское дело на Афоне (не советское, конечно, оно нам не нужно). Карловацкая газетка «Православная Русь» действительно много знает, но она ненавидит все русское, ей бы хотелось весь наш монастырь отдать безвозвратно грекам, русское духовенство она кощунственно называет «советским». Поэтому не доверяйте им и не связывайтесь близко с ними. Вла-

дыки [...] — хорошие люди, но молодые, неопытные и совершенно не знающие афонского положения. Куда выше их были покойные митр. Николай (Ярушевич) и митр. Никодим (Ротов), они прекрасно понимали, что не надо создавать ненужных столкновений с греками (об афонском уставе, подданстве и т.д.), а все усилия сосредоточить на доступе русских монахов из России, в этом — наша жизнь и будущее, а все это «поминование»¹ — второстепенное. Митрополит Филарет² тоже это хорошо понимает.

Я разговаривал недавно в Париже с нашим экзархом в Западной Европе митр. Владимиром³ о положении в монастыре. Он сказал: «Я совершенно согласен, что положение в монастыре ненормальное. И по афонским уставам и по общемонашеским правилам вся власть и управление не должны быть сосредоточены в одном лице. Но что делать, людей нет [...]». И мне было трудно что-либо возразить, разве то, что при соборном управлении контроль будет строже, ибо игумен Иеремия один со всеми делами не справляется. А он святой человек.

Огорчает меня тоже, что монахи нашего Пантелеимонова монастыря, по словам газетки «Православная Русь», ежегодно ездят в Афины в советское посольство праздновать октябрьский переворот. Какой это приносит вред в общественном мнении и кому это нужно? Почему я, 25 лет архиерей Московской Патриархии, никогда там не бываю, и никто меня за это не порицает. Покойный митрополит Никодим правильно ответил Макарецеву, помощнику Куроедова⁴: «Если бы владыка Василий там бывал, у него разбежались бы прихожане». Но я не хочу вмешиваться в ваши дела, вы не маленькие. Одно дело злобствовать на все русское, как «Православная Русь», другое — без нужды подлизываться перед Советами. То и другое нехорошо.

Еще многое мог бы Вам написать, но всего не напишешь. Здоровье мое не блестящее, но терпимое. Плохо вижу, но пишу и

читаю. Службы выдерживаю, но ноги устают и слабы, мне ведь свыше 84 лет. Надеюсь еще этим летом побывать в России. Россию и Русскую Церковь я люблю, рад там бывать, а советчиков и карловчан не выношу.

От души желаю Вам терпения и помощи Божией в вашем послушании в монастыре.

С любовью во Христе

Василий, Архиепископ Брюссельский и Бельгийский

Примечания:

1. Имеется в виду поминовение Патриарха за Божественной Литургией. Смотри об этой проблеме письмо № 46.

2. Митрополит Филарет (Вахромеев Кирилл Варфоломеевич), ныне митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Белорусии. Родился в 1935 г. В 1981–1989 гг. был председателем Отдела внешних церковных сношений Русской Православной Церкви.

3. Митрополит Владимир (Сабодан Виктор Маркианович), ныне Блаженнейший Митрополит Киевский и всея Украины, предстоятель Украинской Православной Церкви Московского Патриархата. Родился в 1935 г. В 1984–1990 гг. был Патриаршим Экзархом Западной Европы.

4. Куроедов Владимир Алексеевич (1906–1994). В 1960–1984 гг. — председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР.

**БОГОСЛОВСКИЕ
ТРУДЫ,
ПРОПОВЕДИ,
ВОСПОМИНАНИЯ**

*Некоторые
богослужebные особенности
у греков и русских
и их значение*

Настоящее сообщение не имеет целью проследить историческую эволюцию богослужebных форм, происхождение их особенностей у греков и русских, значение в этом процессе различных типиконов, их взаимные влияния и т. д. Я не литургист и не буду делать этого систематически. Ограничусь лишь несколькими замечаниями и наблюдениями, скорее личного характера, относительно того, как совершается Литургия и прочие богослужения в храмах греческого языка, с одной стороны, и русского, с другой. Говоря же о церквах греческого языка, я не забываю, что Афон не принял константинопольской реформы 1838 г. и остался верным более древним типиконам. В настоящем исследовании меня интересует не только тот или иной текстуальный вариант или различие в чинопоследовании, но также, и прежде всего, тот смысл и значение, которое одни и те же слова или один и тот же литургический момент может получить в сознании верующих, как это может сказаться на их религиозном поведении, даже если различия часто бывают основаны на недоразумениях. Для понимания и оценки этих особенностей народного благочестия «богослужebные отклонения» могут оказаться интересными.

Начнем с нескольких, скорее, банальных замечаний о некоторых особенностях при совершении Божественной Литургии.

Надо, однако, сказать, что вообще бóльшая часть различий между греками и русскими в ее совершении касается нашей темы лишь косвенно, поскольку различия эти находятся в молитвах, именуемых «тайными», и потому остаются неизвестными подавляющему большинству мирян и не имеют непосредственного влияния на их поведение.

Тем не менее, мы будем о них говорить, так как молитвы эти составляют наиболее важную часть Литургии, а произносящее их духовенство также составляет часть народа Божия. Опуская пока то, что предшествует самой Литургии (Великое Слословие у греков, Часы у русских, а также проскомидию), укажем на довольно существенное и характерное различие в Литургии оглашенных: Греки после реформы 1838 г. (кроме афонских монахов, оставшихся при старом порядке) заменили псалмы 102 («Благослови, душе моя, Господа») и 145 («Хвали, душе моя, Господа»), так же, как и следующие за ними Заповеди Блаженства, антифонами, т.е. краткими обращениями к Богородице или Христу, воскресшему и славимому во святых Своих; русские же продолжают петь каждое воскресение два указанных псалма и Заповеди Блаженства. Они заменяют их антифонами только в большие праздники или же, наоборот, в будние дни. Опускание псалмов и блаженств, конечно, имеет преимущество (если только это действительно можно считать преимуществом) — сокращать Божественную Литургию. Однако достойно сожаления то, что Литургия оглашенных теряет, таким образом, свой поучительный, библейский характер, одновременно и ветхозаветный, и новозаветный, который должен был бы быть ей присущ. Подобные же соображения можно высказать и об упразднении реформой 1838 г. молитв об оглашенных.

Становится непонятным, почему эта первая часть Литургии продолжает называться «Литургией оглашенных». Отметим,

что на Афоне греческие монахи продолжают молиться об оглашенных за Литургией в течение всего года.

Другой момент, на котором следует остановиться, на этот раз в Литургии верных, — это Херувимская песнь. Здесь сразу бросается в глаза различие в поведении: когда начинают петь эту песнь, греки имеют обыкновение садиться, тогда как русские любят становиться на колени. Затем, когда начинается великий вход со Святыми Дарами, греки встают и продолжают стоять, склонив голову и верхнюю часть тела, тогда как русские поднимаются с колен и стоят вольно (хотя и не все; некоторые, наоборот, кладут земной поклон. Это те, кто думает, что Святые Дары уже освящены — ересь, осужденная в Москве в XVII в.). Можно сказать, что для греков важен самый вход и поминовения, для русских же — Херувимская песнь.

Ничто в этой практике, конечно, не предписано русской Церковью; наоборот, многое сделано, особенно за последнее время, чтобы объяснить верующим, что во время Херувимской стоять на коленях не полагается, в частности, в воскресенье, так как дары еще не освящены. Однако все эти усилия остаются почти бесплодными, настолько сильна духовная традиция, выражающаяся в этой практике и представляющая опасность сделать из херувимской песни «мистический», «глубокий» центр Божественной Литургии в ущерб евхаристическому Канону и предложению Святых Даров. Что же до греков, то их практика может быть объяснена исторически тем, что Херувимская была введена в Литургию поздно, в VI веке, в Константинополе, и что первоначальная цель ее была в том, чтобы заполнить пустоту, образовавшуюся во время поминовения живых и мертвых у жертвенника перед великим входом. (Кстати, внесение Херувимской песни подверглось критике современников, которые видели в ней странное новшество).

Поэтому, ввиду того, что Херувимская, по происхождению своему, лишь «заполнение», понятно, что греки слушают ее, сидя на стасидиях или стульях, как они обычно делают в подобных случаях.

Нечто подобное можно сказать и об одной из первых фраз ехаристического Канона. Она по-разному читается, в наше время во всяком случае, и греков, и у русских: Ἐλαῖον εἰρήνης, θυσίαν αἰνέσεως, что означает «Елей мира, жертву хваления» (по-гречески) и «Милость мира, жертву хваления» (по-русски). Ясно, что в основе лежит путаница, которую можно назвать орфографической, происшедшая в греческих рукописях между двумя словами, которые в византийском греческом языке, хотя и пишутся по-разному, произносятся одинаково (хотя и с различными окончаниями ἔλαιον — елей и ἔλεος — милость). Подобные смешения, которые на Западе именуются «итакизмами», очень распространенное явление. Почти несомненно также, что форма ἔλαιον (елей) является первичной, оригинальной, тогда как ἔλεος (милость) есть ошибка, или, скорее, заведомое нововведение переписчика, пожелавшего здесь «углубить» текст. Мы видим здесь классический пример эволюции библейского буквального текста в текст символический и спиритуализированный. Эволюция в обратном смысле, от сложного к простому, неправдоподобна. Русские писцы и литургисты предпочли форму спиритуализированную (милость, а не елей) и приняли ее в славянской Литургии. Однако ошибочно думать, что именно им (или вообще славянским переводчикам) принадлежит «честь» этого «углубления». Оно произошло уже у греков, и доказательство тому то, что уже Николай Кавасила в своем «Толковании Литургии» (XIV век) хорошо его знает: хотя он и не цитирует буквально это место, но парафразирует его и из его парафразы явствует, что он читает именно «милость», а не «елей».

Это еще подтверждается последующим развитием мысли:

«Ибо мы предлагаем, — говорит Кавасила, — милость Тому, Кто сказал: милости хочу, а не жертвы... Но предлагаем мы также и жертву хваления» (П. Г. 150, 396 АБ).

Важно однако, что у греков этот «спиритуализированный» вариант не удержался; они остались верны библейскому тексту, тогда как у русских версия «милость мира...» стала для многих верующих одной из вершин Литургии, великие композиторы написали для нее мелодии и это еще увеличило ее популярность у тех людей, которые ходят в церковь, чтобы слушать красивое пение.

Другой пример развития краткого текста, но на этот раз чисто богословского, мотивированного также и необходимостью дать священнослужителю время прочесть первую тайную молитву анафоры. Краткий возглас (у греков псаломщика) «Достойно и праведно» (в ответ на слова священнослужителя «благодарим Господа») заменен в русской Литургии длинной фразой, которую поет хор: «Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице единосущней и нераздельней». (Как и в случае с «милостью мира» русские здесь восприняли лишь вариант, уже существовавший в греческих рукописях, но не удержавшийся в литургической традиции). Недостаток этого богословского распространения заключается в его непоследовательности, так как ответ хора уже не соответствует точно словам священнослужителя («Благодарим Господа» — «Достойно и праведно») и заменяется учением о поклонении Святой Троице.

Но, с другой стороны, ввиду того, что при краткой реплике псаломщика у священнослужителя не остается времени на чтение первой евхаристической молитвы, у современных греков появился крайне безобразный обычай: при сослужении второй священнослужитель прерывает первого (даже если он епископ),

которому физически невозможно закончить тайную молитву во время ответа псаломщика, и громко делает возглас:

«Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще...» (всё это, чтобы избежать паузы, которую православные не любят). К счастью, верующие, находящиеся вне алтаря, ничего этого не замечают, так как евхаристические молитвы читаются тихо.

То же можно сказать и вообще о всех евхаристических молитвах, но мы на этом остановимся лишь вкратце. Дело идет о вещах хорошо известных.

Особенность евхаристического Канона Литургии святого Иоанна Златоуста заключается у русских в том, что в текст эпиклезы вставляется тропарь Духу Святому, взятый из шестого часа, т. е. сравнительно древний, и дополняется стихами из 50-го псалма. Снова следует сказать, что авторами этой интерполяции были не русские, так как она встречается уже в некоторых греческих богослужебных рукописях XI-го века; но получила она всеобщее распространение у русских и заняла в сознании многих священнослужителей место самой эпиклезы. (Многие священники, говоря об эпиклезе, имеют в виду именно эту интерполяцию. Значение ее, к тому же, подчеркивается драматизмом, с которым слова эти часто произносятся: с воздетыми руками, тогда как диакон, говоря стихи 50-го псалма, становится на одно колено). Всему этому нет никакого соответствия в греческой Литургии. Несомненно, что эта интерполяция (которую можно назвать «эпиклезой в эпиклезе») придает священнической духовности, которую она выражает, некоторый оттенок индивидуализма и пиэтизма, и прерывает последование евхаристического Канона. Однако в Литургии святого Иоанна Златоуста это делается не грубо, и интерполяция помещена между двумя фразами, а не в середине одной. Совсем иначе и более серьезно обстоит

дело в Русской Церкви с Литургией святого Василия Великого. Здесь уже не одна, а две различных интерполяции: во-первых, та же, что и в Златоустовской Литургии (тропарь Духу Святому), но с той большой разницей, что она здесь прерывает первую фразу Канона посередине, после глагола в неопределенном наклонении (аориста ἀναδείξαι — показать). Так, что после этой длинной интерполяции священнослужителю почти что приходится вернуться назад, если он не хочет потерять нить мысли. Искусственность этой интерполяции здесь гораздо яснее, чем в Литургии святого Иоанна Златоуста, откуда, она, кстати, и взята (она не имеет подтверждения ни в одной греческой рукописи Литургии святого Василия Великого).

Но еще более важна вторая интерполяция (μεταβαλὼν τὸ Πνεῦματι σου τῷ Ἁγίῳ — «преложив Духом Твоим Святым»), введенная в славянский текст Литургии Василия Великого под влиянием текста Иоанна Златоуста.

Самое меньшее, что можно здесь сказать, это следующее:

1) Эта интерполяция является недопустимой грамматической ошибкой, так как причастие μεταβαλὼν не может по-гречески следовать за неопределенным наклонением ἀναδείξαι. В Литургии святого Иоанна Златоуста оно следует за повелительным наклонением — ποιήσον (сотвори). Следовало бы употребить другое неопределенное наклонение μέταβαλεῖν — «и преложити»; но интерполятор предпочел рабски следовать взятому им тексту.

2) Интерполяция эта излишня, так как анафора святого Василия Великого уже выразила прелагающее действие Духа Святого (призывая Его), тогда как в Златоустовской Литургии прошение было лишь о схождении Его на Дары, потому и добавляется «преложив».

3) Она создает литургическую чудовищность четырех благословений евхаристических Даров. Чтобы избежать этого, вопре-

ки всей традиции, упраздняется третье благословение (сопровожаемое словами «излиянную за мирский живот»).

Все эти искажения в русском совершении Литургии святого Василия Великого справедливо вызвали критику русских богословов.

Так, известный историк Церкви Болотов писал даже, что одной из первоочередных задач будущего русского Собора будет изъятие из Литургии Василия Великого всех этих интерполяций, и, прежде всего, слов «преложив Духом Твоим Святым». С тех пор было несколько Соборов, но, к сожалению, ничего не было сделано. Причина нам кажется ясной: боязнь старообрядцев, которые не преминули бы обвинить «никонианскую» Церковь в «нововведениях».

Можно добавить и еще одну причину этой боязни в русской Церкви богослужебных изменений, даже вполне оправданных — это рефлекс консерватизма верующего народа; после неудачных богослужебных реформ, которые обновленцы пытались навязать русскому Православию после революции, малейшее богослужебное изменение вызывает подозрение в возврате к обновленчеству. Можно сказать, что обновленцы своими революционными изменениями богослужения на многие десятилетия сильно затруднили всякое улучшение в совершении богослужений в русской Церкви. Дореволюционное богослужение стало для народа неприкосновенным идеалом.

И тем не менее в богослужебную жизнь русского верующего народа, само собою, под воздействием Духа Святого (в чем я не сомневаюсь) вошли два важные новшества: несравненно более частое приобщение Святых Тайн, нежели до революции, когда причащались нормально раз в году, и всенародное пение (а не одним хором, как это было раньше) большей части Литургии и других богослужений, в частности, Символа Веры и Отче наш.

Что же касается греков, то у них Символ Веры и Отче наш читаются по-разному (но никогда не поются): способом традиционным и несомненно самым древним, когда они читаются не служащим епископом или священником, или же мирянином, из наиболее старых и почитаемых. Эта прекрасная практика в наше время часто заменяется другой, особенно у греков, живущих на Западе: молитвы эти читаются не самым старым из присутствующих, а наоборот, мальчиком или девочкой или же читаются (но не поются) всеми присутствующими вместе. Обычай этот воспринят от Запада и характерен для экуменических собраний, но он чужд православному богослужению.

В причащении верующих можно отметить две особенности у греков и у русских.

1) Когда диакон выходит с Чашей из Царских Врат и говорит: «Со страхом Божиим и верою приступите», то у современных греков он добавляет: «и любовью». Это прекрасное добавление, но оно не представляет собою древнюю богослужебную традицию, которая, верно соответствуя сакраментальной духовной жизни златоустовской Литургии, подчеркивает чувство страха перед «великим Таинством». С большой вероятностью можно сказать, что слова «и любовью» были введены в XVIII веке на Афоне сторонниками частого причащения, представителями движения «Колливад» с преподобным Никодимом во главе, а затем приняты в Константинополе типиконом 1838 г. Но они никогда не проникали в Россию.

2) С другой стороны, практика русской Церкви, предписывающая мирянам прикадываться ко Святой Чаше после причащения, не была принята греческим народным благочестием: оно видит в этой практике присвоение мирянами того, что принадлежит исключительно священнослужителям: касаться священных сосудов. Упомянем еще одно нововведение, недавно появившее-

еся у греков под влиянием движения «Зои». Священнослужители читают молитвы анафоры и освящают Святые Дары на коленях. Эта богослужебная практика подверглась острой критике многих богословов (среди них — протоиерея Г. Флоровского) за свой антитрадиционный характер. Мы, со своей стороны, ограничимся двумя замечаниями: а) Совершение анафоры на коленях противоречит постановлениям Первого Вселенского Собора, категорически запрещающего коленопреклонения в воскресенье, а также между Пасхой и Пятидесятницей и в другие большие праздники; б) Совершать анафору на коленях физически трудно и неудобно. Если престол высок, то трудно совершать знамение благословения над Святыми Дарами, и есть опасность опрокинуть Чашу. Если же он низок, то неудобно совершать стоя другие части Литургии. Но то, что неудобно и затруднительно, противоречит подлинному духу богослужения, в котором всё — в гармонии. И вообще желание превзойти в благочестии Отцов претенциозно. Они не считали ни нужным, ни богоприятным совершать Евхаристию на коленях.

С богословской, вероучебной точки зрения, однако, наиболее серьёзное расхождение, выраженное в богослужебных особенностях греков и русских, наблюдается не в самой Евхаристии, а в подготовительной к ней части, в проскомидии. Я опускаю вопрос количества употребляемых просфор: будь то одна, пять или даже семь, как у старообрядцев, это не является существенным вопросом. Более важно то, что греки, среди девяти чинов святых, воспоминаемых при вынимании частиц из просфор, на первое место, перед святым Иоанном Предтечей, ставят Архангелов Михаила и Гавриила, а также все Пренебесные бесплотные Силы, т. е. Ангелов.

Русские же совершенно не поминают Ангелов на проскомидии и начинают сразу со святого Иоанна Предтечи. За этими

двумя особенностями богослужебной практики стоит серьёзный богословский вопрос: относится ли искупление, спасение Кровью Христовой, Крестной Его Жертвой, только к человеческому роду или же оно включает и Ангелов и имеет космическое значение? Предназначено ли Таинство Тела и Крови Христовых, святая Евхаристия, также и Ангелам, не имеющим тела? Наконец, распространилось ли грехопадение человека также и на Ангелов, так что они имеют нужду в искуплении? Таковы вопросы, которые ставит евхаристическое поминовение Ангельских Сил.

Некоторые русские богословы охарактеризовали эту практику как еретическую, но официально вопрос этот не обсуждался ни в одной из Православных Церквей. Исторически список и порядок святых, поминаемых на Литургии, установился лишь понемногу; среди греческих рукописей византийской эпохи одни включают имена Ангелов, другие не включают. Однако, в противоположность вышеизложенным случаям, именно греки приняли расширенную версию, содержащую имена Ангелов, тогда как русские исключили их из литургической практики, может быть, по вероучным причинам. Не имея намерения разрешить здесь этот вопрос с богословской точки зрения, я хотел бы всё же сказать, что русская практика выражает более антропоцентрическое понимание спасения, тогда как греческая более подчеркивает его космический аспект. В этом смысле здесь можно провести параллель с различием, существующим между греческим и славянским текстом возгласа священнослужителя на утрени перед «Хвалитями»: «Яко Тя хвалят вся Силы Небесныя и Тебе славу воссылают» — у греков, тогда как у русских говорится: «...и Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков». Как видите, славянский текст более антропоцентричен: не «Силы Небесныя», а «мы» воссылаем славу Святой Троице.

* * *

Можно было бы еще долго говорить о богослужебных особенностях в других чинопоследованиях (вечерня, утренняя, Часы и т. д.) у греков и русских; но чтобы не слишком затягивать наше изложение, скажем лишь, что, в приходской практике во всяком случае, главное различие состоит в том, что греки совершают вечерню вечером, накануне воскресных и праздничных дней, а на следующий день начинают богослужение утреней, переходя к Литургии непосредственно после Великого Славословия и опускавая часы. Русские же совершают вечером то, что они называют «всенощным бдением», т. е. вечерню и утреню вместе, что далеко не длится всю ночь. На следующий день перед Литургией читаются Часы.

Надо сказать, что и та и другая богослужебная практика имеет свои преимущества и свои недостатки. Греческая более естественна и ближе к типикону, поскольку вечерние богослужения совершаются вечером, а утренние — утром, а не наоборот, как у русских. Но, с другой стороны, поскольку вечерня по природе очень коротка, в церквах греческого языка почти никто на нее не ходит в силу православной психологии: не стоит идти в церковь на короткое богослужение; чем длиннее служба, тем больше причин на нее идти. Русская всенощная стала богослужением очень посещаемым, даже в ущерб Литургии, что достойно сожаления. Причина этому — сентиментальная: люди любят молиться в полутьме при мерцании лампад и свечей.

Литургия же утомляет их своей духовной интенсивностью. Следует, однако, сказать, что за последние десятилетия это настроение уступило обратной крайности у русских, проживающих на Западе: под влиянием инославной среды, в которой они живут, и той ложной духовности, которая сводит всё благочестие к одной Евхаристии, они очень редко приходят ко всенощной,

лишая этим себя духовного и богословского богатства, содержащегося в ее песнопениях.

Можно также пожалеть, что в настоящее время, в частности, у греков (исключая Афонские монастыри), так мало читается Псалтирь. Так, чтение и пение 1-го псалма «Блажен муж...», составляющего один из торжественных моментов всенощной у русских, совершенно выпал из греческой вечерни, несмотря на все предписания древних типиконов. То же можно сказать и об упразднении чтения Часов в греческих приходах, кроме Великого поста.

Великий пост, конечно, занимает одно и то же центральное место в литургическом году в духовной жизни как у греков, так и у русских.

Однако, те моменты, в которых выражается народное благочестие, духовные ударения, если можно так выразиться, иногда очень различно расставлены у двух православных народов. Если взять шесть первых недель поста (о Страстной Седмице мы будем говорить позже), то можно сказать, что у русских одним из наиболее характерных и ярких выражений духовной жизни является молитва «Господи и Владыко живота моего...». Всякий русский, даже редко бывающий в церкви, хорошо знает эту молитву, она отмечает для него начало и конец постного времени, она — то, что выделяет богослужения Великого поста из всех других моментов богослужебного года. О большой ее популярности и глубоком влиянии на духовную жизнь свидетельствует стихотворение Пушкина «Отцы пустынноики и жены непорочны...». Это была любимая молитва поэта, он глубоко умилился, слушая, как священник читает ее в церкви.

А ведь Пушкин не был особенно религиозным человеком. Поэтому русский верующий будет чрезвычайно удивлен (и даже не поверит), узнав, что молитва эта фактически неизвест-

на огромному большинству греческого церковного народа, что в греческих церквях во время Великого поста ее не слышно.

Во избежание возможного недоразумения я должен объясниться. Конечно, молитва эта существует в греческих богослужебных книгах, как и в русских; ее не пропускают, она хорошо известна духовенству и литургистам, но ввиду того, что она, согласно предписаний древних типиконов, читается священником тихо, «тайно», народ совершенно ее забыл, сохранив лишь сопровождающие ее земные поклоны, характерные для Великого Поста.

Греческая практика читать молитву «Господи и Владыко...» «тайно», несомненно, более древняя.

Все типиконы, включая и русские, это предписывают (см., напр., в русском, существующем в настоящее время типиконе, указание о начале поста: «Внутренне творим» или в других местах: «в уме» или «тайно», молитву Ефрема Сирина «Господи и Владыко»). Русская практика читать эту молитву громко является нововведением, восходящим к XV-му или XVI-му веку; однако она сохранила в религиозном сознании народа одну из наиболее прекрасных православных молитв, которая без этого могла быть забыта, ибо если «тайное», или «умное», чтение некоторых молитв может быть духовно полезным в монастырях, где монахи хорошо знают богослужение, то в приходах, особенно больших, оно может повести к забвению и, тем самым, к духовному обеднению.

Нечто подобное можно сказать и о великом Каноне святого Андрея Критского. Очень популярный у русских и представляющий для них один из моментов, на которых сосредоточено покаянное настроение в Великом посту, он проходит почти незамеченным у греков.

У последних наиболее популярен, любим и посещаем из всех

великопостных служб (исключая Страстную Седмицу) Акафист Пресвятой Богородице. Греки не довольствуются совершением его на утрени субботы пятой недели поста, как это предписывается всеми древними типиконами, но совершают его еще, разделив на четыре части, по пятницам четырех первых недель Великого поста на повечерии. Здесь можно было бы усмотреть более интенсивное почитание Богоматери в великопостной практике, если бы этому не противоречили другие факты (о которых мы будем говорить в дальнейшем).

Парадоксальным образом молитвы об оглашенных стали для греков характерной чертой Великого поста, так как, кроме как на Литургии Преждеосвященных Даров, они не слышат их в другое время года.

Литургия Преждеосвященных Даров имеет, разумеется, одно и то же значение в переживании Великого поста и для греков, и для русских; народ любит это богослужение и много на нем бывает, особенно если оно совершается вечером, как полагается, хотя это «смелое новшество» и встречает еще сильное сопротивление, и не очень распространено, кроме как у православных на Западе. Но если во «внешнем» совершении Литургии Преждеосвященных Даров нет особенностей, которые могли бы повлиять на духовное восприятие народа, то между русскими и греками есть серьезные богословские различия, правда, официально не формулированные, но подразумеваемые в действиях и словах священнослужителей за иконостасом.

Здесь (к большому удивлению многих мирян и даже ничего не подозревающих о том священников) встает вопрос: предлагается ли на Литургии Преждеосвященных Даров (как в Литургиях Иоанна Златоуста и Василия Великого) вино в Чаше в Честную Кровь Господа, или же оно остается тем, чем было, хотя и благословенным и освященным?

Русская Литургия, со времен Петра Могилы во всяком случае, отвечает в отрицательном смысле: вино не предлагается. Это явствует из того, что священнослужитель, причастившись Тела Христова, освященного раньше и погруженного в Честную Кровь, также предварительно освященную на Литургии Златоуста или Василия Великого, пьет из Чаши, не произнося слов, которые говорятся при причащении на «полных» Литургиях. Кроме того, если он служит без диакона и должен сам потреблять Святые Дары, он не пьет из Чаши.

Диакон же, потребляя Святые Дары в конце Литургии, вообще не пьет из Чаши, даже при причащении. Пить из Чаши считается здесь препятствием к потреблению Святых Даров, как это объясняется в «Заметке относительно некоторых исправлений в совершении Литургии Преждеосвященных Даров», входящей ко времени Петра Могилы: «Если священник служит один... он не пьет из чаши до конца Литургии... Ибо, если вино освящено вложением частицы (святого Тела), то оно не пресуществлено в Божественную Кровь, потому что освящающие слова не были произнесены над ним, как это бывает в Литургиях святого Иоанна Златоуста и Василия Великого».

Та же точка зрения выражается и в практике русской Церкви не допускать младенцев к причащению за Преждеосвященной Литургией, потому что, по возрасту своему, они физически не могут проглотить частицу Тела Христова, вино же считается не предложенным в Святую Кровь. Греческая же практика, как она сформулирована в богослужебных книгах, хотя и не вполне ясно, предполагает как будто совсем иные богословские верования.

О Литургии Преждеосвященных Даров здесь сказано кратко: «Священник причащается... Божественных Даров как в Литургии святого Иоанна Златоуста». Значит, пия из Чаши, он говорит: «Преподается мне... и Честная и Святая Кровь Господа

и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа...». Таким образом то, что находится в Чаше, почитается Кровью Христовой. Это подтверждается и практикой пить из Чаши трижды, как в Литургиях Златоуста и Василия Великого, что не имело бы большого смысла, если бы дело шло о вине, а не о Честной Крови. После всего этого священнослужитель потребляет Святыне Дары так же, как в обычных Литургиях.

Что же касается богословских объяснений, то их мы находим у византийских литургистов начиная с XI века: при вложении частицы Тела Христова в Чашу вино предлагается в Честную Кровь Господа через соприкосновение с Его Телом.

Я не хотел бы высказываться по поводу этого серьезного богословского вопроса; произносить решение в этом различии (если оно действительно существует, так как нельзя на основании особенностей практики делать несомненные выводы относительно различий в вере) превышает мою компетенцию, поскольку ни в Византии, ни в России Церковь никогда не принимала на этот счёт соборных решений. Замечу только, что объяснение преложения вина в Кровь Христову через соприкосновение с частицей Тела представляется мне странным и не известным древним отцам. Что же касается «Заметки» Петра Могилы, она явно неприемлема по своей схоластической терминологии («пресуществление») и своему неправославному богословию, в котором при освящении евхаристических Даров эпиклеза заменяется установительными словами.

Издатели богослужебных книг в России это хорошо поняли: они хотя и включают в текст «Заметку» Петра Могилы, но наиболее шокирующая ее часть, которую мы частично цитировали, берется в скобки. Однако теория преложения через соприкосновение содержит подобную же погрешность: она не оставляет места эпиклезе. Что же до русской практики, она представляется

более правильной, но противоречивой в том, что предписывает священнослужителю пить из чаши трижды (что не имеет особого смысла, если это не Кровь Христова), а вместе с тем и чрезмерной в том, что запрещает ему пить в случае, если он служит один.

* * *

Страстная Седмица, бесспорно, являющаяся, вместе с Пасхой, вершиной всего богослужбного года, также имеет и у русских, и у греков свои наиболее впечатляющие моменты в народном благочестии, и моменты эти не всегда одни и те же.

У греков народ особенно любит два богослужения, которые привлекают в Страстную Неделю неисчислимые толпы народа: это стихира Кассии («Господи, яже во грехи многие впадшая жена...»), с одной стороны, и крестный ход с плащаницей вечером в Страстную Пятницу, с другой. Можно сказать, что для рядового грека эти два богослужбных события составляют наиболее важные моменты всей Страстной Седмицы. Особенной любовью пользуется стихира жены-грешницы, многие из мирян знают наизусть её слова и любят её петь. О ней пишут газеты в описаниях богослужений Страстной Недели.

Примерно то же можно сказать и о крестном ходе с плащаницей. Ее не только обносят вокруг храма, но крестный ход идет целые версты в сопровождении тысяч верующих с зажженными свечами, поющих погребальные песнопения.

У русских это бывает несколько иначе, не столько в смысле самих чинопоследований и песнопений, которые почти тождественны, сколько в отношении их места в народном благочестии. Так, стихира Кассии, которая у греков занимает столь центральное место, у русских, конечно, тоже поется, но не привлекает особого внимания верующих, многие из которых ее даже не знают. Она просто одно из песнопений Страстной Недели, которые все

прекрасны. Зато у русских приобретает особо большое значение всенощная Страстной Пятницы (фактически вечер Страстного Четверга), так называемые «Двенадцать Евангелий»; это в русском благочестии одно из наиболее любимых и наиболее посещаемых богослужений Страстной Недели. Однако, странным образом, в этом богослужении «двенадцати Евангелий», которое у греков тоже имеет большое значение, хотя и меньшее, чем у русских, момент, на котором сосредоточено благочестивое внимание верующих греков, — это вынос креста с пением «Днесь висит на древе...». У русских же выноса креста нет (он представляется поздним нововведением), и текст «Днесь висит на древе» поется без особого выделения его в ходе службы. Для огромного большинства русских верующих излюбленным моментом является пение эксапостилария «Разбойника благоразумного...», при котором оперные солисты не упускают случая показать свои голоса. Здесь один из примеров того, как музыкальное исполнение может повлиять на значение богослужебного момента в народном благочестии.

Что же до Страстной Пятницы, то главным богослужением этого дня является для русских не погребение Христово (вечером), как у греков, хотя оно и очень умирительно и на него сходится множество народа (однако длинных крестных ходов не делается, а плащаница лишь обносится вокруг храма), а вынос плащаницы на вечерне в послеобеденное время. На него приходит наибольшее количество верующих, и оно налагает наиболее сильный отпечаток на духовную жизнь Страстной Седмицы.

Литургия Василия Великого в Страстную Субботу с чтением пятнадцати паремий (у греков, кроме Афона, сведенных к трем всё тем же типиконом 1838 г.) посещается сравнительно меньше, несмотря на всё свое богословское богатство и глубину. Русские внесли в нее богослужебное нововведение, которое можно

назвать гениальным, лучшим из тех, которые они вообще ввели в богослужебной области, и придающим Литургии Страстной Субботы незабываемую драматическую напряженность: в ходе Литургии, между чтением Апостола и Евангелия (которые оба уже посвящены воскресению) тёмные облачения меняются на белые, в то время как хор поёт «Воскресни, Боже, суди земли, яко Ты наследииши во всех языцех». Нет никакого сомнения в том, что это не древний обычай. Перемена облачений во время Литургии Страстной Субботы неизвестна у греков, сохранивших первоначальный порядок, по которому духовенство облачается в белое с самого начала Литургии. Причина этому проста: в древние времена Великая Суббота была днем массовых крещений.

Они совершались в течении чтения паремий, и обычай требовал, чтобы священнослужитель был в белом облачении, совершая это таинство. Славянские рукописи XIV века свидетельствуют, что в то время русские придерживались еще старого обычая (надевали белые облачения с самого начала Литургии Страстной Субботы). По-видимому в XV-м или XVI-м веке им пришла счастливая мысль отметить переменой облачений чтения о воскресении. Всем известен этот драматический момент Страстной Субботы, столь впечатляющий, хотя и сопровождающийся обычно большим беспорядком. Русские богословы углубили его значение и видят в нем символ сошествия Христа во ад, прообраз воскресения, или намек на космическое воскресение.

Как бы то ни было, но чин перемены облачений настолько вкоренился в русскую богослужебную жизнь, что русский верующий был бы очень удивлен и даже шокирован, узнав, что обычай этот совсем не древний и не существует в греческих церквах.

Обязательно и важно говорить еще и о богослужебных особенностях у русских и греков в праздник Пасхи. Из них наиболее бросается в глаза верующего народа то, что русские читают Еван-

гелие на нескольких языках на Литургии в пасхальную ночь (начало Евангелия от Иоанна), тогда как греки делают это на вечерне в день Пасхи (явление Христа апостолам в отсутствие Фомы). Однако, чтобы не слишком затягивать свое изложение, я перейду к рассмотрению моей темы с другой точки зрения: места почитания Богоматери в изложенных особенностях. Здесь надо, прежде всего, отметить новшество, недавно введенное Братством Зои под явно протестантским влиянием, довольно распространенное в приходах крупных греческих городов, но не принятое на Афоне: традиционное православное обращение — «Пресвятая Богородице, спаси нас», заменено другим, где почитание Богоматери умалено: «Пресвятая Богородице, молися о нас». Эта последняя форма, «молися о нас», конечно не еретическая; она встречается во многих молитвах к Божией Матери. Но когда ею заменяется «спаси нас», то это уже приобретает антибогородичный оттенок. Сходная тенденция, но более ранняя, может быть усмотрена в распоряжениях типикона 1838 г., изменяющих древние церковные правила, согласно которым праздник Благовещения, ввиду своего значения в деле нашего спасения, началом («главизной») и содержанием которого он является, никогда не может быть перенесен на другую дату, даже если он совпадает со Страстной Пятницей, Субботой или самой Пасхой. Типикон 1838 г., под предлогом, что такое совпадение создает богослужбные осложнения, превосходящие способности сельских священников, предписывает в таких случаях переносить праздник Благовещения на второй день Пасхальной Седмицы.

Это нововведение, принятое в Греции, было отвергнуто афонскими монахами, которые усмотрели в этом умаление праздника Благовещения и, следовательно, умаление значения Богоматери в нашем спасении.

Русская Церковь сохранила старый порядок неизменности

даты Благовещения. Следует сказать, что с принятием нового календаря для неподвижных праздников при сохранении старого для Пасхи (что литургически чудовищно), вопрос этот для греков потерял свое значение, так как у них Благовещение уже не может совпадать со Страстной Седмицей и Пасхой. Однако, этим тенденциям типикона 1838 г. (если они действительно существуют) можно противопоставить то, что сам праздник Благовещения празднуется у греков более торжественно, чем у русских. Когда он падает на Великий Пост (кроме трех последних дней Страстной Недели) вся великопостная служба с земными поклонами отменяется из-за богослужения Благовещения, тогда как русские всё же кладут земные поклоны и читают покаянную молитву «Господи и Владыко...» даже в день этого великого праздника (что также литургически чудовищно). К тому же, как мы уже отмечали, чин Акафиста Пресвятой Богородице в Посту у греков имеет гораздо большее значение, чем у русских.

Замечу еще несколько различий между русскими и греками в литургических особенностях, в богослужебных и паралитургических действиях и в отношении к ним верующего народа. Так, перед великим входом греческий архиерей кланяется в Царских Вратах народу и просит у него прощения, а затем благословляет. Этот обычай духовно необычайно прекрасен, но у русских он не сохранился. Их епископы не просят прощения у народа перед великим входом и не благословляют его. Считается, что просить прощения в этот момент — дело священников.

Но, с другой стороны, греческие епископы никогда не преподают благословения народу вне богослужения и ограничиваются протягиванием руки, чтобы ее целовали, благословение же считается актом литургическим, неуместным вне храма.

Для русского же православного и благочестивого народа получить архиерейское благословение по окончании Литургии

почти так же важно, как само богослужение. Это можно заметить в современной нам России, где огромные толпы народа собираются при выходе из храмов и просят у епископа благословения. Это может быть объясняется тем, что у греков епископ сам раздает антидор и тогда ему целуют руку, что заменяет благословение, тогда как русские берут антидор сами.

Наконец серьезнейшее различие в литургическом сознании между греками и русскими выражается в том, что греки (я говорю, конечно, о греках благочестивых) всегда идут к Божественной Литургии натошак, независимо от того, будут ли они причащаться или нет, тогда как русские считают, что это нужно только при причащении; иначе же можно и позавтракать перед тем, как идти к Литургии, чтобы иметь больше сил. Это не мешает им брать антидор, что считается неблагочестивым афонскими монахами.

Я хотел бы теперь сделать некоторые выводы из рассмотренного. Должен сказать, что это нелегко. Богослужбные особенности, которые мы рассмотрели, сложны и часто противоречивы. Иногда дело идет о простых обычаях, безо всякого определенного значения, выражающих не более чем черты национального характера (как «почитание епископа» в русском народе).

Другие факты выражают тенденции духовного характера (как, например, важное место, занимаемое у русских великим Каноном Андрея Критского) и даже богословские (известный антропоцентризм у русских в противоположность, скорее, космическому мировоззрению греков, «иератизм» последних). Но дело всегда идет лишь о неопределенных тенденциях, а не о различных богословских учениях, и тем более не о противоречиях. Единственное важное богословское несогласие можно было бы вывести из литургической практики поминовения Ангелов на проскомидии и, следовательно, их причастности к искуплению, а также из вопроса о предложении вина в Кровь Господню на Ли-

тургии Преждеосвященных Даров. Эти вопросы требуют выяснения.

Но не следует делать поспешные выводы из некоторых особенностей.

Нужно также учитывать различие между сравнительно недавними плодами литургического творчества, свойственными русским и грекам, отмеченными большой красотой и богословской глубиной (длинные крестные ходы с Плащаницей у греков; громкое чтение молитвы «Господи и Владыко» и перемена облачений на Литургии Великой Субботы, всенародное пение Символа Веры и Отче наш у русских), с одной стороны, и бессмысленными интерполяциями в анафоре Василия Великого у русских, с другой. Здесь дело идет уже не о творчестве, а об искажении, которое следовало бы как можно скорее исправить. (Отметим однако, что хотя эта интерполяция и излишня в Литургии Василия Великого, она сама по себе не является ни ложной, ни еретической).

Можно сказать, что эти богослужебные особенности, будь то древние или недавнего происхождения, удачные или неудачные, притом незначительные при сравнении с великим единством православного богослужения в целом, являют большое богословское и духовное богатство в его местных выражениях; в подчас несколько несходных формах они свидетельствуют о единстве веры Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви.

Однако Церковь, не желая навязывать богослужебное единообразие, которое и невозможно и нежелательно, должна всё же рассматривать, выражают ли все эти местные особенности ее соборное сознание.

Примечание:

Этот доклад прочитан 2 июля 1975 г. на Литургическом Съезде в парижском Богословском Институте прп. Сергия.

Богословский диалог между Православной Церковью и англиканским вероисповеданием и его проблемы

Начатый Третьим Всеправославным Совещанием на острове Родос (1964 г.) богословский диалог между Православной Церковью и англиканским вероисповеданием не является первой попыткой взаимного обсуждения богословских вопросов, разделяющих Православие и англиканство.

Наоборот, этот диалог является продолжением многочисленных переговоров на разных уровнях между православными и англиканцами, начиная с XVII века до наших дней. Тем не менее, существенно новой чертой предстоящего диалога является то, что впервые на нём православная сторона будет представлена лицами, назначенными и уполномоченными всей Православной Церковью. Это происходит в силу решения Всеправославного Родосского Совещания и последующего назначения Поместными Церквами членов Всеправославной Комиссии, а не отдельными автокефальными Церквами, как это было до сих пор.

Англиканство также будет представлено богословами, которые должны будут говорить от лица всего англиканского вероисповедания в целом, а не от лица той или иной англиканской поместной церкви или того или иного течения в англиканстве.

Здесь, однако, сразу же возникает серьёзное затруднение из-за отсутствия в англиканстве единого богословского вероучения и, что ещё важнее, авторитетного органа, способного формули-

ровать англиканское вероучение, одобрять, отвергать или принимать богословские постановления от лица всей англиканской церкви*.

Нужно также заметить, что до сих пор православные не только не вели богословских переговоров с англиканством в его целом, в смысле географическом (всеми англиканскими церквами), но и в самом англиканстве имели дело преимущественно с направлениями, считавшимися наиболее близкими к Православию, — а именно с англо-кафолическими кругами.

Предполагалось, что с ними будет легче сговориться и найти общий язык. Вместе с тем существовало убеждение, что англиканская церковь будет всё более преодолевать свои протестантские тенденции и всё больше приближаться к кафолическому единству, а потому переговоры с англо-кафоликами оправданы, и у этих переговоров будет будущее.

Дальнейшее историческое развитие событий показало, однако, что такое предположение было необоснованно.

Действительно, с англо-кафоликами не так трудно было достигнуть соглашения, по крайней мере, по определённым вопросам, как, например, об Евхаристии на Боннской старокатолической конференции 1874 г. или о священстве в Румынии в 1935 г. Но все эти соглашения не бывали долговечными, ибо они оспаривались и отвергались большинством англиканских богословов и епископов, как это произошло после Боннской конференции, или же официально не подтверждались англиканской церковью в целом, как это случилось после англикано-

* В этой статье мы употребляем здесь и в дальнейшем слово «церковь» по отношению к англиканскому вероисповеданию не в полном богословском смысле этого выражения, а условно, в духе Торонтской декларации 1950 г.

румьинских переговоров в 1935 г. А между тем, такое подтверждение было непременным условием вступления в силу признания Румынской Церковью действительности англиканских рукоположений.

В результате, такие переговоры с одними англо-кафологическими кругами мало содействовали подлинному сближению между Православием и англиканством, отчего порождали взаимные недоразумения и разочарования.

С другой стороны, внутреннее развитие англиканства неожиданно пошло по другой линии, чем это ожидалось православными.

Англо-кафолическое направление, возникшее в середине XIX столетия (так называемое Оксфордское движение) и непрестанно с тех пор набравшее силу, достигло своего максимума в двадцатых и начале тридцатых годов XX века. Достигнув своего пика, оно стало терять влияние в англиканстве. Особенно заметно этот процесс обозначился после Второй мировой войны. Внутреннее положение англиканства на сегодня может быть охарактеризовано следующим образом. Эта характеристика не совсем совпадает с традиционной схемой деления англиканства на Высокую, Широкую и Низкую церковь:

1. Англо-кафолическое направление, ослабевшее за последнее время, но всё же сохраняющее известную силу, подразделяется в свою очередь на проримские, латинствующие круги, готовые признать все римские догматы вплоть до папской непогрешимости включительно, и на сочувствующее Православию направление (но не признающее недействительность англиканских рукоположений!). Нужно сказать, что значительное большинство англо-кафоликов принадлежит к проримскому направлению.

2. «Консервативные евангелики», определённо протестующие и часто уклоняющиеся от Православия. Обычно это дина-

мичные люди твёрдой веры, старающиеся сохранить верность христианскому библейскому откровению.

3. Модернисты, отрицающие самые основы христианства как богооткровенной религии. Это очень распространённое среди англикан направление, одним из наиболее ярких представителей которого является англиканский епископ города Вульича доктор И.А.Т. Робинсон, автор нашумевшей книги «Быть честным с Богом»^{*}.

Мировоззрение епископа Вульичинского может быть охарактеризовано как «христианский атеизм». В самом деле, он отрицает бытие личного Бога, Творца мира и Промыслителя, отличного от мира, равно как и существование духовного мира вообще и будущей жизни в частности. Бог для него только «сердцевина бытия», его глубина, не отличная от мира, хотя и личная в каком-то смысле. Молитва для него не есть обращение к живому Богу, но «открытость к глубине бытия», так что он даже ставит вопрос о прекращении обычных богослужений, дабы отучить верующих от «устарелых» представлений о Боге. Наряду с этим фактическим отрицанием Бога у епископа Робинсона чувствуется любовное и даже благоговейное отношение к Личности Иисуса Христа, вследствие чего его «прогрессивные» взгляды можно назвать «христианским атеизмом».

Для епископа Робинсона Иисус есть простой человек. Его рождение от Девы Марии он отрицает. При этом человек Иисус есть высшее и единственное в истории проявление Божественного начала мироздания, его «сердцевины», в этом смысле он единосущен Отцу. Хотя, вот парадокс, для Отца, в подлинном смысле этого слова, в мировоззрении Робинсона места нет. Этот

^{*} John A.C. Robinson, Bishop of Wolwich. «Honest to God», London, 1963.

епископ проявляет себя как типичный англиканец. Свои не ортодоксальные мысли он облакает в формы церковных догматов и старается им открыто не противоречить.

Для него Иисус — единственный Освободитель, не от смерти, однако, ибо будущей жизни нет, а освободитель от страха смерти и вообще от некоей тревоги, которая мучает человека. Воскрешение Христово для Робинсона это не Его телесное восстание из гроба, а какое-то душевное переживание Апостолов, случившееся с ними в третий день по Распятию Христа, которое внутренне их переродило.

Не стоило бы так долго останавливаться на этом путаном, противоречивом «модернистском» прочтении, если бы не то, что эти взгляды высказываются епископом Англиканской церкви.. Надо отдать должное, что эти взгляды вызвали протесты некоторых англиканских епископов во главе с епископом Кентерберрийским Михаилом Рамзей. В равной степени и полемику со стороны некоторых англиканских богословов*, хотя никаких санкций со стороны церковных властей в отношении епископа Робинсона не последовало, и учение его никогда не было осуждено или отвергнуто Англиканской церковью. И таких модернистских «обновленцев» типа Робинсона (и даже более крайних!) в современном англиканстве полно. Можно только опасаться за будущее подобных новшеств. Куда, до каких неведомых пределов дойдёт сей странный модернизм? Ведь субъективному взгляду нет предела в богословии, а потому можно договориться до полного искажения Писания и традиции.

Отмечая это, я отнюдь не хочу оспаривать, что евангельское

* См. блестящую критику идей доктора Робинсона и его единомышленников в книге известного англо-кафолического богослова: E.L. Mascall. *The secularization of Christianity. An analysis and critique.* London, 1965.

благословение и вера христианская в каждую эпоху могут быть выражены в терминах и понятиях своего времени и культуры. Конечно, Церковь должна стремиться нести смысл евангельской проповеди на языке, понятном людям данной эпохи. Да, Церковь должна это делать, но при одном условии: чтобы при этом не искажались само содержание евангельской проповеди и сущность христианской веры, так, как это происходит у Робинсона и его единомышленников.

Модернистское течение в англиканской церкви и бессилие её, нежелание даже бороться с ним, являются главным препятствием к подлинному плодотворному диалогу между англиканством и Православием, а также надежду на возможность будущего объединения. Препятствия к налаживанию диалога кроются и в иных «традиционных» догматических разногласиях между ними самими. Ибо здесь дело уже идёт не о том или ином понимании христианской веры и откровениях, но и о самой вере в Бога «отцов наших» вообще. Это всегда нужно учитывать в наших будущих переговорах с англиканами.

Отсутствие в Англиканской церкви общеобязательных догматических текстов, подобных по авторитетности постановлениям наших Вселенских Соборов, принуждает православных пользоваться в диалоге с англиканами такими текстами, которые являются в англиканском вероисповедании относительно наиболее авторитетными, общепринятыми и общеобязательными.

Таковыми текстами являются прежде всего «Книга Общей Молитвы» (Book of Common Prayer)* и прилагаемые к ней «39 Членов Религии» (Articles of Religion)**.

Между этими двумя источниками нет, однако, полного согласия, и «Члены Религии» имеют более выраженный протестантский характер, чем «Книга Общей Молитвы».

Поэтому некоторые англо-кафолические круги оспаривают

авторитетность «Членов Религии» и придают им только второстепенное значение. Такой взгляд проник и в православную среду, как можно заключить по одному из пунктов программы предполагаемого диалога в докладе комиссии по богословским переговорам с Англиканской церковью Родосского Совещания: «о 39 Членах как тексте второстепенного значения для Англиканской церкви».

С таким пониманием трудно, однако, согласиться. «Члены Религии» печатаются, как мы уже отметили, в той же «Книге Общей Молитвы», они были приняты в 1562 г. обоими англиканскими архиепископами и всем духовенством на Собрании в Лондоне и никогда никем не были с того времени отменены.

Вот что говорит об их обязательности «Декларация Его Величества», печатаемая в «Книге Общей Молитвы»^{***}, где король Англии выступает, как он сам говорит, «будучи по Божию повелению и согласно с нашим законным титулом защитником веры и верховным правителем Церкви в пределах нашей Державы»:

«Члены церкви Англии (т.е. «Члены Религии»), которые были разрешены до сих пор и которые наше духовенство обык-

* Мы здесь и далее, по тексту, цитируем «Книгу Общей Молитвы» (=К.О.М.) по Кэмбриджскому изданию 1958 г.

** Время от времени в Англиканской церкви раздаются голоса о необходимости пересмотреть «Члены Религий». См. об этом статью англиканского клэржмента David L. Edwards «Time for a Move from Confusion to Construction» от 22 июля 1966 г. в Church Times. До сих пор, однако, это не осуществилось и «Члены Религии» в их теперешнем виде остаются обязательными. Можно даже опасаться, что в случае их пересмотра, при современных «обновленческих» настроениях в Англиканской церкви, они окажутся ещё более далёкими от Православия, чем сейчас.

*** К.О.М., стр. 608.

новенно до сих пор подписывало, содержат истинное учение церкви Англии, согласно со Словом Божиим. Поэтому мы их ратифицируем и подтверждаем, требуя от наших возлюбленных подданных продолжать единообразно их исповедовать и запрещая малейшее отличие от упомянутых Членов. С этой целью мы повелеваем их вновь напечатать и эту нашу декларацию опубликовать вместе с ними».

Можно поэтому сказать, что с юридической точки зрения, поскольку английский король в силу своего титула является «защитником веры и верховным правителем церкви», разногласия между «Книгой Общей Молитвы» и «Членами Религии» должны решаться в пользу последних. Правда, «Члены Религии» не имеют законной силы вне пределов Великобритании, в других поместных церквях англиканского вероисповедания. Да и в самой Англии подписывать их должно только английское духовенство, а не миряне. Не думаем, чтобы это могло изменить нашу оценку значения «Членов Религии». Ведь духовенство является самой сознательной и ответственной частью церковного тела и его подписка «Членов Религии» имеет более важное значение, чем требование их подписки со стороны мирян. Необязательность «Членов Религии» в других англиканских церквях вне пределов Англии тоже ничего не изменяет, ибо между всеми англиканскими церквями существует литургическое общение и тем самым, по православному пониманию, взаимная догматическая ответственность, не говоря уже о том, что примас церкви Англии, архиепископ Кентерберийский, является первым епископом всего англиканского вероисповедания.

К тому же, ни одна из поместных англиканских церквей никогда не осуждала или отвергала «39 Членов Религии». Поэтому Православная Церковь не может игнорировать или преуменьшать значение «Членов Религии» в своих переговорах с

англиканами, как символического памятника, выражающего вероучение Англиканской церкви.

Одним из вопросов, который должен быть рассмотрен в предстоящем диалоге, есть вопрос о церковном Предании или, как его обычно формулируют, об отношении Предания к Священному Писанию и об их значении в церковной жизни.

* * *

О Священном Писании VI чл. «Членов Религии» учит, что: «Св. Писание содержит всё необходимое для спасения, так что то, чего нельзя прочесть в нём или что не может быть доказано посредством него, того нельзя требовать от кого-либо, чтобы он веровал в него как в член веры или чтобы оно считалось и требовалось как необходимое для спасения».

О церковном Предании, как таковом, в «Членах Религии» ничего не говорится. Вместо этого XXXIV член говорит «О преданиях церкви», под которыми подразумеваются разные литургические обычаи и говорится, что они могут быть у различных народов и в разные времена различными при условии, чтобы «ничего бы не подписывалось против Слова Божия». Само по себе англиканское учение о том, что всё необходимое есть в Писании или может быть из него выведено, не ошибочно с точки зрения Православия, но выражено в «Членах Религии» недостаточным и даже двусмысленным образом. Оно изолирует Писание от церковной жизни и самосознания Церкви. Конечно, всё в Писании. Но само Писание может быть правильно понято и истолковано только в свете апостольского Предания, в котором оно зародилось и которое оно выражает в письменной форме.

Писание принадлежит Церкви, она определила его канон и она, по преемству апостольскому, сохранила его понимание. Более того, выразила его в своей литургической жизни, в церков-

ном строе, в Символе Веры, в постановлениях Соборов и творениях святых отцов.

Конечно, нельзя требовать от англикан принятия учения Тридентийского Собора о двух источниках Откровения, Писания и Предания, сами римо-католики от него сейчас начинают отказываться. Но нужно продолжать настаивать на признании ими Предания как памяти Церкви и как церковного самосознания, в свете которого должно пониматься само Св. Писание.

После Св. Писания «Члены Религии» (в члене VIII) признают обязательным всецело принимать и верить трём Символам Веры. А именно: никейскому, афанасиеву и апостольскому, ибо они могут быть доказанными самыми верными ручателями Св. Писания. Критерий согласия с Писанием неоспорим для православных, но возникает вопрос, кто является последним судьёй в его применении. Каждый человек или Церковь, утвердившая Символ Веры на Вселенских Соборах? С православной точки зрения нужно ещё заметить, что из трёх перечисленных в чл. VIII символов только Никео-Константинопольский, как принятый и утверждённый на Вселенских Соборах, является авторитетным, обязательным и общецерковным выразителем вероучения. В то время как два другие символа, псевдо-афанасиев и так называемый апостольский, представляют собой частные богословские документы западного происхождения, лишённые общецерковного авторитета и приемлемые только, поскольку они не противоречат Никейско-Константинопольскому Символу. Отметим ещё, что все три вышеупомянутые символы находятся в употреблении в англиканском богослужении.

Далее, Православная Церковь под Никейско-Константинопольским Символом подразумевает только его подлинный текст без интерполяции «филиоки» (*Filioque*).

В Английской церкви, однако, применяют Символ Веры, хотя

и называемый «никейским», но имеющий в своём тексте прибавку *Filioque*. В таком виде этот Символ читается в английской службе Вечере Господни или Святого Причащения, как это видно из Книги Общей Молитвы*.

А чл. V «Правил Религии» учит, что «Святой Дух исходит от Отца и Сына». А между тем III Вселенский Собор, а также и Собор 879–880 гг., который можно было бы по справедливости назвать VIII Вселенским, запрещают всякое изменение текста Символа или добавку к нему. Поэтому Православная Церковь настаивает на восстановлении подлинного текста Никео-Константинопольского Символа посредством исключения прибавки *Filioque*, как на одном из условий установления литургического общения с англиканской церковью. Что же касается самого учения об исхождении Святого Духа от Отца и Сына, выраженного в вышеупомянутом чл. V «Членов Религии», то, конечно, Православная Церковь не разделяет его и не может богословски и исторически согласиться с попытками истолковать его как равносильное со святоотеческим учением об исхождении Св. Духа через Сына**. Однако, имея в виду, что зачатки учения о *Filioque* встречаются у западных церковных писателей задолго до отделения Римской церкви от Православия (у бл. Августина, например) и что вопрос этот, скорее, относится к области богословия нежели непосредственно веры, Православная Церковь может не настаивать на принятии западными христианами всей полноты святоотеческого учения об исхождении Св. Духа как на предварительном условии воссоединения их с нею. Она может следовать в этом отношении примеру св. Василия Великого, не настаивавшего на признании Божества Св. Духа (а только на

* К.О.М., стр. 241

** Об этом хорошо писал В.Болотов в своей известной статье о *Filioque*.

признании его нетварности) как на предварительном условии воссоединения с Православной Церковью лиц, признававших Никейский Символ. Такого рода разногласия, как пишет св. Василий Великий, могут легче быть преодолены впоследствии, после воссоединения, путём более продолжительной совместной жизни и неполемиических исследований*. Тем более, однако, нет места в Символе Веры для *Filioque*, ибо тем самым частному западному богословскому мнению придавалось бы значение общецерковной истины.

Очень неудовлетворительно англиканское учение о Церкви, как оно выражено в «Членах Религии», а именно в чл. XIX (О церкви), XX (Об авторитете церкви) и XXI (Об авторитете Общих Соборов).

Учение о Церкви как Теле Христовом в них отсутствует.

В чл. XIX «видимая церковь» — тем самым противопоставляемая церкви невидимой — определяется только как «собрание (congregation) верующих людей, в котором чистое Слово Божие проповедуется и таинства должным образом совершаются». Несколько лучше учит о церкви «Книга Общей Молитвы», где в Службе Причащения в одной из молитв говорится, что мы являемся «истинными членами, втелесненными в таинственное Тело Твоего Сына, которое есть благословенное общество всех верных людей»**. Здесь как бы признаётся, что общество верных («мы» — живущие на земле) есть Тело Христово.

Но в следуемой за Службой Причащения так называемой «Чёрной Рубрике» заявляется, что «естественное (naturel) Тело и Кровь нашего Спасителя Христа находятся на небе, а не здесь»***.

* См. его письмо 113 (P.G. 32. 525 CD).

** К.О.М., стр. 258.

*** Стр. 262.

Хотя здесь, прежде всего, имеется в виду евхаристическое Тело. Тем не менее, косвенно этими словами отрицается, что земная Церковь есть тоже Тело Христово. Таковым, по-видимому, признаётся только Церковь небесная, тем самым существенно отличная от земной.

Ничего не говорится в «Членах Религии» о Богоустановленности Церкви, о том, что Христос — её Глава, что она — Дом Духа Святого.

Не говорится о единстве, тем более, о её непогрешимости, как Столпе и Утверждении Истины.

Наоборот! Утверждается, что церкви согрешали в вопросах веры (чл. XIX). Здесь, имеются в виду исторические Поместные церкви (римская, иерусалимская, александрийская, антиохийская). Но о непогрешимости Церкви Вселенской тоже ничего не говорится.

Более того, отрицается также непогрешимость Вселенских (точнее, Общих — Général) Соборов (в чл. XXI), которые рассматриваются как человеческие собрания, не всегда управляемые Духом Святым.

«Они могут ошибаться и иногда ошибались, даже в вещах, относящихся к Богу». Не Соборы истолковывают Св. Писание, но их постановления (как например, Символы Веры) проверяются (кем?), согласны ли они с Писанием и только тогда могут быть приняты (опять неизвестно кем).

Ни в «Членах Религии», ни в «Книге Общей Молитвы», ни в других постановлениях Англиканской церкви нет, насколько мне известно, никаких указаний, какие из Вселенских Соборов Англиканская церковь принимает, и принимает ли она их вообще.

Обычно утверждается, на основании высказываний англиканских богословов, что Англиканская церковь принимает первые четыре Собора. Она не признаёт за V и VI Собором значе-

ния, подобного предыдущим и отвергает VII Вселенский Собор.

В общем, можно сказать, что в англиканстве нет веры в непогрешимость Церкви и нет учения о церковном органе (Вселенском Соборе), способном при содействии Св. Духа авторитетно выражать церковную истину. Различия англиканской и православной экlesiологии, как видим, не только очевидны, но на них даже не приходится долго останавливаться.

Интересно, что в чл. XXV «Членов Религии» мы находим следующее учение о Таинствах:

«Существуют два Таинства, установленные Христом, Господом нашим, во Евангелии, а именно Крещение и Вечеря Господня».

Далее упоминается о «пяти обычно называемых таинствах, а именно: конфирмации, покаянии, рукоположении, о браке и о помазании». При этом утверждается, что «они частью развились от порочного последования за Апостолами, а частью являются состояниями жизни, дозволенными Писанием». Но добавляется, что «они не имеют такой природы таинств, как Крещение и Вечеря Господня».

Англо-кафолические богословы, на своих встречах с православными обычно толкуют этот «Член Религии» только как утверждение, что Крещение и Вечеря Господня являются самыми важными из Таинств, как установленные самим Христом, а не отрицание других Таинств. К этому добавляют, что седмиричное число Таинств не встречается в древней христианской письменности и что оно было впервые провозглашено в XII веке на Западе, откуда позднее проникло на Восток, а следовательно, между англиканским и православным учениями о Таинствах нет существенной разницы.

С таким толкованием трудно согласиться. Ведь седмиричное число Таинств было сформулировано поздно, но фактически

семь Таинств существовали с древности. Это подтверждается наличием их в восточных нехалкидонских церквах, отделившихся от Вселенской Церкви в V–VI вв.

Можно не возводить седмиричность Таинств в догмат, т.к. она никогда не была утверждена на Соборах, но, скорее, в том смысле, что Таинств не меньше, но больше чем семь.

Монашеское пострижение, например, или чин погребения, водоосвящения и т.д., могут также быть причислены к Таинствам.

Семь есть минимальное число Таинств, самим Господом установленных, но если не понимать буквально и не отрицать, что апостолы, Духом Святым просвещенные в день Пятидесятницы, действовали по наставлениям Христовым, то тогда подобный подход применим не только ко Крещению и Евхаристии, но и к остальным пяти Таинствам (таинство брака, например, устанавливается приходом Христа на брак в Кану Галилейскую. Да и не только пять Таинств, а можно сказать, что и Великое освящение воды устанавливается Крещением Господа в Иордане). Но особенно неприемлемо для православных уничтожение пяти «обычных Таинств», выросших, по мнению составителя чл. XXV, из «порочного последования за апостолами» или только терпимых как «состояний жизни дозволенных Писанием» (первое, по-видимому, относится к священству, второе — к браку). А поскольку они объявляются иной природы, чем Таинства Крещения и Вечери Господни, то они не могут, по англиканскому учению, считаться Таинствами в подлинном и полном смысле этого слова.

Чл. XXVIII «Членов Религии» учит, что Вечеря Господня — так всегда в английских текстах обозначается таинство Евхаристии — «есть Таинство нашего искупления смертью Христовой, так что для тех, кто праведно, достойно и с верою принимают

его, Хлеб, который мы ломим, есть причастие Тела Христова; Чаша благословения также есть причастие Крови Христовой».

В этих словах выражено субъективное понимание Таинства: Хлеб и Чаша суть, для верующих и достойных причастия, Тело и Кровь Христовы. Чем они объективно являются сами по себе, остается неясным.

Такая же мысль выражена и в следующем XXIX члене «О злых людях, которые не едят Тело Христово при пользовании Вечерей Господней»: «Злые люди, лишённые живой веры, хотя телесно и видимым образом дают своими зубами Таинство Тела и Крови Христовой, однако, никоим образом не становятся причастниками Христа, но, скорее, на свое осуждение, едят и пьют знак или таинство столь великой Вещи».

Внешне эти слова напоминают православное учение о недостойном причащении, так как и православные тоже утверждают, что недостойно причащающиеся «не становятся причастниками Христа». Но в то время, как мы веруем, что, причащаясь Тела и Крови, недостойные едят и пьют Тело и Кровь — себе в суд и осуждение, по смыслу чл. XXVIII они едят только «знак» или «сакрамент» Тела Христова, а не само Тело, так как оно находится в Таинстве только для верующих.

Эта мысль более определенно выражена в следующих словах XXVIII члена: «Тело Христово дается, принимается и съедается на Вечери только небесным и духовным образом. А средство, коим Тело Христово принимается и съедается на Вечере, есть вера».

Утверждение, что мы причащаемся «только» духовным и небесным образом, конечно, не православно.

Служба Причащения, в «Книге Общей Молитвы», подтверждает такое духовно-символическое понимание Таинства Тела и Крови Христовых, подчеркивая при этом

вспоминательный характер всего таинства. Однако эти цвинглианско-кальвинистические взгляды облечены в этой Службе в нарочито двусмысленные и неясные выражения. Так, в молитве канона, совершитель службы (Minister — министр, как сказано в тексте*), упомянув, что Христос «установил и повелел нам в своём святом Евангелии продолжать непрестанное воспоминание своей ценной смерти, пока Он не придет снова», молится Богу Отцу даровать, «чтобы мы, принимая эти Твои творения хлеба и вина, согласно со святым установлением Твоего Сына, Спасителя нашего Иисуса Христа, в воспоминание Его преблагословенного Тела и Крови»** (иначе говоря, принимая хлеб и вино, духовно или даже символически причащались Тела и Крови Христовой).

Далее следуют установленные слова (здесь «министру» предписывается прикоснуться к дискусу и чаше, что может быть истолковано и как отрицание чисто символического понимания). В этом кроется одно из противоречий англиканского богослужения, если только это не является простым остатком римско-католического обычая. На этом евхаристический канон заканчивается без всякого эпиклезиса или упоминания о преложении Святых Даров.

Далее, в молитве причащения «министр» говорит, что «когда он даёт хлеб» (так написано в тексте службы), то: «Тело Господа нашего Иисуса Христа, которое было дано за тебя, сохраняет твоё тело и душу в присносущую жизнь. Возьми “это” (?) и ешь в воспоминание того, что Христос умер за тебя и питайся им в твоём сердце верою и благодарением»***. Потом, когда «ми-

* Стр. 256.

** Стр. 356.

*** Стр. 256.

нистр» подаёт Чашу, то говорит: «Кровь Господа Нашего Иисуса Христа, которая была пролита за тебя, сохраняет твоё тело и твою душу в присносущую жизнь. Пей “это” в воспоминание, что Кровь Христова была пролита за тебя и будь благодарен»*. Эти слова требуют внимательного рассмотрения, ибо они составлены нарочито двусмысленно.

Исторические обстоятельства заставляли архиепископа Кранмера и других составителей «Книги Общей Молитвы» не слишком выставлять свои настоящие взгляды. Отметим прежде всего, что в этих молитвах, как у православных, не говорится: «сие самое есть пречистое Тело Твое и сие самая есть честная Кровь Твоя». А как бы непонятно и отвлечённо: «Тело...Христа, которое было дано за тебя, сохраняет твоё тело» или «Кровь...Христа, пролитая за тебя...», то есть совершенно без отождествления с евхаристическими дарами.

Далее ещё характернее: «Приими и ешь это (this)» или «пей это (this)», а не «ешь Его» или «пей Её». Ведь если быть до-тошно точным в словах, то у составителей молитвы по-английски было бы в обоих случаях «it», конечно, если бы они истинно хотели указать на причастие Самого Тела и Крови Христовых.

Всё это очень далеко от православной литургии с её словами «Причащается раб Божий Честнаго и Святаго Тела и Крови Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» или, как поётся в запричастном стихе, «Тело Христово примите, Источника безсмертнаго вкусите».

Православный христианин верит, всем своим существом, что в этот момент он причащается не к неопределённому или даже двусмысленному «это», а к Самому Телу и Крови Господней.

*Стр. 257.

Отметим также, что в Православной Церкви евхаристические дары после их освящения не называются более «хлебом и вином», как это сказано в приведённом тексте, где говорится, что совершитель службы преподаёт причащающемуся «Хлеб»*.

Все эти странные двусмысленные выражения англиканского богослужения приобретают большую определённую в свете «Членов Религии».

* * *

Итак, вернёмся к их тексту.

Чл. XXVIII утверждает: «Пресуществление (или изменение сущности хлеба и вина) в Вечери Господней не может быть доказано Св. Писанием. Оно противно ясным словам Писания, ниспровергает природу Таинства и дало повод ко многим суевериям». Как не раз отмечалось, слова эти являются прежде всего полемикой против римско-католической схоластической терминологии, которая не принята многими православными богословами и не встречается у святых отцов, которые предпочитают выражение «преложение» латинскому термину «transubstantiatio». Дело, однако, не ограничивается отвержением схоластического термина и связанного с ним средневекового римско-католического богословия.

В XXVIII члене отвергается само «преложение» хлеба и вина

* Стр. 256. Некоторым исключением могут показаться слова молитвы литургии св. Василия Великого «Нась же всехъ от единого хлеба и чаши причащающихся», где слово «хлеб» употребляется после освящения Св. Даров. Дальнейшие слова «ни единого насъ в судъ или во осуждение сотвори причаститися Святого Тела и Крове Христа твоего» ясно показывают, в отличие от англиканской Службы Причащения, что Св. Дары стали Телом и Кровью Христовой даже для недостойно их причащающихся.

в Тело и Кровь Христову, действительный и объективный характер этого преложения. Это видно хотя бы из того, что «транс-субстанция» толкуется в этом члене как «изменение (change) сущности хлеба и вина» как таковой, а не в специфическом римско-католическом её понимании, как исчезновения сущности и замены её сущностью Тела и Крови, при сохранении акциденции «хлеба и вина».

Тот же смысл имеет и отвержение в том же XXVIII чл. всякого вообще поклонения Св. Дарам и их хранения.

Здесь, как и во многих других случаях, англиканские реформаторы отвергли вместе с римско-католическими уклонениями (как внеевхаристическое поклонение Св. Дарам и их хранение ради такого поклонения, а не только для приобщения больных и умирающих) самую их достопоклоняемость как подлинного Тела и Крови Христовых.

Ещё более яркий свет на англиканское понимание Таинства Вечери Господней проливает так называемая Чёрная Рубрика (Black Rubrick), приведённая в «Книге Общей Молитвы» в качестве комментария к Службе Причащения*.

Интересно отметить, что англо-кафолики много раз пытались выкинуть её из «Книги Общей Молитвы», но каждый раз терпели неудачу. Чёрная Рубрика печатается в ней до сих пор.

Вот что она говорит, объясняя, почему у англикан принято причащаться на коленях:

«Предписание коленопреклонения совсем не имеет в виду, что какое-либо поклонение должно быть оказываемо сакраментальному Хлебу и Вину, принимаемым телесно, или какому бы то ни было телесному присутствию естественной Плоти и Кро-

* К.О.М., 261–262.

ви Христовой. Ибо сакраментальные Хлеб и Вино продолжают оставаться в их настоящей сущности и потому не могут быть поклоняемы (ибо это было бы идолопоклонством, от которого должны отвращаться все верные христиане). Естественное Тело и Кровь Спасителя нашего Христа находятся на небе, а не здесь. Было бы супротивным, трудно понимаемым, а тем более объяснимым, истинному естеству Тела Христова пребывать одновременно в разных местах, а не в одном месте»*.

Более определённого и грубого отвержения предложения хлеба и вина в Тело и Кровь Христову трудно себе представить. Вообще многие пассажи из Чёрной Рубрики представляют собою собрание всевозможных ересей.

Православное понимание Божественной Евхаристии как умиловительной, благодарственно-просительной бескровной Жертвы, тождественной с жертвой Голгофской, не только воспоминающей о ней, но и не повторяющей или дополняющей её, актуализирующей её для нас, делающей нас причастниками её плодов, такое понимание Св. Евхаристии отсутствует у англикан в их литургических памятниках вероисповедания. Более того, можно сказать, что оно ими отвергается!

К примеру. Служба Причащения утверждает в своём каноне, что Христос «претерпел смерть на Кресте для нашего искупления» и «принёс тем (посредством Своего единого приношения Самого Себя, единожды принесённого) полную, совершенную и достаточную жертву приношения и удовлетворения за грехи всего мира»**.

Развивая это утверждение, чл. XXXI «Членов Религии» добавляет, что «нет другого удовлетворения за грех, кроме этого

* Там же, стр. 262.

** Стр. 255.

единого (на Кресте)» и далее делает вывод «а потому жертвоприношения на мессах (Masses), в которых говорилось, что священник приносил Христа за живых и мертвых, дабы они получили оставление мучений или вины, были кощунственными баснями и обманом».

Здесь, конечно, наблюдается резкая реакция на крайности римско-католических средневековых богословов, которые учили о мессе как о новом Распятии Христа, как о восполнении Его Крестной Жертвы и т.д. (всё это отвергает и Православие), но тем не менее, и по содержанию слов и, особенно, по тому факту, что литургические и догматические англиканские тексты не содержат в себе никакого учения об Евхаристии как об умиловительной жертве (взамен отвергнутого римско-католического), можно сделать вывод, что они просто отвергают понимание Св. Евхаристии как жертвы вообще и не только в её римско-католическом истолковании.

Вместо этого в молитвах Службы Причащения выражается мысль о нашем участии в этой службе как о приносимой нами жертве хваления и благодарения. Священник вместе с народом молится на ней и произносит: «Господи и Отче небесный, мы, Твои смиренные рабы, всецело просим Твою отеческую благость милостиво принять сию нашу жертву хваления и благодарения; смиреннейше умоляя Тебя даровать дабы заслугами и смертью Твоего Сына Иисуса Христа и верою в Его Кровь, мы и вся Твоя Церковь могли получить оставление наших грехов и все другие благодеяния (benefits) Его страдания».

Как видим, под «жертвою» здесь подразумеваются не сами Евхаристические Дары, Тело и Кровь Христовы, а наши души и тела, наконец, мы сами с нашей верою и чувствами благодарения и хваления и всё наше служение Богу.

Все это с православной точки зрения неоспоримо! Но совершенно недостаточно и далеко отстоит от православного пони-

мания евхаристической жертвы приношения Тела и Крови Господней на алтаре церковном Богу.

* * *

Вопрос о священстве у англикан и о рукоположении должен быть рассмотрен в свете вышеизложенного учения Англиканской церкви о Таинствах. Чисто историческое существование апостольского преемства не вызывает особых сомнений, и епископское рукоположение архиепископа Паркера, родоначальника англиканской иерархии, можно считать историческим фактом. Нужно уточнить, что в глазах Православной Церкви факт сохранения апостольского преемства является недостаточным для признания действительности рукоположений. Более того, он недостаточен даже если были соблюдены внешние признаки (возложение рук и пр.), ибо благодать священства не передаётся механически при отсутствии должной веры и учения. А потому в этом отношении недостатки англиканских рукоположений очевидны.

1. Прежде всего, как мы видели, само священство не признаётся у англикан Таинством (в подлинном смысле этого слова) той же природы, как и Таинства Крещения и Евхаристия. Тем самым оно не может быть рассматриваемо как равносильное священству в Православной Церкви или священству древней Церкви.

2. Далее, поскольку, как мы видим, в Англиканской церкви отсутствует понимание литургии как евхаристической жертвы, приносимой священником, как нет в ней и веры и преложение Св. Даров в Тело и Кровь Христову, тем самым и рукополагаемые англиканские «священники» (лица) не могут считаться священниками в православном смысле слова. Почему?

3. Подтверждением этого различия, или непризнания в пра-

* К.О.М., стр. 553–595.

вославном смысле, может служить Ординал (Чин рукоположения) в Англиканской церкви*. На этот Ординал неоднократно ссылаются защитники правомочности англиканских рукоположений. В приложении к нему выражено намерение сохранить в Англиканской церкви существующий от древности трехстепенный иерархический строй с епископами, священниками и диаконами*, а в Чине рукоположения предписывается возложение рук епископа совместно с присутствующими священниками и призывание Св. Духа, дающего власть отпускать грехи. (Если не совершается епископская хиротония, тогда возлагают одни руки епископа). Итак, рукополагаемый (священник) получает власть проповедовать Слово Божие и совершать Таинства**.

4. Однако это намерение продолжать древнее священноначалие не находит себе должного выражения в тексте Ординала, где нет никаких указаний, что рукополагаемый призывается принести Богу жертвы духовные, предстоять Его алтарю и возрождать людей Таинством Крещения, как об этом пишется в православном Чине рукоположения и что является существенным признаком священства с древности. Реформаторы XVI века (а они были уже и тогда) сознательно устранили из составленного ими Ординала всякое упоминание о совершении иереем литургии и о принесении им евхаристической жертвы, находившееся в употреблении до реформации в римско-католических Ординалах.

5. Они отменили также некоторые римско-католические обычаи средневекового происхождения и не существенные для полноты таинства рукоположения, которых в Православии нет (напр., как вручение рукополагаемому диска и чаши). На этом прогрессивные англиканские реформаторы не остановились, а

* Стр. 553.

** Стр. 582.

устранили из Ординала всяческое упоминание о священнике, как совершителе Св. Евхаристии.

(В православном священническом рукоположении имеется нечто аналогичное вручению дискоса и чаши, а именно вручению рукоположенному иерею части Св. Агнца, чем указывается на его назначение, быть хранителем и служителем Св. Евхаристии). Англикане же заменили римско-католический обычай вручением рукополагаемому Библии*, что говорит об их уверенности, что предназначением священника является не служение Св. Евхаристии, а проповедь Слова Божия.

(Православие не разделяет римско-католических крайностей, что единственным существенным признаком священства является власть совершать пресуществление и приносить евхаристическую жертву. Священник — совершитель всех Таинств, равно как и проповедник Слова Божия и Учитель духовный).

6. Сознательное исключение из чина рукоположения всяческого упоминания священником Св. Евхаристии и переноса акцента на проповедь им Слова Божия лишает англиканское священство основных свойств и существенно рознит их с священством православным. Более того, это знаменует разрыв Англиканства со священством Древней Церкви, которое оно хотело бы продолжать. Этот недостаток не может быть восполнен получаемой священником в англиканской хиротонии власти совершать таинства вообще, ибо о недостатках англиканского учения о таинствах мы уже говорили.

* * *

С точки зрения православного богословия ещё более странным представляется англиканское учение об Епископском сане и о положении Епископата в Церкви.

* Стр. 594.

Вернее сказать, что в англиканских официальных документах такое учение просто отсутствует!

Внешне Англиканство, сохранило традиционный церковный строй, с его трёхстепенным священством, но при этом лишило его содержания. Характерно, что часто встречающееся у англиканских богословов выражение «исторический епископат» говорит о том, что существование епископата в церкви есть факт, засвидетельствованный церковной историей. Этим они хотят сказать, что он возник издревле (но вряд ли от апостольских времён?), что он существовал во всех Церквах и потому его следует сохранить и сейчас, но не как нечто богоустановленное и существенно необходимое для Церкви, а как полезное, приводящее к церковному единству и порядку.

Этот странное отношение к епископату хорошо выражено в ходячем англиканском богословском афоризме, что «Епископат нужен не для бытия, а для благобытия церкви» (не для *esse*, а для *bene esse*).

Отметим, что в чине хиротонии епископа, в англиканском Ординале в молитве посвящения, ничего не говорится о том, что епископу даётся власть рукополагать. И действительно, вековая практика Англиканской церкви показывает, что она не верит в необходимость совершения рукоположений только епископами.

Так, в XVII веке были приняты в Англиканскую церковь многочисленные священники. Не имевшие епископского рукоположения, в силу простого постановления парламента и без нового их рукоположения. Нечто подобное мы видим и в наши дни по отношению к так называемой церкви южной Индии, с которой Англиканская церковь вступила в частичное литургическое общение, хотя многие её пасторы не получили епископского рукоположения, или при переговорах с методистами, от которых не

требуется (как условие воссоединения с ними) ни их согласия на епископское рукоположение их пасторов, ни признания ими епископского сана, как полноты священства.

Всё сказанное выше побуждает нас сделать вывод, что англиканское священство, с православной точки зрения, имеет огромное отличие от Православия по сути многих взглядов и устоев, что признание действительности его является для Православной Церкви невозможным.

Состоявшееся, хоть и в условной форме, признание англиканских рукоположений некоторыми Поместными церквами (Константинопольской в 1922 г., Иерусалимской в 1923 г., Кипрской в 1923 г., Александрийской в 1930 г. и Румынской в 1936 г.) не меняет нашего отношения к действительности англиканского священства.

Принятые отдельными Поместными церквами, притом меньшинством их, они не могут иметь обязательного значения по вопросу, где требуется, в силу догматического характера, общецерковное решение. Впрочем, на это претензий нет, а есть разные заявления, « что решения их должны быть подтверждены Общеправославным Собором, и только после этого “признание” приобретёт законную силу» (см. решение Константинопольской Патриархии от 1922 г.).

Румынская же Патриархия ставит своё признание англиканских рукоположений в зависимость от принятия всей Англиканской церковью решений англикано-румынской богословской конференции 1935 г.

Такого принятия не последовало до сих пор.

Более того, в этой связи, огромное значение имеет Московское Совецание 1948 года, в котором участвовало большинство автокефальных церквей и которое вынесло отрицательное решение о действительности англиканского священства.

Нельзя также согласиться с формулировкой Константинопольского и некоторых других решений, согласно которым англиканские рукоположения имеют для Православной Церкви такую же действительность, как и рукоположения римско-католические, армянские и старо-католические.

Подобное приравнивание не убедительно.

Так как у армян и римо-католиков сохранилось древнецерковное священство с признанием его таинством и с верою в евхаристическую жертву. Нужно отметить, что у армян все это сохранилось в более чистом виде, у римо-католиков со многими богословскими искажениями, не затрагивающими, однако, существа священства, чего отнюдь нельзя сказать об англиканцах.

В таком же соответствии с принципиальным отношением к англиканской иерархии должна быть и практика Православной Церкви в отношении к переходящим в Православие лицам в англиканском сане.

а) Их нельзя принимать в сущем сане. Как мы это делаем в отношении с армянами и римо-католиками.

б) Они должны быть рукополагаемы православными иерархами. Только когда они сами того хотят. В противном случае они могут быть приняты только в качестве мирян.

Таковы решения Св. Синода Русской Православной Церкви от 1904 г.

Кстати, об этот свидетельствует практика Православной Церкви от самого начала англиканства до наших дней. Пример: рукоположение перешедшего в Православие англиканского священника о. Варнавы (Яна) Бартона в 1961 г., в Париже.

Не было вообще ни одного случая, чтобы англиканский священник был принят в Православие в сущем сане, даже со стороны автокефальных церквей, признавших англиканское священство. Мнение митрополита Филарета Московского было: « что,

только в случае принятия Англиканской Церковью православной веры в её едином целом, можно было бы себе представить массовый переход англикан в Православие и принятие их иерархии и духовенства в сущем сане, в порядке особой церковной икономии».

Но решать об этом не своевременно.

* * *

Мне хотелось бы ещё кратко остановиться на вопросах, которые стоят препятствием на пути к воссоединению англикан и православных. Они неизбежно станут темами богословского диалога между ними.

1. Прежде всего это вопрос о почитании Божией Матери.

Здесь, как и во всём, позиция Англиканской церкви неясна и противоречива. Так, с одной стороны, согласно Никейским символам англикане должны верить в воплощение Христа от Духа Святого и Девы Марии.

Веру в девственное рождение Христа выражает также чл. II Членов Религии, где говорится: что Сын Божий «воспринял человеческую природу во чреве благословенной Девы от её существа».

Больше о Божией Матери в Членах Религии ничего не говорится. В Книге Общей Молитвы, в каноне Службе Причащения в день Рождества Христова воспоминается, что Сын Божий стал человеком «от сущности Девы Марии»*.

В церковном англиканском календаре отмечаются праздники Божией Матери:

Очищение Девы Марии (это соответствует нашему Сретению Господню),

* Стр. 253.

Благовещение Марии,
Посещение Благословенной Девы Марии,
Зачатие Благословенной Девы Марии (но не Успение и Введение во храм)*.

В англиканском богослужении видное место занимает песнь «Величит душа моя Господа», которая поётся на каждой вечерней службе**. Если согласиться, как думают многие англиканские богословы, что Англиканская церковь признаёт решения первых четырёх Вселенских Соборов, то тем самым она признаёт наименование Девы Марии Богородицей, принятое на III Соборе.

Это наименование отсутствует, однако, в богослужебных и догматических англиканских текстах (Книге Общей Молитвы, Церковном Календаре, Членах Религии), где Божия Матерь всегда называется Благословенной Девой Марией (или просто Девой Марией).

Но, что особенно поражает православных и наши благочестивые чувства, что в Книге Общей Молитвы и в Службе Причастия отсутствует и полностью умалчивается молитвенное обращение к Божией Матери, умолчание о Её месте в деле строительства нашего спасения (молитвенное обращение есть только на Рождество Христово).

Это создаёт молитвенную, духовную и даже догматическую атмосферу, настолько отличную от православной, что трудно себе представить, чтобы англиканство могло соединиться с Православием в единую духовную сущность, без условия, чтобы в нём не возродилось молитвенное почитание и обращение к Божией Матери, как оно существовало в эпоху Вселенских Соборов.

* К.О.М., стр. 17–32.

** Стр. 19.

Если от весьма скудных официальных англиканских текстов перейти к высказываниям англиканских иерархов и богословов, то здесь мы увидим ещё более необыкновенное разнообразие. Это и колебания у англикан от римско-католических крайностей, как вера в непорочное зачатие Божией Матери, до отрицания девственного рождения Христа.

При всей несовместимости этих взглядов можно с основанием утверждать, что вера в Приснодевство Божией Матери или в Её молитвенное заступничество за род человеческий не является в англиканстве общеобязательной и не рассматривается как существенная часть христианской веры.

Многое, конечно, в отношении англикан к почитанию Божией Матери может быть объяснено как реакция на крайности римско-католического культа Мадонны, оттеснившего в народном сознании на второе место образ Христа. Но здесь, как это обычно в англиканстве, реакция пошла слишком далеко. Вот почему православное благочестивое чувство, верное духу св. Кирилла Александрийского, изобличившего Нестория, и Ефесскому Собору, провозгласившему Марию Деву Богородицей, не может мириться с высказываниями ответственных представителей англиканства, отрицающих самые основы церковного почитания Богородицы. И это без всякого противодействия и осуждения со стороны Англиканской церкви, как таковой.

2. То же самое можно отнести у англикан и к почитанию святых.

Нельзя категорически утверждать, что в англиканстве отвергается их почитание.

В их церковном календаре отмечается память святых, но очень немногих. Церкви называются (посвящаются) их именами. Но отсутствует призывание святых!

Оно отвергается как «римское учение» в чл. XXII «Членов Религии».

Православный человек усматривает в этом следствие неправильной экклезиологии, разделяющей Небесную и Земную Церковь и отрицающей живую связь между ними, в нашем молитвенном понимании выраженную в общении со святыми. Недостаточным пониманием самой природы Церкви объясняется и отсутствие в англиканском богослужении молитв об усопших.

Англиканы правильно отвергли (в чл. XVI «Членов Религий») римско-католическое учение о сверхдолжностных заслугах святых. Но вместе с ним они отвергли и древнехристианское верование в живое молитвенное общение всех членов Церкви, живых и умерших.

Отвержение англичанами почитания мощей (чл. XXII) не только нарушает древнехристианское верование, но и свидетельствует об оскудении веры в благодать Св. Духа, которая продолжает свое действие в останках угодников Божиих и предвозвещает всеобщее Воскресение. Вспомним хотя бы почитание останков св. Поликарпа Смирнского после его мученической кончины в середине II века.

3. Чл. XXII «Правил Религии» отвергает также почитание св. икон.

На практике в Англиканской церкви можно встретить почитание статуи и полное отвержение всяческих изображений в храмах. Невозможно требовать от англикан усвоения наших литургических обычаев и путей богопочитания. Ведь религиозная психология народов различна, может быть, этим объясняется у них столь малое почитание иконы в храме. Мы, православные, напротив, настаиваем на богословском обосновании иконопочитания, ибо изображение Христа на иконе есть исповедание веры в подлинность Боговоплощения и вочеловечения, и тем самым — изобразимость Его по человечеству. Более того, отвержение иконопочитания есть восстание против VII Вселен-

ского Собора, признаваемого Православной Церковью наряду с остальными Вселенскими Соборами.

Неудовлетворительными для православных являются и чл. IX, X, XI, XII и особенно XVII «Членов Религии» о первородном грехе, свободе воли, оправдании, о добрых делах и предопределении. Прояснение английского учения об этих предметах и сравнение их с Православием должно стать темой предстоящего диалога.

В заключение хочется снова сказать, что как ни серьезны многие из богословских вопросов, разделяющих Православие и англиканство, главное затруднение все же не в них, а в едином англиканском учении, касающемся основных вопросов Христианства. Это кроется и в отсутствии у англикан авторитетного органа, способного решать и отвечать на разные вопросы в деле веры. Многие англикане не понимают и не желают создать такой орган, а от этого подобный порядок вещей ненормален и не соответствует духу и строю Церкви Христовой.

Можно даже сказать, что большинство англикан видят в такой «всеобъемлемости» (comprehensiveness) одну из наиболее привлекательных черт англиканства. Подобные симпатии и взгляды приводят к распространению среди англикан духа модернизма, «новаторства», обновленчества, которому нет предела. Именно эти настроения являются главной помехой в успешном и плодотворном диалоге между Православной Церковью и англиканским вероисповеданием.

Брюссель, август 1966 г.

Примечание:

Этот доклад прочитан на заседании Межправославной Комиссии в Белграде (1–15 сентября 1966 г.).

*Рассказ о монахине
матери Екатерине
(Полюховой, 1906–1982)*

Монахиня мать Екатерина, в миру Ксения Владимировна Полюхова, родилась 6/19 сентября 1906 года в Севастополе, где отец ее, кадровый офицер старой армии, окончивший до войны Симбирский кадетский корпус, служил в 32-й артиллерийской бригаде, расквартированной тогда в Севастополе. В начале войны четырнадцатого года с Германией он был в чине капитана. Он усердно служил, днями обучал новобранцев на плацу и, возвращаясь усталым домой, читал, лежа на диване, русских классических писателей, а в свободное время увлекался живописью и, говорят, недурно писал пейзажи и даже портреты. Чувствовалось, что в этом было его подлинное призвание, а военной службой он, скорее, тяготился. Какого он был происхождения, трудно сказать, может быть, духовного, во всяком случае, его жена Вера любила говорить своей дочери Ксении: «Ты упряма, как поповна», но это была, скорее, поговорка, и более вероятно, что он был из военной среды. Мать Ксении, Вера, была из старинного рода черниговских дворян Небольсиных, записанных, как она любила говорить своей дочери, «в шестую бархатную книгу», в которую, как известно, были записаны дворянские роды при Иване Грозном. Один из ее предков, Небольсин, был при Екатерине II русским послом в Париже. Иногда Ксения с матерью ездила в черниговское имение бабушки, а в другие годы — в Кисло-

водск. В доме у них держалась православная атмосфера, скорее, по традиции, посты, в общем, соблюдались, хотя отец этим тяготился и был недоволен, но подчинялся порядкам жены, молчал. По праздникам маленькая Ксения ходила в гарнизонную церковь или в церковь военного флота. Отец сам обучал своих детей, Сережу, на три года старшего, и младшую Ксению, русскому языку и математике. Когда маленькая Ксения не могла сразу решить задачу, отец сердился и даже слегка колотил ее. Она становилась на коленки и просила: «Прости, папочка, больше не буду», — и все успокаивалось. А вот Сережа никогда не соглашался становиться на колени и просить прощения, как бы строго его отец ни наказывал. Отец подписался на детские журналы, Ксения их читала с интересом, хотя не все в них ей одинаково нравилось, а вот Сережа больше любил драться с мальчишками. Для солдат офицерами часто устраивались любительские спектакли, солдаты сами разыгрывали басни Крылова в лицах. Солдаты хохотали до упадка, маленькая Ксения с — ними. В Кисловодске она с увлечением ходила на курортные концерты в городском саду, даже убегала на них слушать музыку от надзирательниц фребеличек, которые были обязаны занимать детей играми. Помнит Ксения также посещение императором Николаем II Севастополя по пути в Крым в довоенные годы (1911–1912 год?), царский смотр военной эскадры и соответственные торжества, но особых «патриотических чувств» этот царский визит у нее не вызвал. Вся эта благополучная мирная жизнь, которой, казалось, не будет конца, была нарушена началом войны с Германией в июле 1914 года, когда Ксении почти исполнилось восемь лет. Отец ее по завершении мобилизации уехал со своей батареей в действующую армию, офицерские жены, вместе с Ксенией, провожали своих мужей на вокзал, на фронт. В Севастополе тоже стало тревожно, особенно когда немецкий крейсер «Гребен», проникший с по-

пустительства турок в Черное море через Дарданеллы и Босфор, в конце 1914 года бомбардировал крепость и город Севастополь. Ксения хорошо запомнила этот налет. Хотя жертв от него среди жителей, по-видимому, не было, и сам «Гребен» был поврежден нашей крепостной артиллерией, так что никогда больше не посмел показываться под Севастополем, военные власти, опасаясь возможных вражеских нападений, предписали семействам военных покинуть Южную сторону, где они жили, и переселиться на Северную, как более далекую от моря и безопасную от бомбардировок. Пришлось и Ксении с матерью и братом оставить небольшой, но удобный и уютный офицерский домик с садом, где она беззаботно жила, и переселиться на Северную сторону, в менее приятную и трудную обстановку, без сада, конечно. Да и в городе началась паника, и многие городские обыватели стали уезжать из Крыма. В такой обстановке мать Ксении, Вера, сочла благоразумным, с согласия мужа, бывшего уже на фронте, уехать из Севастополя и переехать в Харьков, тем более что было нужно устраивать детей продолжать образование, а в Севастополе это было очень трудно. Сережа был отдан в кадетский корпус, кажется, Полтавский, он всегда мечтал быть военным, а Ксения, после подготовки у домашней учительницы, сдала вступительный экзамен и была принята в первый класс Института благородных девиц в Харькове, закрытого учебно-воспитательного заведения так называемого «Ведомства Императрицы Марии», где воспитанницы жили и учились. Эти учебные заведения с программой, приблизительно, женских гимназий, но с большим вниманием к иностранным языкам, несколько, может, меньшим к математике и физике, критиковались обычно русской либеральной интеллигенцией за их сословный и якобы «монархический» характер. Действительно, большинство институток было дворянского происхождения, вернее, дочери офицеров, особенно на юге, в про-

винции, часто бедные, обучавшиеся почти бесплатно. В актовом зале висели большие портреты царей и императорской фамилии, но без политического подчеркивания, в харьковском институте, по крайней мере. При институте была церковь, институтки ходили по воскресеньям к обедне, раз в год говели и причащались, как было принято в «старорежимные» времена, никому бы не пришло в голову причащаться чаще. Преподавался, скорее, по обычаю, Закон Божий традиционным батюшкой, инославных к этому не принуждали. Зато французскому и немецкому обучали хорошо, девочки были обязаны говорить между собой один день по-французски, другой по-немецки. К сожалению, с начала войны все это нарушилось. Институтки из «патриотизма» отказались говорить по-немецки, их с трудом удалось уговорить продолжать ему учиться. При институте были «няньки», которые смотрели, чтобы институтки не наступали в саду в плохую погоду в грязь, а только по деревянным подставкам, причесывали их, стригли им ногти, часто так беспощадно, что девочки плакали. Все это было, когда Ксения была еще совсем юной, 9–11 лет. Летом институт закрывался, девочки разъезжались на каникулы к родителям или знакомым. Ксения с матерью обыкновенно уезжали недалеко от Харькова, в Славянск или Ахтырку. В общем, несмотря на войну, жизнь в харьковском институте шла обычным, несколько, быть может, замедленным темпом.

Февральская революция 1917 года все изменила в жизни харьковского института, хотя новые правители избегали поначалу резких насильственных мер. Ксения, однако, помнит, как в один весенний день семнадцатого года всех институток «выгнали» на улицу участвовать в какой-то революционной демонстрации, а когда они вернулись, увидели, что большие царские портреты, висевшие в актовом зале, были кем-то убраны неизвестно куда, чем многие институтки были огорчены и даже пла-

кали. Хотя Ксения никогда не имела особых симпатий к царским особам и культ императорской фамилии был ей чужд, внезапное вмешательство во внутреннюю жизнь института, да еще как-то исподтишка, трусливо, когда институтки были на принудительной демонстрации, покорило ее и возмутило. Но все это было только началом, с приходом большевиков в Харьков институт был закрыт, институтки разъехались, и Ксения с матерью переехали, в надежде увидеться с отцом, в Киев, где тогда господствовали «самостийники» и немцы. Весной 1919 года Киев был вновь занят красными. Отец, с которым увидеться не удалось, уехал до этого к белым, на Северо-Западный фронт, к генералу Юденичу, а мать была арестована киевской Чекой как заложница, жена уехавшего белого офицера. Ей удалось бежать: выпрыгнуть из открытого в жаркий день окна первого этажа чрезвычайно, реквизированного особняка на одной из улиц Киева, когда караульный повернулся и пошел в другую сторону, все это среди белого дня. Ее отсутствие обнаружили, и чекисты бросились ее искать в доме, где она жила с дочерью Ксенией. Но, конечно, ее там не нашли, она к себе не вернулась, но скрылась у соседей. Тогда чекисты захотели взять заложницей Ксению, но жильцы дома умолили их оставить Ксению как малолетнюю, ей было тогда 12 лет, им на поруки, пока мать не вернется. Чекисты уступили, но грозили, что расстреляют мать на месте, если ее найдут. И, действительно, каждый день приходил красноармеец, спрашивал, где девочка, обедал за счет жильцов и, убедившись, что она не убежала, уходил, — каждый день другой красноармеец. Все же Ксении удалось повидаться один раз с матерью у знакомых, она постоянно меняла место, где скрывалась, это был период крайнего обострения красного террора в Киеве перед приходом белых. Ксения была поражена, как мать изменилась, похудала, изнервничалась. Наконец, в августе 1919 года пришли белые генерала

Деникина, мать вышла из своего «подполья» и радостно встрети-лась с дочерью.

К этому времени почти вся Украина была очищена от крас-ных, и мать Ксении решила вернуться с дочерью в Харьков, где вновь открывался Девичий институт, съезжались институтки с родителями и звали Ксению вернуться и продолжать учение. Казалось, все налаживалось, но, увы, ненадолго. Наступающая красная армия приближалась к Харькову, в городе началась спешная эвакуация, все бежали, кто мог, спасаясь от большеви-ков. В конце ноября 1919 года Харьков был взят ими. В тяжелых условиях зимнего времени был эвакуирован, сначала на Дон, а оттуда в Новороссийск, весь харьковский институт, преподава-тельский персонал и институтки, по дороге к ним присоединил-ся и донской институт из Новочеркасска. Никто не принуждал их уходить от красных, все институтки были эвакуированы с со-гласия их родителей и их самих, только один батюшка явился на харьковский вокзал перед отходом поезда и стал громко вопи-ять: «Где моя дочка? Верните мне мою дочку, никуда я ее не от-пущу!» Ее, разумеется, сразу ему отдали. В Новороссийске, пе-ред приближением красных, институт был погружен на пароход Добровольного флота «Афон» и вывезен в Варну, в Болгарию, а оттуда, по железной дороге в Новый Бичей, в Югославию, где в братской стране им было предоставлено королем Александром подходящее помещение в бывшей венгерской школе. Все это пу-тешествие от Харькова до Югославии протекало в тяжких усло-виях зимнего времени, разрухи, эпидемии сыпного тифа, инсти-тутки приехали грязные, покрытые насекомыми, только в Варне удалось им помыться, но милостью Божией Ксения и ее подруги, и институтское начальство с преподавателями доехали благопо-лучно. Мать Ксении, проводившая ее в Новороссийске до паро-хода, не захотела уехать с ними, так как ничего не знала о своем

сыне Сереже, пропавшем без вести. Он «бежал» шестнадцатилетним юношей на фронт из кадетского корпуса сражаться добровольцем против красных. Как выяснилось потом, он умер от сыпного тифа при отступлении, и мать ничего не знала о нем и осталась, надеясь помочь ему. Когда Ксения узнала о его смерти в Югославии, она очень горевала о любимом «братике». Мать ее вернулась из Новороссийска в Харьков, где вскоре и умерла, о чем Ксения узнала в Югославии во сне. Она увидела свою мать, вставшую из занесенной снегом могилы и сказавшую ей: «Я умерла, но жива». Позднее пришли известия из России, подтверждавшие ее кончину зимой в Харькове. Отец Ксении, Владимир, к тому времени уже полковник, как быстро бывало у белых, попал после неудачи Северо-Западного фронта в Эстонию. После кончины жены он женился во второй раз, о чем Ксения узнала в Югославии. С тех пор она потеряла с ним всякую связь и осталась на Западе без родных. Ксения любила своего отца, но была огорчена его вторым браком, да он и не проявил инициативы ее разыскать и ей написать. С тех пор он несомненно для нее умер.

Институт возобновил свою деятельность в мирной обстановке в Новом Бичее. Ксения, ей было тогда 14–17 лет, от природы умная и способная, училась успешно, хотя неровно, она прекрасно преуспевала по русскому языку, литературе и истории, хорошо писала сочинения, так что, например, на выпускном экзамене умудрилась написать три сочинения, одно себе, два других — своим, менее успевающим, подругам, но отставала несколько по математике. Любила Достоевского. Уже тогда в ней стали проявляться духовные стремления, желание молитвы, уединения. Посещая однажды вместе со своей подругой одно кладбище, где она любила молиться о покойниках, она услышала за собой голос, дважды явственно позвавший ее по имени: «Ксения! Ксения!»

Она сразу почувствовала, что это голос Христа. Резко обернувшись, она, однако, никого не увидела, да и подруга ее ничего не слыхала, но призыв Христов остался для нее на всю жизнь, и она пребыла ему верна. Окончив институт с аттестатом зрелости и переехав в Белград, Ксения в трудных эмигрантских условиях того периода искала работы и, не найдя более подходящего, вынуждена была поступить на женскую мануфактурную фабрику. Работу саму по себе она переносила терпеливо, но ее болезненно огорчали грубость нравов и сквернословие, которые царили на фабрике. Промысл Божий, однако, опять проявился над ней. Бельгийский кардинал Мерсье, известный предшественник экуменического движения, много помогавший русским беженцам, пригласил в Брюссель на католическую стипендию группу из четырех девиц, окончивших харьковский институт в Югославии, учиться на курсах сестер милосердия с обещанием места и работы по их окончании. В числе выбранных институток, как наиболее способных, была Ксения. Все они приехали в 1924 году в Брюссель, Ксении было уже 18 лет. Приехавши по железной дороге из Белграда, Ксения со своими подругами явилась в нашу русскую церковь святителя Николая на Шевалье, где их накормили борщом и помогли устроиться, по указаниям кардинала, в одном из католических госпиталей (Лэ де Алис) проходить курсы сестер милосердия, учиться и работать, ухаживать за больными, все это в условиях далеко не легких (например, католические монахини не давали им даже сахара к чаю!). По воскресеньям Ксения ходила в Русскую церковь, там был настоятелем о. Петр Извольский, а позднее — владыка Александр (Немоловский). В госпитале, где Ксения работала, умирающая старая католическая монахиня сказала ей: «Я вижу крест на твоей голове. Ты поступишь в монастырь». — «А другие?» — спросила ее Ксения. «Нет, они не поступят, у них нет креста на голове», — ответила монахиня.

Получив по окончании курса диплом инfirmьерки (медсестры), Ксения проработала около десяти лет в Брюсселе в госпиталях и у отдельных лиц, потом переехала в Париж, продолжая ту же работу частным образом, по вызовам. Много трудилась, старалась помогать людям, но духовная жизнь ее мало удовлетворяла. Все более стремилась к Богу, постилась, подвизалась даже так, что серьезно заболела и попала в госпиталь, но по Божьей милости выздоровела и вернулась к обычным трудам, но, ища безмолвия и молитвы и не находя их в мирской суете, бросила все и уехала в существовавшую тогда в пятидесяти километрах от Парижа женскую монашескую обитель Розе-ан-Бри, в начале, скорее, в качестве гостыи, а потом так и осталась там жить. Это было в самом начале Второй мировой войны, в декабре 1939 года, когда Ксении было 33 года. Перед отъездом в обитель она раздала знакомым свои вещи и даже деньги, так что за проезд на автобусе до обители ей не хватило заплатить, добрый незнакомый пассажир заплатил. Так она внутренне была готова бросить мир, хотя сознательное решение пришло не сразу.

Обитель в Розе-ан-Бри была небольшой монашеской общиной в юрисдикции митрополита Евлогия (Георгиевского), тогда экзарха Патриарха Константинопольского. В ней спасалось около пятнадцати монахинь и послушниц из русской эмигрантской среды с игуменьей матерью Меланией (Лихачевой) во главе. При обители был приют для престарелых и больных женщин, сестры, помимо ежедневных богослужений, ухаживали за старушками, готовили всем пищу и вообще всецело обслуживали и кормили своими трудами всю обитель с приютом, что при тогдашней скудости и отсутствии социальной помощи в виде пенсий, как теперь, было очень трудно. Сестра Ксения, со свойственным ей самоотвержением и усердием, принялась за работу, готовила обеды на тридцать человек, мыла по одиннадцати раз пол, чтобы

он «блистал», и особенно ухаживала за больными, беспомощными и часто неопрятными старушками, за что они ее очень любили, были ей благодарны и, как говорится, «души в ней не чаяли». Медицинскую опытность послушницы Ксении ценила и мать игуменья, но с ней были другие трудности. Человек практического склада и деятельного, даже делового характера, без опыта в монашеской жизни, как выразился о ней митрополит Евлогий в своей книге, игуменья Мелания при всем своем благочестии, любви к богослужению и церковному строю не была склонна к созерцательной жизни, к умной молитве, святых отцов мало знала и еще менее любила и препятствовала сестрам их читать. Вернее, из аскетических писателей любила только Авву Дорофея и единственной монашеской добродетелью считала только послушание, а все остальное — Иисусова молитва, Добротолюбие в особенности, монахиням, по ее мнению, не нужно, даже вредно, мешает трудиться. Такая настроенность, конечно, расходилась с духом сестры Ксении, послушной и самоотверженной, несомненно, но созерцательной и даже мистически настроенной от юности и жаждущей читать отцов аскетов, их изречения и поучения в древних патериках. Эти духовные книги, которые так неохотно давала сестре Ксении игуменья Мелания, хотя и не запрещая формально, но ворча при этом: «Какая ты, Ксения, неприятная» — давал из обительской библиотеки один из иеромонахов, отец Димитрий, служивший в обительской церкви. У сестры Ксении был острый и живой ум с большим вкусом и самостоятельностью суждений, и чтение было для нее духовной потребностью. Неудивительно, что через некоторое время ее прозвали «ходячий патерик», как еще в юности подруги именовали ее «Ксюта-философ». Еще другая трудность возникла у нее вскоре по поступлении в обитель. Игуменья Мелания, воспитанная в традициях Синодального периода, считала, что при-

чащаться Святых Тайн нужно редко, всего несколько раз в год, монахам, правда, несколько чаще, но все же не часто, только одна игуменья может причащаться на каждой воскресной литургии. Для послушницы Ксении частое причащение было жизненной потребностью, литургия — основным богослужением и причащение на ней — ее смыслом. Естественно, тут могло возникнуть напряжение между игуменьей и послушницей, хотя обительский духовник был на ее стороне, но не имел достаточного авторитета, сама сестра Ксения своего огорчения не высказывала. Вмешался, однако, сам митрополит Евлогий и всецело поддержал сестру Ксению, сам стал ее духовником и благословил ее причащаться на каждой литургии. Эту заповедь будущая монахиня Екатерина сохраняла всю свою жизнь. Так, в трудах и молитве, и несении обительского послушания, протекала жизнь сестры Ксении (еще не постриженной в монашество) в военные годы. Особых бедствий, кроме резко усилившихся продовольственных трудностей, обитель в Розе-ан-Бри не испытывала. Сестра Ксения от времени до времени ездила в Париж исповедоваться митрополиту Евлогию. Она очень любила его как духовного отца, понимающего женскую душу и женское монашество. Когда в прошлом он был в России епископом Холмским, он был духовником двух женских обителей. Высоко ценила его, как человека с добрым сердцем. И он сочувственно говорил ей: «Держись монашества, которое так подошло к тебе и полюбилось твоему сердцу». После войны, осенью 1945 года, произошло радостное для русских православных людей на Западе событие: митрополит Евлогий со всей своей западноевропейской паствой и духовенством вернулся в Русскую Церковь, Московскую Патриархию. В этом был прежде всего его личный подвиг и святительский труд, последовать за ним не все имели мужество. Перешла вместе с митрополитом Евлогием и обитель Розе-ан-Бри с игуме-

ншей Меланией во главе, но, как показало будущее, без убеждения. А сестра Ксения всею душой радовалась своему возвращению в нашу Церковь и еще больше чувствовала себя духовно связанной со своим «старцем», владыкой Евлогием. Но все это продолжалось недолго. Митрополит Евлогий летом 1946 года тяжело заболел и в августе скончался. Когда его болезнь обострилась, к нему, по его желанию, была вызвана сестра Ксения ухаживать за ним. Она была при его кончине и сама закрыла ему глаза. После его погребения на кладбище Сент-Женевьев, на котором она присутствовала, сестра Ксения вернулась в Розе-ан-Бри, но скоро разразились события. В октябре 1946 года епархиальное собрание на рю Дарю порвало с Московской Патриархией и признало своим возглавителем митрополита Владимира, назначенного Константинопольским Экзархатом. Так поступила и игуменья Мелания и настаивала, чтобы и сестры в Розе-ан-Бри поступили так же. Они так и поступили, но для сестры Ксении это было неприемлемо — и как измена Русской Церкви, и как оскорбление памяти митрополита Евлогия, особенно когда игуменья Мелания, потеряв самообладание, стала кричать на нее: «Твой владыка Евлогий вышел из ума, перешел в Москву, он был сумасшедший!» «Я не могу вынести таких оскорблений моего духовного отца», — отвечала сестра Ксения. «Смотри, ты сама вылетишь из обители, — кипятилась игуменья. — Потом пожалеешь. Обратного не приму, иначе как через покаяние!» Но сестра Ксения не оробела, не пожалела трудов и лет, проведенных в служении обители, но, собрав свои пожитки, в тот же день уехала в Париж, не обращая вспять. Впоследствии мать Мелания очень жалела об уходе сестры Ксении, т.к. она потеряла такую незаменимую помощницу по уходу за старушками, и даже писала ей, прося вернуться: «В каждом семействе бывают такие столкновения, не надо на них обращать внимания! Вернись, тебя ждут!»

Но раз порвавши, сестра Ксения не могла согласиться и даже не ответила. И только приехала по письменному приглашению обители на отпевание игуменьи Мелании, когда та скончалась. Очутившись буквально на улице, без средств и без жилья, сестра Ксения явилась сразу в наше патриаршее Трехсвятительское подворье на улице Петель в Париже и рассказала, как ее «выгнали» за церковную правду. Настоятель подворья, архимандрит Николай (Еремин), будущий Экзарх Западной Европы, смог тотчас устроить ее ходить за старой лежачей вдовой нашего священника, оставшейся без присмотра. Без содержания, конечно, а только за помещение и еду. Сестра Ксения поселилась с ней в одной комнате, спала на голом полу, пищу приносила сама из подворья на двоих. Туда же ходила ежедневно в церковь, это было близко, никогда не хотела пропускать богослужений. Через несколько месяцев старушка скончалась, и сестра Ксения лишилась комнаты. По благословию архимандрита Николая она поселилась тогда при монашеской общине, группировавшейся вокруг Успенской церкви при русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа, под Парижем, и там же находившемся русском Старческом доме. Настоятелем храма был протоиерей о. Лев Липеровский, директрисой дома княгиня Антонина Львовна Мещерская, духовником монахинь архимандрит о. Софроний (Сахаров), приехавший недавно с Афона, автор книги об афонском схимонахе о. Силуане. На сестру Ксению сразу было возложено послушание — ходить за больными и престарелыми в Старческом доме, занимать их чтением, читать Псалтирь над покойниками, печь просфоры и прислуживать в церкви. Особенно любила она читать над покойниками, молилась и плакала при этом. Ее духовник, о. Софроний, предписывал ей, помимо обычных церковных богослужений, в желании усилить в ней покаянный и созерцательно-молитвенный дух, по два часа в день творить в

церкви Иисусову молитву, простираясь лицом к полу и обливаясь слезами, так что весь подрясник становился мокрым. Это был нелегкий труд, хотя в то время она была еще в силах и могла переносить такие «подвиги», даже любила их. Как и раньше, она старалась читать святоотеческие творения, особенно патерики. Ютилась она в какой-то каморке при Успенской церкви. Церковный сторож, получавший для себя и для сестры Ксении пищу из Старческого дома, отдавал ей только половину полагавшейся ей порции, говоря, что иначе ему не хватит вечером для его собаки. Сестра Ксения терпела и никому не жаловалась. В эти годы (1949–1951) сестра Ксения была, по инициативе настоятеля Успенской церкви, протоиерея о. Льва Липеровского, пострижена в рясофор и получила имя инокини Екатерины в память известной игуменьи Екатерины, много потрудившейся в деле возрождения женского монашества в Западной России (в миру графини Ефимовской). Отец Лев желал ее пострижения, ценя ее духовную зрелость и так как она, как постриженная, могла бы прислуживать в алтаре. Сама она давно уже всею душою стремилась к монашеству, но по иноческому послушанию не хотела проявлять своей воли. Пострижение совершил ее духовник, иеромонах о. Авраамий, в церкви архимандрита о. Дени (Шамбо) на улице Аллерэ в Париже, где находился французский православный приход. При постриге инокиня Екатерина, в покаянном чувстве, умилении и благодарности Богу плакала навзрыд, обливаясь слезами. Но новые перемены происходят опять в ее судьбе. В результате долгого процесса во французских судах и печальной небратской вражды к Русской Церкви, церковь Успения Божией Матери, где покоятся останки экзарха Патриарха Московского митрополита Евлогия, была отторгнута от Русской Церкви и включена в Константинопольский Патриархат. Только церковь в Старческом доме осталась за нами. В связи с

этим инокиня Екатерина должна была уехать из Сент-Женевьева, она жила при церкви и была приглашена в 1953 году архимандритом Николаем, вскоре митрополитом и экзархом, поселиться на Трехсвятительском подворье, помогать в церковном служении (она прекрасно читала по-церковнославянски в церкви часы, паремии, никогда не ошибалась в ударениях, что так важно в монашеской среде, и вместе с тем, обладала приятным, благоговейным и церковным голосом. (На ее красивое чтение обратил внимание проезжавший через Париж Экзарх Средней Европы митрополит Одесский Борис). А также её благословили печь просфоры не только для петельской церкви, но и для других парижских храмов нашего Экзархата. В обязанности инокини Екатерины также входила покупка и изготовление пищи для монашеской братии, жившей в те годы на Трехсвятительском подворье, медицинская помощь ей в качестве медсестры, что они очень ценили. И своим присутствием она даже поддерживала порядок на подворье. «Матушка, она строгая!» — как выражался старый петельский монах, отец Тихон. Через некоторое время, в 1953–1954 году, она была пострижена в мантию с сохранением имени Екатерина. На этот раз, не желая проявлять свои переживания перед людьми, она усердно молилась, чтобы Господь дал ей силы удержаться от плача. И Господь дал ей это, она не плакала при постриге. Ее постриг в мантию был совершен иеросхимонахом отцом Савватием (Терешковым) в присутствии владыки Николая (Еремина) в одной из келий Богословского Института, где о. Савватий тогда жил. А жизнь монахини Екатерины продолжала протекать в том же монашеском духе с неуклонным пребыванием на всех ежедневных петельских богослужениях, тогда очень длинных, хотя с годами ее силы начали слабеть и ей становилось все труднее выдерживать службы. На одной из Божественных Литургий, когда она, как обычно, под-

ходила ко Святому Причастию, ее внезапно и мгновенно, как молния, озарил внутренний Свет, как об этом пишет преподобный Симеон Новый Богослов. Об этом она один раз сказала своему духовнику и больше не любила об этом вспоминать или говорить. Зато часто, в порядке возложенного на нее послушания, она должна была выбегать из церкви, когда звонил телефон, этажом ниже. Как хорошо говорящая по-французски, она была более способна его принимать, чем большинство монахов, ей это поручали, а звонили не раз и важные лица по церковным делам. Но не только отвечать по телефону умела монахиня Екатерина, а исполнять и более ответственные послушания. Как хорошо сказал о ней архимандрит о. Дени (Шамбо), несомненно умный и разбирающийся в людях православный француз, когда одна православная дама, тоже француженка, попав в Локарно в протестантский дом отдыха для духовенства, наговорила там от имени православных всякую «экуменическую чушь»: «Вот за монахиню Екатерину, если бы ей пришлось быть в инославной среде, стыдиться нам за нее не пришлось бы. Она всегда знала, что сказать и как сказать. Церковь Православную не посрамит!» Живя, как всегда, богословскими интересами, но без излишнего углубления в догматические проблемы, а настроенная, скорее, духовно-аскетически, она с любовью и пониманием слушала на Петель лекции по догматическому богословию В. Н. Лосского, а также по иконографии проф. Л. А. Успенского, но ни иконографом, ни певчим она не была, так как при всем своем желании и умении помогать людям она сама была беспомощна в жизни.

Предстояли новые перемены в судьбе монахини Екатерины, вернее, проявлялись пути Божия Промысла о ней. С одной стороны, предстоящая постройка владельцами нового дома на месте церкви на улице Петель-Пекле и, в связи с этим, необходимость для монашеской братии переехать в Вильмуасон, под

Парижем, грозили матери Екатерине остаться без помещения при церкви. А с другой, 75-летний архимандрит о. Николай Гиббс, православный англичанин из Оксфорда, в прошлом, в России, преподаватель английского языка наследнику Алексею Николаевичу (в доме о. Николая жил и служил в его домово́й церкви о. архимандрит Василий (Кривошеин)), обратился с просьбой к Экзарху митрополиту Николаю отпустить им в Оксфорд монахиню Екатерину помогать им по церкви и по дому. Отец Василий знал монахиню Екатерину по Парижу с 1956 года и ценил ее духовные и умственные качества, ее церковность, монашеское устройство и преданность Русской Церкви, но прежде всего он попросил благословение своего афонского духовника архимандрита о. Илиана (Сорокина), игумена Русского Пантелеимонова монастыря на Святой Горе, на ее приезд. И это благословение получил. А архимандрит о. Николай (Гиббс) также рассчитывал на хозяйственно-практические способности монахини Екатерины, несколько даже преувеличенные. Как бы то ни было, в феврале 1958 года, в день памяти преподобной Ксении, 24 января по церковному календарю, мать Екатерина переехала в Оксфорд и начала деятельно помогать, прислуживая в церкви и работая по дому. Отец архим. Николай был в общем, конечно, доволен, оценил ее помощь, хотя для него она была слишком образованная, он больше любил «простенки», умеющих хорошо варить борщ, эти вкусы остались у него из жизни в России и в эмиграции на Дальнем Востоке. Но тут новое «осложнение» в судьбе матери Екатерины: в мае 1958 года архимандрит Василий был назначен Московской Патриархией vicarным епископом Волоколамским с пребыванием во Франции, помощником митрополита Экзарха Николая. Перед этим, в декабре 1957 года, когда архимандрит Василий был в Париже на Съезде духовенства нашего Экзархата, его призвал митрополит Николай и сообщил,

что пишет в Патриархию о назначении его, архимандрита Василия, своим викарным епископом с пребыванием в Париже, и спросил его, будет ли он на это согласен? Архимандрит Василий, опасаясь трудностей и ответственности епископского служения и сознавая свою немощь, также свою любовь и привязанность к научно-богословской работе по изданию творений преподобного Симеона Нового Богослова, требующей много времени, не сразу согласился, но посоветовался с монахиней Екатериной, и она твердо высказалась, что его долг согласиться на хиротонию, и это будет на благо Церкви. Тогда архимандрит Василий предоставил митрополиту Николаю самому решать этот вопрос. Соответствующее письмо было написано митрополиту Николаю (Ярушевичу) в Патриархию, и указом Патриарха Алексия и Священного Синода от 28 мая 1958 года архимандрит Василий был назначен викарным епископом, но из-за затруднений с визой во Францию епископская хиротония состоялась только через год, 1/14 июня 1959 года, в Успенском Патриаршем соборе в Лондоне. Совершали ее Экзарх митрополит Николай и епископ Антоний (Блум), будущий Экзарх. Монахиня Екатерина, жившая уже тогда в Оксфорде, как мы уже отметили, приехала в Лондон и усердно молилась в храме во время хиротонии вместе с верующими.

В сентябре 1959 года монахиня Екатерина, ввиду назначения епископа Василия в Париж, вернулась из Оксфорда туда и поселилась при церкви архимандрита о. Дени (Шамбо), на улице Аллерэ, как и епископ Василий, которому она духовно подчинялась, как викарному епископу, и житейски помогала и обслуживала владыку до его назначения летом 1960 года епископом, вскоре архиепископом Брюссельским и Бельгийским, с переводом в Брюссель как место служения. Но до февраля 1968 года она туда не переезжала, а продолжала жить в Париже на Аллерэ,

нося свое послушание. В эти годы архиепископ Василий был занят изданием по рукописям Огласительных Слов преподобного Симеона Нового Богослова и должен был часто по условиям этой научно-богословской работы приезжать из Брюсселя в Париж, где и останавливался на Аллерэ. Там монахиня Екатерина ему помогала. В этот период она чаще всего, особенно когда архиепископа Василия не было в Париже, ходила в церковь в Ванв и причащалась там Святых Тайн у о. архимандрита Сергия (Шевича) — там она находила более близкую ей духовную атмосферу, чем на Петель. Бывала также на богословских докладах на Трехсвятительском подворье в Экзархате или на собраниях экуменического характера, живо ими интересовалась, иногда критически, когда они были слишком даже «икуменичны». У нее были знакомые католические монахини, и она много им рассказывала о Православии. На Аллерэ встречалась с митрополитом Никодимом, когда тот бывал в Париже. Он оценил ее церковный дух, тактичность и тонкий ум. Он ее приглашал посетить монастыри и святыни Русской Церкви на родине, но она отказалась. По слабости здоровья ей уже было трудно выдерживать длинные службы, а не бывать на них ей, как монахине, было недопустимо, да и теряется в таком случае смысл паломничества.

В 1969 году, переехав по благословению и приглашению архиепископа Василия в Брюссель (дом в Париже после кончины архимандрита о. Дени (Шамбо) продавался), монахиня Екатерина была устроена в нашем церковном доме на улице Шевалье, сначала на мансарде, а потом, после острого заболевания артрозом колен (припадок этот случился с ней, когда она несла по улице тяжелую ношу в наш дом), на верхнем его этаже, где раньше жил покойный протодиакон Николай Друганов. Жизнь ее продолжала идти в общем по-прежнему, только с более тяжкими трудами из-за возраста и болезней. Хождение в нашу церковь

Святителя Николая, причащение Святых Тайн на каждой литургии, прислуживание в алтаре. А также, в меру сил, посещение богословских бесед, интересных или важных для Церкви. И, конечно, молитва и труды. В первые годы по приезде она много читала на клиросе, особенно в рабочие дни, когда многие не могут бывать в церкви. Читала, как и раньше, хорошо. Помнится, как однажды, в Великую пятницу, она читала паремию на вечерне, на выносе Плащаницы. Но вообще она избегала выдвигаться вперед, только ради послушания. Потом читать ей стало трудно, да и нашлись более молодые продолжательницы. Хотя она отнюдь не была патрологом-специалистом и таковым себя не считала, но достаточно много читала святых отцов. И не только отцов-аскетов, патерики, но даже богословов, как, например, Иоанна Златоуста, Игнатия Антиохийского, Афанасия Александрийского, Григория Нисского. Была три раза, пусть даже по знакомству, приглашена на Съезд патрологов в Оксфорде (в 1959, 1963 и 1967 гг.), там докладов, конечно, не читала, но участвовала в прениях. Больше всего любила творения прп. Симеона Нового Богослова, перечитывала книгу о нем в последние свои годы несколько раз. Образовался у нее в Брюсселе круг знакомых католических монахинь, близких к Православию или приближающихся к нему: мать Колумба Аалу из Общины Воскресения под Намюром, на нее, за ее склонность к Православию, косно смотрели шевтонские католические монахини; немецкая ученая бенедиктинка Юдит Крахе, написавшая работу об апофатическом богословии, ученица известного литургиста Одо Казель. Несколько особое место занимала итальянка мать Фавста, знакомая многих русских архиереев с митрополитом Никодимом во главе, ей матушка Екатерина не вполне доверяла, чувствовала какой-то униатский дух. Но больше всего, конечно, любила и ценила нашу прихожанку, чтицу и певчую Трифену Степановну Орлову за ее

монашескую настроенность. При всей своей непоколебимой твердости и любви к Православию в его полноте, мать Екатерина была доброжелательна к духовным проявлениям даже в инославии. Так, она любила известного католического священника прошлого века кюре Д-Арс за его покаянный дух и настаивание на исповеди. Вообще, монахиня Екатерина была по своему духовному складу более мистична и евхаристична, нежели просто любительница обрядов и уставщица, хотя церковные службы она, конечно, любила.

Монахиня Екатерина была всегда слабого здоровья, легко нервно переутомлялась, но в последние восемь лет ее жизни состояние ее здоровья резко ухудшилось. В январе 1974 года она внезапно заболела артрозом колен, возвращаясь, как мы уже отметили, по улице домой с тяжелой ношей, и должна была провести свыше восьми месяцев в госпитале. По выздоровлении вернулась в церковный дом к прежнему образу жизни, носить стала меньше, опять ненадолго заболела и опять вернулась служить церкви и людям. Особенно ее мучили внутренние боли в ногах и спине. Она жила на верхнем этаже, дом был весь на лестницах, без лифта, и ей приходилось, всей скрученной и хромой, с палкою в руках, спускаться в церковь на литургию. Каждый раз она с трудом подходила ко Святой Чаше и, если не было других причастников, сама громко читала молитву перед причащением. От боли и опасаясь оступиться, спускаясь по лестнице, она молитвенно вопияла вполголоса: «Пресвятая Богородица, спаси и помоги!» В последний раз она так причащалась, с обычными трудностями спустившись по лестницам, в воскресенье, 6/19 сентября 1982 года, в день Воспоминания чуда святого Архистратига Михаила, в день ее рождения, когда ей исполнилось ровно 76 лет. Через три дня она внезапно заболела каким-то внутренним недугом, доктор не нашел ничего особенно опасного, прописал лекар-

ства, но ее силы все больше ослабевали, она не могла подходить от койки к столу, но сознание оставалось ясным. В субботу, 25 сентября, она как-то заметалась, ощущая внутренний жар («Я вся горю»), и с глубоким вздохом испустила дух. Было явно ощутительно, что сама душа, весь человек оставил нас и скончался. Вызванный дежурный доктор констатировал смерть, и пришедший через некоторое время лечивший ее другой доктор сказал, что, вероятнее всего, смерть случилась от мозговой спазмы, так как непосредственной близости смерти не было ощутимо. Архиепископ Василий, бывший при ее кончине, закрыл новопреставленной глаза, а собравшиеся друзья и прихожане облачили монахиню Екатерину в монашеские одеяния и отслужили по ней первую панихиду. В тот же вечер после воскресной всенощной другая панихида была отслужена у тела покойной, а на следующий день, в воскресенье, 26 сентября, панихида была отслужена в нашем кафедральном соборе Св. Николая архиепископом Василием в сослужении с иеромонахом Фомой, настоятелем Обители Божией Матери в Первэйзе во Фландрии. Тело монахини Екатерины было положено во гроб и перенесено в храм. Отпевание имело место после праздника Воздвижения, в среду, 29 сентября, по заупокойной литургии в том же храме Святителя Николая. Совершали его архиепископ Василий в сослужении с архимандритом о. Иосифом (Ламин), иеромонахом о. Фомой, священником о. Жери Лемер и протодиаконом о. Сергием Рейнгардом в присутствии большого количества верующих. Пришел и католический священник Мари-Жозеф, давно с нами знакомый и ценивший покойную, а также ее друзья, намурские сестры с их начальницей, матерью Колумбой. На гробе среди других венков был положен венок с надписью: «Сестре моей духовной и верному другу о Господе, Матушке Екатерине, благодарный архиепископ Василий». Гроб с телом покойной был отвезен архиепи-

скопом Василием, духовенством и друзьями на кладбище Иксель в Брюсселе, где покоятся многие из наших прихожан, и погребен в склепе архиепископии. Общая надпись над плитой склепа: «Помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем».

Глубоко и сознательно православная, жизненно привязанная к духовным преданиям нашей веры, матушка монахиня Екатерина была, однако, чужда какого бы то ни было ханжества или фанатизма, или подавления духа буквою. Ее отличительной чертой была доходящая до самопожертвования преданность и сердечная любовь к своим духовным наставникам и отцам, и к Церкви Христовой. Свою верность ко Христу, Солнцу Правды, она хранила всю свою жизнь, сквозь скорби и испытания.

Господь наш Иисус Христос да упокоит душу верной рабы Своей, матушки Екатерины, с праведниками во Свете Своего Воскресения.

Брюссель, 1985 г.

«Оставьте детей приходить ко Мне и не препятствуйте им»

Ответ архиепископа Василия (Кривошеина) на интервью архиепископа Питирима (Нечаева) агентству печати «Новости», передававшийся Би-Би-Си в ноябре 1974 года и опубликованный 30 января 1975 года в газете «Русская мысль», Париж

Высказывания архиепископа Питирима в его интервью с сотрудником советского агентства «Новости» Кирсановым меня очень удивили, потому особенно, что владыка Питирим известен мне как духовно настроенный, благочестивый архиерей монашеского духа и, вместе с тем, как культурный и богословски образованный человек. Мне трудно понять, как православный архиерей мог утверждать, будто Русская Православная Церковь потому не занимается «карикативной», т.е. благотворительной, деятельностью, оказанием помощи людям, находящимся в нужде, что якобы: «такая деятельность (вообще несущественная и нехарактерная для Церкви) если и имела смысл в прошлом, то теперь, когда советское государство всецело обеспечивает нужды населения, стала излишней и бессмысленной» (слова вл. Питирима (Нечаева)).

Но если это так на самом деле, то меня удивляет, почему можно видеть в СССР такое множество нищих, просящих около церквей милостыню именем Христовым?

Дело, однако, не только в этом, а и в том, что никакое государство, ни при каком общественном строе, не может всецело обеспечивать все нужды населения, ибо государство всегда —

бездушная машина, ему по природе своей трудно заботиться об отдельном человеке с его личными, единственными для него нуждами, как материальными, так и духовными.

Церковь же, как живой Богочеловеческий организм, способна услышать нужды и прислушаться к беде в несравненно большей степени. Вот почему Церковь Христова, верная своему призванию, с самого начала своей истории, с апостольских времен, как об этом свидетельствует книга Деяний Апостольских, всегда заботилась и помогала бедным, вдовам, больным, страждущим, была им милостивою матерью и старалась придавать этому милосердию личный характер.

Так было в Византии, так и в Древней Руси. И никто не убедит Церковь сойти с этого пути, ибо это путь Христов, путь милосердия и любви. Отказаться от него было бы отречением от Христа. И вместе с тем, христиане знают, что всюду и всегда были и будут страждущие, нуждающиеся, бедные люди, как об этом сказал Сам Христос: «Бедных всегда имеете с собою» (Мф. 26, 11).

Еще большее, однако, смущение вызывает дальнейшее заявление владыки Питирима (в том же интервью), что Православная Церковь в СССР потому не занимается преподаванием религии несовершеннолетним, что это было бы духовным и моральным насилием над их совестью и личностью!

Я отвечаю, что такое утверждение может быть понятно, если стать на марксистскую атеистическую точку зрения на человека. Для марксиста религия — всегда насилие, нечто чуждое человеку, подавляющее его, но для христианина, верующего согласно со Священным Писанием, что человек создан по образу и по подобию Божию, познание своего Творца, вера христианская, не только не подавляет человека, но дает ему осознать свою личность, раскрыть ее, как Богоподобное творение Божие, как сына

Божия по благодати усыновления. «Познайте истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 22), — говорит Христос в Евангелии от Иоанна.

«Душа человека по природе христианка», — сказал апологет второго века, Тертуллиан. И вера христианская дает человеку осознать свою подлинную природу.

Это верно по отношению ко всем людям, но особенно к детям и юношам. Они особенно нуждаются в свете Христовой веры. «Оставьте детей приходить ко Мне и не препятствуйте им» (Мк. 10, 14), — повелел Христос апостолам, которые пытались не допускать их к Нему. И эта заповедь относится ко всем христианам, а к епископам Церкви Христовой в первую очередь. Не понимаю поэтому, как может православный епископ утверждать противоположное: «Мы не должны учить детей и юношей вере, это насилие над личностью!»

Можно было бы понять, если бы владыка Питирим сказал: «Советское законодательство о культах запрещает обучение несовершеннолетних религии, как оно запрещает и всякую церковную благотворительность, мы не можем ни изменить, ни нарушать эти законы, лбом стенку не прошибешь, мы вынуждены подчиняться им во избежание еще больших бед для Церкви, вот почему мы не преподаем веру несовершеннолетним и не можем помогать бедным». Но одно дело подчиняться по необходимости, а другое оправдывать такое запрещение, восхвалять его, делать из трагической необходимости добродетель.

На это, однако, возражают: «Вам легко нас учить из-за границы. Разве Вы не знаете, что при советском строе говорить правду невозможно?»

«Совершенно верно, — отвечу я, — но тогда, как сказано в одном церковном песнопении, "удобнее молчание", то есть лучше молчать совсем, взять на себя "подвиг молчания", чем давать

такие интервью, неизвестно кому нужные, но во всяком случае не Церкви».

Нет, надо называть вещи своими именами: запрещение Церкви обучать детей и юношей вере есть насилие над нею, попрание ее прав и вместе с тем попрание прав человека и гражданина, прав верующих, охраняемых Международной Конвенцией, подписанной советским правительством. В этой Конвенции определенно говорится о праве верующих не только исповедовать свою веру, но и об их праве учить ей, обучать детей религии их родителей. И нельзя оправдывать такое запрещение отделением Церкви от государства.

Лично я — убежденный сторонник такого отделения и думаю, что в нашу эпоху это лучший (или во всяком случае наименее плохой) выход из современных трудностей! Но истинно подлинным отделением может быть только такое, если само государство нейтрально по отношению к религии. Ни «за», ни «против»; не помогает, но и не препятствует.

Но если оно активно антирелигиозно и всеми средствами борется с верою, то это уже не отделение, а пародия на него и насилие над Церковью и верующими силою принудительного государственного аппарата. Это не значит, что мы, православные христиане, стоим за то, чтобы в государственных школах религии принудительно обучали детей (как это было в старое время), но чтобы сама Церковь имела бы возможность свободно организовывать и осуществлять религиозное обучение своими средствами, если этого желают верующие родители или сами юноши.

В заключение скажу: руководителям советского государства следовало бы, в их же собственных интересах, быть больше реалистами. Они должны понять, что Церковь можно силою заставить молчать и даже иногда принудить, в лице ее отдельных представителей, «поддакивать» тому, что она внутренне отвергает,

но что она никогда не откажется от права и обязанности «проповедовать Евангелие всей твари» (Мф. 16, 15) и не примирится с таким насилием над собой, ибо она помнит слова Писания: «Повиноваться должно более Богу, чем людям» (Деян. 5, 21).

И такое насилие будет источником непрерывных и никому не желательных столкновений и конфликтов между верующими, атеистами и государством. А веру Христову все равно искоренить не удастся, ибо «сия есть победа, победившая мир — вера наша» (1 Ин. 5, 4).

Примечание:

«...Советское законодательство о культах запрещает обучение несовершеннолетних религии, как оно запрещает и всякую церковную благотворительность», — дело обстояло именно так согласно статьям 9–13 Постановления «О религиозных объединениях» от 08. 04. 1929 г.

Несколько проповедей архиепископа Брюссельского и Бельгийского Василия (Кривошеина)

Собрание из нескольких проповедей, включая их отрывки, обретает своего читателя спустя более 20-ти лет после их произнесения. Записанные близким владыке Василию человеком и одной из старейших прихожанок Свято-Никольского собора в Брюсселе, Натальей Рейнгардт, они впервые были опубликованы на сайте Брюссельско-Бельгийской Архиепископии по благословению ныне возглавляющего ее архиепископа Симона. Надеемся, что эти проповеди, отмеченные монашеской простотой формы, доставят духовную пользу всякому читающему и радость новой встречи с владыкой Василием всем почитателям его огромного богословского и эпистолярного наследия.

«Проповеди, собранные здесь, восстановлены по стенографическим записям, которые я делала для одной из наших прихожанок, не говорившей по-русски. Так как с тех пор прошло более 20 лет, расшифровка сохранившихся у меня листков оказалась очень нелегкой: некоторые были затеряны, иные перемешаны и разрозненны, кое-что неясно. Тем не менее, мне кажется, что я не исказила смысл проповедей, пользуясь не только записями, но и личными воспоминаниями.

В это собрание входят 12 проповедей на евангельские и апостольские чтения. В конце я присоединила четыре отрывка или, вернее, центральные темы, особенно меня поразившие, но раз-

витие которых у меня, увы, не сохранилось; однако, сама мысль говорит за себя.

Как ни скромнен этот труд, я надеюсь, что он что-то дополнит к огромным, уже изданным работам нашего незабываемого Владыки. Да простит он мне возможные, но невольные ошибки, так как сделан этот труд от души. Н. Рейнгардт».

Исцеление слепорожденного (Ин. 9:1–41)

Господь сказал: «Я — свет миру». И действительно, Его слово, с одной стороны, открыло глаза слепорожденному, а с другой — дало познать ему Христа.

Через сегодняшний рассказ Господь указывает нам путь, как познать Его, то есть Бога. И этот рассказ должен служить нам примером. Евангелие объединяет в своих повествованиях действительно происшедшее и его сокровенный смысл.

Рассказ о слепорожденном настолько жив, что мы ясно видим сцену. Однако, в то же время слепорожденный является символом всего человечества. Потому что все мы слепы, потерявши наш облик, схожий с Христовым. Сперва из-за первородного греха, а затем из-за наших личных грехов. Однако, мы опять обретаем его в Таинстве Крещения. Господь, говоря апостолам о слепорожденном, подтверждает, что ни он не виноват, ни родители его. И если этот человек болен, то его болезнь — не прямое наказание за грехи, но последствие греха.

Удивительно то, как постепенно слепой направляется к совершенству познания и исповедания. Он не сразу получает откровение, хотя сразу обретает зрение. Он ещё не верует, но доверяется Тому, Кто первый обратился к нему, не задавая никаких вопросов. И только постепенно он будет исповедовать свою веру.

Господь мог бы сразу духовно исцелить слепого, но предпочитает сперва употребить телесную меру и получить послушание. Слепой сперва слышал о Нем как о человеке, но затем предполагает, что это пророк, посланный Богом и отвечает так фарисеям. Вот уже следующий шаг к познанию. А дальше он не уstraшается фарисеев, возражает им и переносит изгнание. И потому, что он не боится открыто признать это, Господь опять встречается ему на пути и спрашивает: «А ты веруешь ли в Сына Божия?» (Ин. 9:35) И хотя Сам Христос перед ним, он все еще не уверен и спрашивает: «А кто Он?» Тогда Господь открывается ему. Божественное откровение — это высшая ступень. И слепорожденный кланяется Ему и признает Его Христом.

Вот путь, которому мы все должны следовать: открыто исповедовать нашу веру, подтверждая её действиями. И тогда Господь нас найдет Сам, чтобы дать нам жизнь вечную.

Неделя Праотцев (на Мф. 22:1–14)

Мы вступили в подготовительный период к празднику Рождества Христова. Этот период особенно относится к Ветхому Завету, потому что среди предков Христа уже насчитывались святые. Прямые предки перечисляются в Евангелии от Матфея. Но, кроме них, в Послании к евреям апостол Павел говорит и о других ветхозаветных праведниках, которые жили верою, как поется в прокимне: «Благословен еси Господи, Боже отец наших...» Они следовали данному им закону Моисея, но также жили верою в пришествие Христа. И плодом этой веры явилась Пресвятая Богородица, соединившая оба Завета. Апостол напоминает о перенесенных ими страданиях; несмотря на них, они не получили еще спасения, потому что спасение приходит через

Новый Завет и с нашим содействием.

Сегодняшнее Евангелие говорит нам о пришествии Христа и Церкви, которую Он устроит. Пир, предзнаменующий Тайную Вечерю и причастие, предлагается всем, и Господь настойчиво приглашает нас к нему. Однако первые приглашенные не являются, два первых еще извиняются, а третий просто отказывается. И тогда Господь зовет всех страждущих. А так как еще есть место, то и всех грешников. Никому вход не возбраняется, и Господь на всех взирает милостивым оком.

Тем не менее одного из присутствующих Он спрашивает: «Как ты вошел сюда не в брачной одежде?» Но тот молчит, хотя, по правилам тогдашнего гостеприимства, он мог занять любую одежду хозяина.

И тогда хозяин произносит единственное осуждение: «бросьте его во тьму кромешную». В свое время католическая Церковь пользовалась этой фразой, чтобы оправдать инквизицию. Но мы объясняем её иначе. Брачная одежда — не что иное как раскаяние. Господь призывает всех к Себе, но ответить должны мы сами. Только от нас зависит попасть в число избранных, несмотря на наши преткновения и грехи.

Молитвами ветхозаветных праведников, а также христианских святых, особенно же молитвами Пресвятой Богородицы нам дается великая радость принять Родившегося Младенца и ответить утвердительно на приглашение Господа.

Брачный пир (Мф. 22:1–14)

Притча, которая читалась сегодня, содержит несколько значений. Человек, устроивший пир по случаю свадьбы своего сына, есть Бог. Сын Его, приглашая нас на Свой пир, тем самым

соединяется с людьми и объединяет их с Отцом. Пир — это Тайная Вечеря, символ грядущей смерти Христа, через которую мы оживём.

Но как относятся люди к приглашению? Что встречает Господь? Прежде всего, равнодушные, а потом и злобу. Однако приглашаются все: и добрые, и злые. Вход всем открыт, никто не отвергается, за исключением того, кто вошел не в брачной одежде, хотя каждый присутствующий имел право занять у хозяина парадную одежду. А что такое брачная одежда как не раскаяние? Так что, если мы осмеливаемся подойти к великому Таинству Причастия без раскаяния, мы подвергнемся осуждению. Не будем же забывать об этом, и о том, что Господь всем предлагает брачную одежду и Сам помогает облечься в нее.

Богатый и Лазарь (Лк. 16:19–31)

В этой притче надо обратить внимание на ее двойное значение. Господь обращается к народу, который следовал заповедям Моисея, данным Богом. И Он указывает, как часто люди обходят их, тогда как, повинувшись им, можно обрести правильный путь. Повиновение же — это великий дар, который нужно заслужить.

Богатый жил, не заботясь ни о Боге, ни о ближнем. А что сказано в притче о Страшном Суде? Что мерилом Божиим будет то сострадание, которое мы проявим по отношению к другим. Богатый его не проявил и вот, после смерти, он видит, что его отделяет от Авраама пропасть. Что такое пропасть, как не отпадение от жизни вечной? И отпадение это и есть мучение.

Тогда он просит послать Лазаря на землю в уверенности, что явление воскресшего вразумит его братьев. Несомненно, это было бы величайшим чудом. Но разве это чудо уже не произо-

шло? Христос, посланный Богом, явился — и Его не принимают. Так же, как не поверят и Его Воскресению.

Так будем же следовать той заповеди, которую презрел богатый и которую мы так часто сознательно забываем, но которая одна сможет избавить нас от пропасти: любовь, проявляющаяся в сострадании.

Исцеление кровоточивой (Лк. 8:41–56)

Сегодня мы слышали о том, как ко Христу, когда Он шел в дом Иаира, к его умирающей дочери, подошла в толпе больная женщина и коснулась края одежды Его. Характерно для св. Луки, что именно он больше всех говорит о женщинах — начиная с Пресвятой Богородицы — указывая на то, что они являли пример веры. Потому что главное поучение происшедшего в том, что мы спасаемся верою.

Св. Лука, будучи сам врачом, не отрицает значения человеческого лечения. Он подчеркивает настойчивость женщины в ее желании получить опять здоровье.

Христос, конечно, знал всё это и мог бы просто исцелить ее. Однако Он спрашивает: «Кто прикоснулся ко Мне?» Почему? Потому что Он хочет сознательного ответа, благодаря которому женщина будет исцелена не только телесно, но и духовно. Такой сознательный ответ мы должны приносить на исповедь.

Христос прежде всего говорит: «Я почувал силу, исшедшую из Меня». Что это за сила? Сила Духа Святого, Который исходит от Отца и почивает на Сыне, чему множество примеров в Евангелии. А посредством Сына Он передается и нам, как Он передался апостолам во время Пятидесятницы. Но получить Его мы сможем, только если в нас будет действовать желание духов-

ного исцеления. Нам дано прикасаться не к ризе только, а к самим пречистым Телу и Крови Христовым. И для этого Христос просит веры. Как у кровоточивой, как у расслабленного, как у Иаира и его жены, благодаря чему их дочь воскресла.

О сострадании

В своих Посланиях и апостол Иоанн, и апостол Павел говорят о том, что только проявляя сострадание к ближним, мы можем сказать, что мы — христиане. И действительно, когда мы читаем Евангелие, мы видим, что Христос — это воплощенное сострадание. И это сострадание вытекает из любви к людям.

Но, увы, иногда кажется, что оно совсем покинуло наш мир. А без него мы — мертвецы в духовном понятии. Когда Господь говорит вопрошающему: «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов», — Он говорит о смерти духовной и предлагает заботиться о своем спасении.

Мы все — рабы греха и воспринимаем это с поразительным равнодушием. Только вера во Христа может нас разбудить. Но как? Посещением церкви, в которой собрана полнота Христова. Но посещать не по привычке, а со рвением. Христос сказал: «Без Меня не можете творить ничего». Только с Его помощью мы сбросим связывающий нас грех и обретем вновь любовь и сострадание.

На Послание к Ефессянам (6:10–24)

В сегодняшнем чтении из Послания к Ефессянам апостол Павел сравнивает жизнь христианина с жизнью воина и лишней раз

подчеркивает огромное значение веры. Христианин — борец, воин, а воин нуждается во всевозможном оружии и доспехах; они тем более нужны, что христианин ведет борьбу не против людей, а против демонов.

Перечисляя оружие, апостол особенно настаивает на щите веры. Ещё апостолы просили Христа умножить в них веру, так как чувствовали в себе ее недостаток. Однако Христос в ответ говорит про горчичное зерно, указывая на то, что получить этот дар мы должны проявив и собственное усилие.

Апостол Павел говорит и про Истину. Мы должны бороться, чтобы обрести эти две добродетели, но полагаться не на себя, а на Господа. Его слово является нашим мечом, тем мечом, которым мы постигнем совершенную Истину, то есть Самого Бога.

На Послание к Коринфянам (2 Кор. 12:1–9)

Во втором Послании к Коринфянам апостол Павел рассказывает о том, как он был восхищен на небо. Он был в этот момент в экстазе. Некоторые другие святые тоже познали это состояние, как, например, преподобный Симеон Новый Богослов. Человек теряет сознание своего тела, не знает больше, где он находится. Однако св. Симеон говорит, что это состояние дается, скорее, начинающим, потому что, если человек перестает чувствовать свое тело, это потому, что он не может вынести созерцания Бога. Только когда он продвинется, будет дано ему участвовать в радости совершенной.

Но чем заканчивается рассказ апостола Павла? — Словами Бога: «Довольно с тебя Моей помощи, ибо сила Моя в немощи является». И апостол Павел упирает на эти слова: болезни, несчастья... мы должны всё переносить, как перенес их и апостол

Павел. Потому что в этот момент каждый из нас получает благодать Божию. И хоть мы и не можем сравнить себя с этими святыми, помощь, которую мы получаем, не меньше той, что получили они.

Святитель Василий Великий (память 1/14 января)

Сегодня мы празднуем память святителя Василия Великого. Святой, ученый, он оставил нам свои труды — послания и диалоги — которые были изданы и которые мы высоко ценим.

Но мы воздаем ему ещё иную хвалу, потому что для нас он всегда присутствует в литургии, которую он составил, и в которой продолжает молиться за нас. Божественная Евхаристия является беседой с Богом, истинным Православием и тем единством Церкви, за которую так боролся святой, несмотря на все препятствия. Папа Дамасий, с которым он встречался, не пожелал войти с ним в евхаристическое общение и даже порвал всякую связь. И вообще он подвергался всевозможным нападкам. Однако II-й Вселенский Собор встал на сторону св. Василия.

Всё это доказывает, что разногласия в Церкви происходят от поведения личностей. Святой Василий нас учит, как мы можем поддерживать единство, и потому мы особо молимся ему. Во времена святого единство было поколеблено ересью Ария. А в наше время оно страдает не только от безбожников, но и от равнодушия тех, кто именуется христианами. Мы должны всегда помнить, что наше участие в борьбе за единство заключается в смирении и молитве, как смирялся и молился св. Василий.

В Неделю о мытаре и фарисее (Лк. 18:9–14)

Мы вступаем в подготовительный период к Великому Посту. Период столь же радостный, сколь и грустный. Период трудный для тех, кто собирается действительно соблюдать Пост. Однако на первом месте всё же должна стоять радость. Радость, порожденная раскаянием, приносящим нам спасение.

Во время подготовительного периода допускаются ещё послабления в пище, но уже воспитываются в нас те чувства, которыми мы должны руководиться: раскаяние и молитва. Без них всё остальное будет только пустой болтовней, которой, увы, столько в наше время!

Сегодняшняя притча нас учит тому, что есть две молитвы: правильная и неправильная. Неправильной является молитва фарисея, потому что он ставит в центре ее самого себя и вдобавок осуждает других. Мытарь же к молитве присоединяет смирение. И его такая коротенькая молитвочка — настоящая молитва.

Вот вам два вида молитвы. Господь не говорит, что фарисей осуждается, но что его молитва неизмеримо ниже молитвы мытаря.

Святой Симеон Богоприимец пришел во храм по побуждению Святаго Духа, мытарь — по вдохновению Его же. А фарисей пришел в церковь, чтобы показаться. Не так давно такое посещение церкви было распространенным. Слава Богу, что сегодня те, кто стоит в церкви, тем самым безбоязненно исповедуют свою веру. Но все мы должны опасаться ставить себя в центре нашей молитвы, как это сделал фарисей.

Будем же взывать ко Господу, что бы Он научил нас настоящей молитве, и Он даст нам её, так как Он всегда отвечает нам.

Страшный Суд (Мф.25:31–46)

Исповедуя Символ Веры, мы произносим: «Верую... во единого Господа Иисуса Христа... паки грядущаго со славою, судити живых и мертвых». Этими словами мы подтверждаем нашу веру во второе Пришествие и в Последний Суд, о котором Господь Сам нам возвестил. О нем уже говорилось в Ветхом Завете и повторяется в Новом. Ангелы подтвердили его в момент Вознесения. И Господь указал нам на знамения, которые будут предшествовать этому Пришествию.

Но Последний Суд является лишь первым шагом к жизни вечной, о которой св. Иоанн говорит в Откровении: «И увидел я новое небо и новую землю» (Апок. 21:1). Чтобы войти в нее, мы должны пройти через Страшный Суд. Господь нам о нем возвестил, и Церковь напоминает нам сегодня о нем.

Господь не только Сын Человеческий. Хотя Он восприял нашу плоть в ее полноте, за исключением греха, Он и Царь, и Создатель, и Судия. И в Евангелии прямо говорится о том, что Отец предоставил Ему Суд.

Суд будет милостивым. Господь требует от нас только одного: помощи ближнему. Но если мы этого не сделаем, то строгость Господня заклеймит нас словом «проклятый». Есть различие между приговорами: жизнь вечная нам обещана с самого начала, а мука вечная была предусмотрена лишь отпавшим ангелам, и если мы направляемся к ней, то это будет лишь наш личный выбор.

Сколько обещаний содержат заповеди блаженства, а условие только одно: «То, что вы сделали для ближнего, вы сделали для Меня». Мы — младшие братья Христа, и наше отношение к Нему определяется отношением к нашим братьям.

И не надо также забывать, что в первую очередь это отражается на нас самих: то, что мы делаем для других, мы делаем духовно для себя.

Так что будем страшиться строгого приговора, но будем помнить и о великом милосердии Господа. Это то, о чем Церковь напоминает нам при вступлении в Великий Пост.

Прощеное Воскресенье

В предыдущие воскресенья Церковь, посредством читаемых Евангелий, нам предлагала разные добродетели ввиду поста: смирение, раскаяние, любовь. Сегодня она настаивает на обоюдном прощении, потому что это необходимое условие, чтобы Господь простил и нас.

Прощение касается не только личных обид, но также наших общих грехов. Сегодняшнее воскресенье имеет как бы двойное значение, потому что вспоминает и об общем грехе, в котором мы все повинны и к прощению которого Господь указывает нам путь.

Великий пост нам дает возможность измерить то расстояние, которое отделяет нас от Бога. Но этот путь не только скорбен, он также радостен, так как в конце его нас ждет Сам Бог. Мы все — грешники, но Господь ведет нас к Своему Воскресению.

Мое пожелание вам — провести этот пост в страхе Господнем, но не в страхе раба, а в страхе любящего сына, боящегося огорчить Отца.

Главные мысли некоторых проповедей

Совпадение праздника Благовещения со Страстным Пятком

Казалось бы, эти два события несовместимы: одно — такое радостное, другое — глубоко скорбное. Однако если вдуматься, то связь бросается в глаза: начало и конец человеческого спасения.

Весть, которую принес Архангел Гавриил Пресвятой Деве, давно ожидалась Израилем, хоть многие так и не поняли или не приняли ее истинного значения. С высоты Креста Господь не только упразднил грех, но и усыновил, в лице св. Иоанна, род человеческий Своей Матери. В этих двух событиях, к великому Божественному Таинству явления Христа Спасителя на земле, присоединяется и человек, в своей высшей ипостаси, — Богородице, начале и конце, неусыпаемой Молитвеннице за род человеческий.

Преображение Господне

В этот день, после Литургии, Православная Церковь производит освящение плодов. Прежде всего — яблок. Яблоко послужило способом к непослушанию и падению человека. Церковь возвращает ему его достоинство.

Освящается тоже и виноград. Этот плод предвозвещает ту Чашу, которую, испивши за наши грехи, Господь предлагает нам в Причастии.

Вознесение Господне

Многие считают этот праздник грустным. Как! Господь покинул нас и ушел на небо! Ошибочное толкование. Иудея была лишь клочком земли, хоть и избранным. А перед Своим Вознесением Господь обещал апостолам что, в лице Духа Святаго, Он пребудет с нами всюду, где бы мы ни находились, и уже не только Палестина, а весь мир будет освящен Его присутствием.

О новой жизни

В Откровении св. Иоанна Богослова говорится, что всё старое прошло: «Се, творю все новое» (Апок. 21:4–5), новую землю и новое небо. Эта новая жизнь нас соединяет с Богом в Таинствах Крещения и Евхаристии.

В древности евреям дано было обрезание. Разница громадная: обрезание это — обряд, Крещение — Таинство, рождение в новую жизнь. Будем же внимательно следить за тем, чтобы по нашему равнодушию не потерять эту благодать, о которой мы должны непрестанно молиться.

Но как достичь этой новой жизни? Мы должны исповедовать нашу веру, не боясь насмешек, не вдаваясь в толкования тех, кто уверяет, что подход святых отцов устарел. Но также не ставя на первое место то, что второстепенно. На первом месте должна быть любовь, потому что только через неё мы становимся действительно учениками и, более того, братьями Христа.

Примечания:

Проповеди и воспоминания о владыке Василии записаны Наталией Георгиевной Рейнгардт, родной сестрой протодиакона Сергия Рейнгардта

(1932–2006 гг.), старшего диакона вл. Василия (Кривошеина) с 1968 года. Сама Н.П. Рейнгардт долгие годы была псаломщицей храма св. Николая в Брюсселе (кафедральном соборе, в котором служил вл. Василий).

<http://www.archiepiskopia.be/Rus/biblioteka/krivoshein/vk-propovedi.html>

«...Недовольны митр. Антонием за то, что он подал в отставку сразу после своего выступления в пользу Солженицына. На своём заседании 05.04.1974 г. Священный Синод РПЦ, заслушав прошение митрополита Антония от 21.02.1974 г. об отставке с поста Патриаршего Экзарха по состоянию здоровья, поставил освободить его от должности и иметь суждение о назначении Патриаршего Экзарха Западной Европы после праздника Святой Пасхи. Митрополит Антоний предлагал на этот пост митрополита Берлинского Филарета (Вахромеева), Патриаршего Экзарха Средней Европы».

ЖМП.1974г. № 6.С.4

*Письмо владыки Василия
(Кривошеина) митрополиту
Антонию (Блуму) в связи
с высылкой из СССР
А.И. Солженицына*

10 марта 1974 г.

Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему Антонию, Митрополиту Сурожскому, Патриаршему Экзарху в западной Европе.

Ваше Высокопреосвященство,
Дорогой Владыко!

Получил Ваше письмо от 28 февраля с сопровождающими его приложениями (впрочем, я получил всего одну проповедь, а Вы пишете о двух). Постараюсь ответить прежде всего на самое главное, то есть, конечно, на предполагаемую Вашу отставку от должности Экзарха. Конечно, я определенно против, хотя бы по-

тому, что Вас некем заменить и некоторую пользу, благодаря Вашей популярности среди западных инославных, Вы несомненно приносите. Ведь что будет в случае Вашего ухода? Меня Патриархия никогда не назначит, да и я не соглашусь по возрасту. Владыка Петр совершенно не подходит, не пастырская личность, не русский, и к тому же большевизан (его назначение было бы началом советизации Экзархата, он уже сейчас дошел до того, что бывает в посольстве на праздник красной армии). Во всяком случае мы его здесь как Экзарха не примем, а будем просить о непосредственной зависимости от Патриархии. Нечего и говорить, что советский Экзарх еще менее приемлем. Нет у них ни одной подходящей личности, все они не разбираются в положении на Западе, сотрудничать с ними я не смогу и не желаю (хотя бы в вопросе о «Вестнике»). Придется тоже просить о непосредственной зависимости от Патриархии (по принципу: Москва далеко, Париж близко, значит, иго ее будет менее чувствительным).

Поражает отсутствие серьезных мотивов Вашей отставки. Вы выдвигаете два: 1) здоровье; 2) несогласие с линией Патриархии, особенно в вопросе об итальянских приходах. Относительно здоровья я скажу, что все мы болеем (возраст — тоже болезнь, да к тому же неизлечимая), однако все ж таки терпим. Впрочем, я согласен, что возраст и болезнь являются единственными причинами, по которым епископ имеет право просить об освобождении от должности. Но к Вам это, безусловно, не относится, возраст у Вас детский, а то, что Вы в силах постоянно ездить в Голландию и Швейцарию, показывает, что у Вас еще достаточно сил. А если их не будет хватать, не путешествуйте так много, в этом нет крайней необходимости, кроме как в Париж, куда Вы, однако, не ездите. Что касается «линии Патриархии», с которой Вы не согласны, то это не причина подавать в отставку (Вы не митрополит Николай (Еремин)). Ведите упорно

свою линию, а если Патриархия будет недовольна, пусть она Вас увольняет без прошения, а сами не уходите. Я так понимаю образ действия архиерея. Это прежде всего относится к области экуменизма. Далее, насколько я могу понять, поводом к Вашей отставке было совсем не «дело Солженицына», а итальянские приходы. Вы меня удивляете: неужто из-за этих «бандитов» Вы хотите поднимать шум? Да они не стоят того! Почему нигде, где существуют западные приходы, не происходят столкновения с католиками, а только в Италии? Может быть, в Италии католики более лютые, но и итальянские «православные» тоже, вероятно, большие скандалисты. Поэтому очень хорошо, что Вы их отпустили на все четыре стороны, а еще лучше, что Румынская Церковь, как я слышал, категорически отказалась их принять (знает, с кем имеет дело!). Но почему Вы обиделись на Патриархию, что эти приходы отняли от Вас и подчинили митрополиту Ювеналию? Надо было радоваться, что Вас освободили от «бандитов», тем более, что, по состоянию Вашего здоровья, это для Вас большое облегчение, не надо путешествовать. Ведь и у меня отняли Голландию (хотя и признали, что я был прав), а я только сказал: «Слава Тебе, Господи, освободили меня от «бандита» Дионисия!» А Вы обижаетесь, как митрополит Николай (Еремин), когда у него отняли Роттердам и Женеву.

Еще одна причина, почему Вы не должны уходить от должности Экзарха. Вы не злой человек, никого не душите, с Вами можно жить. А это то, что мы ожидаем от Экзарха. Да к тому же, знаете языки, можете эффектно говорить. Все эти качества не так часто встречаются.

Все эти рассуждения носят, однако, чисто теоретический характер: я глубоко убежден, что после Ваших выступлений о Солженицыне Патриархия ни в коем случае не примет Вашей отставки, ибо в противном случае начнется крик, что Вас уволи-

ли за защиту Солженицына и компании. Этого как Патриархия, так особенно Совет по делам религии смертельно боятся. Своим «солженицынским» молебном Вы очень упрочили Ваше положение как Экзарха, если только Вы сознательно не перейдете известных пределов (чтобы «красиво пасть»).

Теперь о Солженицыне. Я рад, что мы в один день, 17 февраля, не сговорившись между собою, каждый по велению своей архиерейской совести выступили: Вы — молебном о «людях доброй воли», я — телеграммой Патриарху. Это для меня очень отрадно и духовно, и практически, в смысле взаимной поддержки, хотя между нашими выступлениями большая разница. Вы, вероятно, будете несогласны, но я скажу прямо, как думаю: Ваше выступление — политическое, в широком смысле этого слова и в хорошем его смысле, мое — церковное. Поводом Вашего молебна была высылка Солженицына, целью — молитвенная поддержка его и всех «инакомыслящих» и политических заключенных в России (Буковский и т. д.). Поводом моей телеграммы было не изгнание Солженицына как таковое, а выступление митрополита Серафима против него. Если бы митрополит Серафим не выступил, и я, вероятно, не счел бы полезным и возможным вмешаться, при всем моем сочувствии Солженицыну. Правда, это сочувствие, ярко выраженное в моей телеграмме, придает и ей «политический» характер, но это не на первом месте. Главная моя цель — забота о добром имени Московской Патриархии. Я не отвергаю избранного Вами политического пути, он может быть рассматриваем как дополнительный к «церковному», вопрос только в том, насколько он полезен для Церкви в России в данный момент (а на Западе этот путь будет весьма популярным). Я знаю, что в России многие независимые церковные деятели, как о. Всеволод Шпиллер, против поддержки Церковью оппозиционного движения, а среди массы верующих такая линия вызвала бы непонима-

ние и осуждение. А что молебен о Солженицыне в глазах советских властей является политическим актом, показывает пример панихид о жертвах гонений и террора митрополита Евлогия в Лондоне в 1930 году. Так вынужден был их характеризовать митрополит Сергей. И так их характеризует Успенская в недавно изданной от имени Экзархата брошюлке, сильно повредившей нашей Церкви во Франции. (В последней глубине ни евлогианские панихиды, ни «солженицынские» молебны не умещаются в понятия политического акта, но мы должны честно признать, что оба богослужения — явления аналогичные.)

Другое мое возражение, на первый взгляд противоположное и для меня очень существенное, может быть названо риторическим термином *captation benevolentia**. В древних учебниках риторики рекомендовался при составлении просьб высоким особам следующий прием: прежде чем начать излагать просьбу, поместить несколько льстивых фраз с целью благоприятно расположить, «уловить» его «благорасположение». Я не говорю, чтобы Вы так примитивно и утилитарно сознательно применяли этот прием, но такая тенденция была проявлена Вами на Соборе 1971 года и вызвала у меня глубокое разногласие с Вами. Вы считаете, что «уловите благорасположение» советских людей, и они будут Вас лучше слушать, если Вы будете восхвалять им советские порядки, социалистическое строительство, выявлять чувства советского патриотизма и т. д. А я считаю, наоборот, Вы их тем только оттолкнете, не говоря о том, что восхваление советских порядков, как основанное на извращении действительности, недопустимо. Так, в Вашем выступлении, в последний день Собора, Вы говорили, что как русский человек Вы гордитесь советскими достижениями, разделяете гордость советских людей, но так как в Англии много западных православных, то с них нельзя требовать таких же советско-патриотических чувств,

и Вы просите, чтобы подобных мест не было бы в резолюции Собора, хотя, «как русский», Вы их приемлете. Я был вынужден ответить на это, что я русский, а не иностранец, но именно как для русского это восхваление советских достижений для меня неприемлемо. Пишу об этом, потому что в Вашем письме к митрополиту Ювеналию Вы идете еще дальше. Вы молились «за Советский Союз» (почему не сказать «за Россию», если вообще на эту тему Вы считаете возможным говорить), «за его правительство (не против него)» (не верю, что искренне; даже в Москве, когда молятся за властей, никто не крестится, а когда «да тихое и безмолвное житие поживем», крестятся и кланяются). Несогласен я и с модным экуменическим лозунгом, что нельзя молиться «против», а только «за». А как же на Пасху мы поем: «Да воскреснет Бог, и да расточатся врази Его» и т. д.? Но дальше уже идет утверждение, находящееся в кричащем противоречии с действительностью: «Всем известно, что в самой России существует сильное, все возрастающее движение людей, принимающих социалистический строй, готовых принимать участие в строительстве нового мира... но с ужасом вспоминающих... сталинские времена». Неверно: людей, принимающих социалистический строй и видящих все зло в Сталине, становится все меньше. Кроме Роя Медведева, я никого не знаю, кто бы так думал: прекрасная октябрьская революция, прекрасный Ленин, прекрасный коммунизм, а вот Сталин все испортил! Да и Медведев уже перестал так говорить, а: «И у Ленина были ошибки, и в революции не все было прекрасно, но до Сталина все еще было сносно». На примере Солженицына мы видим, какую эволюцию проделали в России русские люди: Солженицын был марксистом, поклонником Ленина, а потом все это отверг, ибо понял, что дело не в «сталинских временах», даже не в Ленине, хотя он и главный виновник, а в октябрьской революции, в марксизме-

коммунизме и самом социалистическом строе. Все возрастающее число людей в России начинает все больше и больше это понимать. Боюсь поэтому, что Ваши слова о «социалистическом строе» и «строительстве нового мира» не встретят понимания и сочувствия среди верующих и мыслящих людей в России.

Мое общее отношение к «политике» в Церкви следующее: я, в принципе, не против участия Церкви в политической жизни. Церковь — всеобъемлющий организм, политика — часть жизни, христианство судит обо всем; естественно поэтому, что Церковь высказывает политические суждения и выражает их в действии, но, конечно, эта политическая сторона не должна никогда доминировать, как это часто случается сейчас на Западе. И главная задача Церкви не в этом. Так в принципе, а в конкретной исторической жизни, в применении этого принципа, многое зависит от исторических обстоятельств. Так, сейчас, в условиях безбожной тоталитарной диктатуры, когда Церковь борется за само свое существование и не может в России иметь свою собственную самостоятельную линию, а части Церкви за рубежом не могут свободно высказывать свои взгляды из опасения повредить Церкви на родине, наиболее правильной церковной линией является полное воздержание Церкви от политических высказываний и действий. Этим исключаются участие Русской Православной Церкви во всех видах «борьбы за мир», во многих политических и социальных секциях Всемирного совета Церквей с одной стороны, политические открытые высказывания зарубежных церковных деятелей Московской Патриархии с другой. Одно совершенно недопустимо — ложь!

Теперь снова о Солженицыне. Я слышал, что Вы опубликовали письмо в «Таймс», еще не видел текста, постараюсь достать. Со своей стороны, я переделал мою телеграмму в «Письмо в редакцию» (с небольшими дополнениями и, конечно, без упо-

минания о телеграмме) и послал в редакции «Ле Монд» и «Ле Суар» (самая большая бельгийская газета). Посмотрим, напечатают ли? Саму телеграмму публиковать пока не буду, это было бы некорректным по отношению к Патриарху. Но показывать телеграмму, давать ее текст Вы можете свободно, кому хотите, только чтобы не печатали.

Приглашен уже после отправки телеграммы митрополитом Ювеналием приехать в Москву в качестве гостя 14 – 28 мая. Буду очень рад с Вами встретиться и поговорить в Брюсселе 23 – 24 марта, как Вы пишете, только точно сообщите заранее, в какие часы и когда приезжаете.

У меня несчастье: заболела м. Екатерина, артроз правого колена, с трудом ходит по комнате с палочкой. Вообще очень переутомлена. Временно помещена в старческом нашем доме.

Прошу Ваших святых молитв и остаюсь с любовью о Христе.

* Captation (точнее, captatio) benevolentia (лат.) букв. «уловление благо-расположения».

*Письмо архимандрита
Софрония (Сахарова)
епископу Василию (Кривошеину)*

Исследователь архива архиепископа Брюссельского и Бельгийского Василия (Кривошеина; †1985) о. Сергей Модель нашел письмо к нему от архимандрита Софрония (Сахарова), ученика старца Силуана. Поводом к написанию письма послужила епископская хиротония владыки Василия (1959 г.).

Оба священнослужителя начали путь духовного восхождения одновременно на Афоне, в Свято-Пантелеимоновом монастыре. Текст письма дает представление о высоте духовных исканий, о сложности монашеской духовной жизни как пишущего эти строки человека, так и его адресата.

Дорогой Владыко, благословите.

Я радуюсь, что Вы стали епископом. Радуюсь и за Вас лично, и за Церковь нашу.

Проблема иерархии в Исторической Церкви всегда стояла и будет стоять как одна из наитруднейших и в конце концов на земле неразрешимых. Нельзя без сожаления и даже без глубокого страдания проходить мимо того факта, что среди епископов сравнительно мало серьезных богословов; немного также среди епископов и таких, которые стоят на желательной высоте в порядке духовной, аскетической культуры. Эти два аспекта церковной жизни: богословие и аскетика в их глубоком значении — фактически находят мало опоры в священной церковной иерархии. А ведь богословие и аскетика являются самыми важными сторонами в церковном бытии, теми двумя крыльями, на которых восходит мир к Богу.

Наше понятие о церковной иерархии, конечно, по существу своему «эзотерическое», духовное, поскольку задачей иерархии является возведение вверенных ей душ «в меру возраста исполнения Христова». Исторически же, за отсутствием должного числа совершенных в познании мужей, мы стоим пред тенденцией «объективации» духовного начала, сведения эзотерического духовного момента к юридическим нормам.

Ваша епископская хиротония для меня была первой, которую я видел. Чувства, которыми была полна моя душа в тот день, были моментами «противоречивыми». С одной стороны — величие Таинства, божественно прекрасные молитвы в своих сдержанных, строгих словах, с другой — не совсем правильно «иерархически» построенное последование. Сначала — исповедание веры, Символ Никейский, затем, в середине орлеца, более полное богословское изложение веры, но на высшей, третьей ступени, на вершине орлеца — нечто вроде принесения «присяги» и верности канонам, в том, что епископ не позволит себе вмешиваться в дела другой епархии без приглашения епархиального епископа. Итак, «юридический» момент занял как бы самое высокое место, тогда как, казалось бы, нормальным его поставить в начале, «под орлом», а богословское исповедание веры — вверху его, на середине же — вселенское исповедание, Никейский Символ.

Я очень надеюсь, что Господь даст Вам долгую жизнь и что на Вашу долю падает трудная задача: содействовать удержанию нашей церковной жизни на уровне Святых Отцов. Промысл Божий о Вас был весьма благим. Помимо Ваших личных дарований, Вы были поставлены в очень благоприятные условия для Вашего роста и богословского, и аскетического.

Мое путешествие по России в прошлом году (в августе 1958 г. о. Софроний первый раз посетил Союз как гость Русской Церкви — ред.) дало мне возможность убедиться в несравненной силе

молитвы русского верующего народа. Эта молитва составляет, несомненно, главную мощь Русской Церкви. Не только Русской, но и всего мира. Но что касается других сторон Русской Церкви, то я уехал оттуда, скорее, в сознании Ее слабости. Не претендую я знать обстоятельно всю Ее жизнь, все Ее «силы» за столь короткий срок пребывания там, но все же я встретился с кругами руководителей Ее в Академиях, в монастырях, в самой, наконец, Патриархии. Поэтому, обращаясь мысленно к Вам, я действительно радуюсь, что Вам Господь дал и мудрость, и любовь, что Вы остановились своим вниманием главным образом на трех величайших богословах нашей Церкви: Григорий Палама, Симеон Новый Богослов и Максим, воистину «максимус». Мне представляется, что в нашу эпоху, во многих отношениях замечательную и, возможно, в будущем имеющую получить имя «золотого века» (эона), сии три — являются наиболее «актуальными». Ведь встреча всех духовных «течений» и «движений» мира в наше время будет решаться не на низших или «средних» ступенях, но на высших. В связи с этим, в порядке духовной «стратегии», все мы должны сосредоточиться вниманием не на количестве, а на качестве. Духовная победа в высших точках, в высшем плане, непременно приведет в дальнейшем к победе и «количественной».

* * *

В настоящее время Господь дал мне замечательную возможность: служить Божественную Литургию в великой тишине. Литургия для меня становится все более и более «увлекательной». В ней соединяется всё. И когда Господь допускает меня в некоей малой мере узреть Им Самим совершённый Литургический Акт на Тайной Вечере и затем на «олтаре крестном» Голгофы, то удивляюсь я тому, что мы, люди, остаемся еще живыми на зем-

ле, чтобы не сказать — для земли. После Литургии возврат к повседневной жизни, к обыденным вещам и делам, даже в нашей обстановке, подобен падению с Неба. «Привыкнуть» к этому контрасту — нельзя. Можно только с сожалением выводить из этого, что подлинная Литургия нами еще не достигнута, что Вечность мы живем лишь отчасти. Нам еще не дано в полной мере жить себя «единотельными» и «единокровными» с Седящим одесную Отца. И Воскресение мы также живем лишь частично. Из этого следует, что всем нам предстоит еще пройти через таинство смерти, как через тот мрак, который «под ногама Его», как через ту тьму, которую положил Он «за кров Свой». Необходимо нам пройти сей «порог», по ту сторону которого мы узрим Свет, в Котором нет ни единой тьмы. Лишь тогда станет возможным человеку уподобиться Ему, потому что узрим Его, как Он есть.

Душа моя часто стоит на грани «отчаяния». В глубине моего существа я знаю, что Господь хочет нас видеть равными Ему; что без этого равенства невозможно будет ни нам пребыть с Ним вечно едиными, ни Ему с нами. Но доколе я отделен от Него этим мраком моего невежества, моей тленности, моей ограниченности, доколе я не могу дать себе отчет ни в чем. Я не знаю, близок ли я к Нему или еще бесконечно далек? Не знаю я, где гордость и где смирение? Где мудрость и где безумие? И так пребудет со всеми нами, покуда не достигнем мы Его, как Он достигает нас; покуда мы не познаем Его так, как Он познал, то есть знает нас.

Меня сокрушает вконец вера в то, что Бог замыслил нас как богов, родных Ему и равных Ему; в то, что мы, в силу данной нам свободы, можем определить себя как совершенное подобие Христу, Которого мы познаем чрез пребывание в заповедях Его и по дару Духа Святаго. Меня пугает в христианах «умаление» Божьего замысла о человеке. Мне представляется отвергать веру в

возможность достижения Божественной Полноты, вступления в Вечный Свет, в котором нет ни единой тьмы — равносильным отвержению подлинного смысла данного нам Откровения во Христе, то есть всего Новозаветного Благовестия. Без совершенного подобия — нет и спасения в полном смысле этого слова. Так я верую... но окаянен я человек. Я сокрушен видением моего ничтожества и моей нищеты, да, нищеты. И почему я оказываюсь способен переносить «снисходительно» свое скотоподобие? То есть если я действительно верую, что Бог одарил человека возможностью свободного и совершенного, до подобия Ему, самоопределения? И хотя я на каждый день болею всем моим существом, включая, конечно, и тело, я из опыта вижу, что мое немощное тело не так уж немощно, если выносит сие уже многие годы.

Ваше слово при наречении было прекрасным. Меня радовало наличие в нем богословского содержания, что не так часто встречаешь, особенно в России. Итак, дай Бог Вам совершить путь Вашего епископского служения воистину достойно той идеи, с которой связано это служение в Церкви нашей. Но и за меня прошу Вас молиться, чтобы молитва наша была взаимною, чтобы нам обоим совершить наш путь жизненный не в позор и поношение, а во спасение. Промысл Божий связал наши жизни в путях земли, да свяжет Он их и в Вечности Своей, дабы нам исполнить заповедь Его, быть едино в Нем, как Отец, Сын и Дух Святой едино суть.

Усердно прошу Вас вспоминать меня в молитвах Ваших, теперь особенно, потому что в силу возложенного на Вас служения молитвы Ваши приобретают большую силу. Молитесь, чтобы и мне, поне на старость, поне пред исходом моим отсюда, стать способным воспринимать благодать Божию, которая дается Богом без всякой меры, независтно, безгранично, без счета, без

учета нашей немощи. Я малодушно бегу от этого дара, потому что все мое существо болит и страдает от приближения ко мне любви Божией. Да, в болезнях и страданиях рождается спасение на земле. Вероятно поэтому бегут люди от путей Христа. Сам себя я спрашиваю: может ли человек от себя, по решению своему, пойти на эту «болезнь» следования за Христом, если не привлечет его Отец Духом Святым и не даст свыше силу на сие?

Да, Бог дает «по-Своему», то есть так, как свойственно Ему, богато и щедро, а мне больно, и я отказываюсь от даров Его из-за страха смерти. Мне всё кажется, что если в полноте пойти навстречу дарованиям Божиим, то невозможно остаться живым на земле. А я страшусь смерти, потому что из-за окружающей меня тьмы не могу ясно увидеть Суда Божия надо мною. Я стою в нерешимости между любовью и страхом, противным любви Божественной; я стою на грани между жизнью и смертью, спасения и вечной гибели, надежды и отчаяния, Света и мрака. Во мне смешались странным смешением несносимое страдание и также несносимая радость; нестерпимая горечь и сладость Духа Святого, тихая и уносящая от этой жизни. Я пребываю то в буре внутренней, то в великом покое. И куда упадет дерево?.. Не знаю. Молитесь за меня, чтобы упало оно на «восток» (Восток — Имя Ему).

Простите и благословите.

Преданный о Христе

недостойный архимандрит Софроний.

Июль 1959 г.

Текст приводится в авторской орфографии.

Публикуется впервые с согласия родственников владыки, Ксении и Никиты Кривошеинных.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДЫКЕ

Наталья Рейнгардт
Два святителя

*Воспоминания о митрополите Александре (Немоловском)
и архиепископе Василии (Кривошеине)*

Мне посчастливилось быть близким свидетелем деятельности двух выдающихся иерархов, возглавлявших Брюссельско-Бельгийскую епархию Русской Православной Церкви: владыки митрополита Александра (Немоловского) и владыки архиепископа Василия (Кривошеина).

Две весьма разные личности, они имели, однако, связующие черты: непоколебимую верность русской Матери-Церкви, храбрость в исповедании своих убеждений, любовь к настоящей церковной службе и... большое чувство юмора. По характеру же они сильно отличались друг от друга.

Владыка Александр

Я была первой крестницей владыки, когда он приехал на смену скончавшемуся о. Петру Извольскому¹, настоятелю храма свт. Николая Чудотворца в Брюсселе. Я, конечно, этого не помню, но, упоминая об этом, хочу указать, что с самого раннего возраста я была связана с владыкой. Вот что я написала о нем в моих воспоминаниях:

«Неотъемлемой частью церкви для нас являлся ее глава — архиепископ Александр (Немоловский)². Очень выдающийся человек. Еще до революции он был послан миссионером в Америку и оттуда уже попал к нам в Брюссель. Наш приход состоял тогда в ведении Парижской митрополии, во главе которой на-

ходилса владыка Евлогий³, а сам Париж подчинялся временно Патриарху Вселенскому⁴, так как связь с Россией была утрачена. Карловацкий раскол, на котором я здесь не буду останавливаться, делил Церкви. Владыка Александр, со всей страстностью своей натуры, оставался верен своему духовному начальству и горестно переживал отход многих своих прихожан.

Владыка был человек гордый и властный. «Мы, архиереи — князья Церкви», — говорил он. Но гордость эта была не личной, а касалась сана. Он пошел в монахи после того, как собственными глазами видел чудо, совершенное св. Иоанном Кронштадтским, и сам святой предсказал ему жизнь, полную скорбей. Вера владыки была, в самом прямом смысле слова, из тех, что переставляют горы. На наших глазах он подымал «от одра болезни» безнадежных. Молился так страстно за своих прихожан, что, по словам Марьи Митрофановны Жуковой (нашей тогдашней старостики)⁵, «не давал людям умереть спокойно». Всегда постился, жил чаем и, кажется, только на первый день Пасхи съедал одно яйцо.

Храбрость его тоже не знала границ. В начале войны, по доносу, он был арестован немцами⁶. Верные прихожане уговаривали его скрыться и даже насильно увезли. Но через сутки он вернулся, не желая бросить свою паству. Во время допросов ему повесили на шею дощечку с надписью «враг № 2». Указывая на нее, владыка гневно спросил: «Почему два? Я — враг немцам, захватившим Бельгию, — номер один». Его мучили физически (год спустя по возвращении он еще залечивал раны), а главное — морально: привязывали к койке, чтобы не мог вставать на молитву, посылали, для оскорбления, чистить лагерные нужники. Но тут Господь сжалился: какой-то поляк, бросившись к его ногам, сказал: «Не допущу, чтобы пане архиерее осквернил руку, благословляющую Причастие», — и умудрился сделать эту работу за него.

Архиепископ Берлинский смог на какое-то время взять вла-

дыку на поруки. Конечно, о служении не могло быть и речи, но, по крайней мере, владыка мог присутствовать на богослужениях. Тут тоже проявилась его непоколебимая вера. О ней нам рассказывала одна прихожанка, состоявшая сестрой в Красном Кресте. Благодаря этому, она как-то сумела попасть в Берлин. Дело шло к концу, бомбардировки не прекращались, все горело. Во время какой-то службы, квартал, где находилась русская церковь, попал под особо жестокий обстрел. Все побежали в бомбоубежище. Владыка вышел из алтаря, где стоял неприметно, и обратился к редким оставшимся: «Куда вы? Не бойтесь! Идемте со мной». Взяв сосудик со святой водой, он вышел и покропил крестообразно в сторону бушующего огня. Наша прихожанка клялась — и я ей верю после того, что видела сама — что ветер повернулся и, среди полных развалин, нетронутой осталась одна церковь. Этот перерыв был недолог, и владыка был приговорен к расстрелу. Только молниеносное вторжение русских войск в Берлин спасло его в ту ночь: не до него уже было.

Освобожденный советской стороной⁸, владыка был увезен в Россию⁹. Там он был встречен с почетом властями, и со слезами — народом, преклонявшимся перед узником и борцом¹⁰. Казалось бы, что тернистый путь окончен, но он только начинался! По возвращении в Бельгию, владыка громко свидетельствовал о том, что вера в России не заглохла, что он сам убедился в наличии многих мощей, что Православие восторжествует! На владыку поднялась травля: «большевик, проданный!» Еще отошло несколько прихожан.

А когда владыка, вслед за митрополитом Евлогием, признал духовную власть патриарха Алексия, то не было помой, которых бы не выливали на него. Но он не поколебался, а вокруг него тесно сплотился верный ему приход!

Все, что я пишу, дает понятие о силе личности нашего вла-

дыки и можно понять, как сильно она действовала на нас, детей, хоть тогда мы ее только чувствовали, а не понимали. Так, мы (с моей двоюродной сестрой) были твердо уверены, что владыка поймал Бабу-Ягу и прячет ее в алтаре, чтобы она не могла вредить. Основывалось наше убеждение на том, что изредка, в боковые двери алтаря, мы видели костлявую руку в черном рукаве, а иногда даже сторбленную фигуру. Потом мы узнали, что это была доживавшая свой век монахиня, матушка Вера, которой по старости разрешалось находиться в алтаре. Но на Бабу-Ягу она была очень похожа!

Владыка же сам обожал детей. И все дети прихода обожали его. Как мы всегда ждали его приезда в летнюю детскую колонию! Дважды за лето он приезжал служить обедню, и это было большим праздником. Заранее приготавлился алтарь в саду (я не помню, чтобы хоть раз в этот день была плохая погода), украшался цветами. Моя мама (Ольга Ивановна Романовская/Рейнгардт), ведущее сопрано нашей церкви, заранее обучала хор из детей. Все причащались. А после обедни владыка каждому ребенку вручал плитку шоколада (он привозил целые коробки), что было для всех детей неслыханной по тем временам роскошью.

Владыка был настолько же вспыльчив, насколько и отходчив. Маленький характерный пример. Среди прислужников был какое-то время некий Фимка, довольно своеобразная личность. Не знаю уже чем, в конце Страстной седмицы, он вызвал гнев владыки. Между полунощницей и пасхальной заутреней, при переоблачении, владыка вдруг замечает, что Фимка один остался в черном стихаре. В чем дело?

— Ах! Для кого Светлое Воскресение, а для меня — Великий пост: владыка на меня сердится!

— Пойдите, скажите этому мерзавцу, что если для него сию секунду не настанет Светлое Христово Воскресение, то...

«Не успел я это произнести, — рассказывал с юмором владыка, — как на моих глазах черное само собой превратилось в белое, и сияющий Фимка, забыв свой елейно-скорбный тон, крутится вокруг меня: "Какая радость, святой владыка, какой Праздник!" Ну, не плут ли?»

Чувство юмора не покинуло владыку даже в плену. Как-то, по возвращении, он рассказывал о том, как наблюдал людей во время бомбардировок и перечислял те вещи, которые они тащили с собой в бомбоубежище. Приличие не позволяет мне назвать некоторые предметы, но владыка комментировал их так смешно, что не смеяться было невозможно.

Пост владыка содержал строго, по убеждению. Но иногда к этому примешивалась некоторая гордость: «Неужели я не в силах отказаться от вкусного куска? — Конечно в силах!» Когда владыка бывал в гостях, то после его ухода, на столе, рядом с чашкой, оставалась горка печенья: он брал все, что ему предлагали — чтобы не приставали — но никогда не ел.

Владыка был абсолютным бесребреником. Из многих стран ему присылались письма с просьбой о молитвах. Когда он скончался, то в его письменном столе найдены были десятки конвертов, из которых письма были вынуты, а деньги оставлены и забыты. Но в помощи он никогда не отказывал. Каждое воскресенье первый клал на тарелку для сбора крупную бумажку. Когда собирали во всех церквях на нуждающихся, стариков или какое-нибудь стоящее дело, то неизменно оказывалось, что приход святителя Николая дал больше всех, даже если это дело касалось в первую очередь тех, кто поносил владыку. Когда, после возвращения из немецкого плена, бельгийское правительство присудило ему пожизненную пенсию как невинно пострадавшему, то владыка отказался от нее в пользу осиротевших в войну бельгийских детей.

Всю свою жизнь владыка Александр был благодарен Бельгии, любил ее и короля Леопольда, за которого не переставал молиться, даже когда тот уже отрекся от престола¹¹. Каждый год, в день поминовения усопших членов королевской семьи, ездил возлагать венок в королевскую усыпальницу, которую специально для него открывали раньше положенного времени, хотя он об этом и не подозревал.

Что касается поминовений, то у него были сотни списков, которые он ежедневно прочитывал и которые приводили в отчаяние прихожан по воскресеньям, потому что из-за них обедня затягивалась невероятно. Вообще же не проходило не только дня, но очень часто и ночи без службы. Как рассказывал наш тогдашний протодьякон Николай¹², живший тоже в церковном доме и всей душой преданный владыке: «Просыпаюсь среди ночи от какого-то шума внизу (церковь находится в первом этаже). Спускаюсь: владыка служит молебен тому или иному святому.

— Владыка, почему?

— А он мне приснился, значит, я должен его почитать. — Так он ни о чем другом не думает, вот они ему и снятся!»

Замечательно, что и владыка Александр, и владыка Василий, друг друга не знавшие, особо любили те же места в богослужениях. И тот, и другой сами непременно читали канон на утрени Погребения в Великую Субботу и плакали на тех же местах. Только владыка Александр больше чтит преподобного Серафима Саровского, а владыка Василий — преподобного Сергия Радонежского.

Владыка Александр не боялся смерти, а ненавидел ее и, как я писала выше, страстно отмаливал своих прихожан. В одной, очень близкой нам, семье произошел несчастный случай и пострадавший был настолько близок к смерти, что доктора не оставляли ни малейшей надежды. Мать в отчаянии вызвала вла-

дыку причастить сына. Тот был без сознания и спешно приехавший архипастырь сказал, что несознательного причастить не может. Склонившись над ним, он стал молиться и потихоньку называть его по имени. И умирающий откликнулся. Владыка его причастил и предсказал, что он поправится. Так и случилось!

Может быть, эта ненависть была причиной того, что агония самого владыки была очень длительной и он все повторял: «Откройте мне двери, откройте двери». Скончался он в начале Страстной Седмицы¹³. Приехавший из Парижа митрополит Николай¹⁴ отпевал его в Страстной Четверток после обедни.

Но повторю: по отношению к себе он смерти не боялся, как свидетельствует его поведение в немецких застенках. Также непреклонно вел он себя во время пребывания в Советском Союзе после своего освобождения. И когда, по возвращении в Бельгию, его обвиняли в признании коммунистической власти, то отповедь его была одна: «Враги Христовы никогда не будут моими друзьями, но ни от Матери-Церкви, ни от России я не отрекусь!»

Владыка Василий

Как я уже сказала, по характеру владыка Василий круто отличался от владыки Александра¹⁵. Он был более прямолинейный, и эту его черту часто принимали за известную сухость. Но это было не так, просто владыка Василий не умел подходить к людям так, как это делал его предшественник. Может быть, в этом сказывалась известная застенчивость, а может — унаследованная сдержанность старообрядчества, т.к. его бабка, если не ошибаюсь, была старообрядкой. У владыки Александра было, несомненно, больше «шарма», но владыка Василий был более глубокий психолог. Даже тех из своих прихожан, которые редко

посещали церковные службы, он понимал и любил. Когда отпевали моего крестного отца, человека глубоко верующего, но не церковного, владыка применил к нему две заповеди блаженства, которые как нельзя лучше характеризовали этого замечательного человека.

Другой случай, поразивший весь приход, был связан с поведением нашего тогдашнего протодьякона, о. Николая Друганова¹⁶. Отец Николай обожал владыку Александра и готов был встретить «в вилы» его преемника. Когда он узнал о назначении в Брюссель владыки Василия, он принялся рассказывать о нем всякие небылицы. Мы все с ужасом ждали столкновения. Но... приехал владыка и, в первое же воскресенье, наш «отче» (как все его звали) служил с сияющим лицом и, начисто забыв свои рассказы, делился своим одобрением с прихожанами. Владыка Василий сумел его «огладить» в несколько дней. Я лично могу только с любовью вспоминать его отношение ко мне.

Так же, как и владыка Александр, архиепископ Василий твердо и неуклонно защищал свои убеждения и свою паству. Сама я не присутствовала на Поместном Соборе¹⁷, куда съехались представители всех заграничных приходов, подчиняющихся Московскому Патриарху, но у меня есть свидетельства двух сопровождавших владыку лиц: моего брата Сергея, старшего протодьякона Свято-Николаевского собора¹⁸, и тогдашнего старосты В.Е. Драшусова¹⁹. Они оба рассказывали, как владыка напрямик осуждал некоторые положения, например, выборы в «двадцатки». Когда одна из бельгийских газет позволила себе более чем намекнуть, что он окружен ставленниками заграничной власти, то владыка написал гневную отповедь, указывая, что все посвященные им священнослужители выбраны им самим из самых благочестивых прихожан-эмигрантов. И получил официальное извинение газеты.

Владыка Василий очень любил настоящее, правильное богослужение. По приезду он постепенно, но твердо упорядочил службы, которые за последние годы из-за болезни владыки Александра и недостаточной осведомленности его временных заместителей, шли вкривь и вкось. Понимая, что приходская церковь — не монастырь, он разрешал укорачивать слишком длинные чтения. Но случалось, особенно в Великом посту, когда он служил каждый день, что в будни ни одного человека в церкви не было. Тогда, улыбаясь, он мне сообщал: «Ну, значит, сегодня можем служить полностью». У меня навсегда от этого «полностью» осталась особая любовь к великопостным утрениям. Владыка также страдал от неправильных произношений: «ево» вместо «его», «Господи, памилуй» — приводили его в уныние.

Он несомненно любил порядок и серьезное отношение ко всему, что касалось Церкви и ее истории. Как-то на западное Рождество католический кружок пригласил его прочитать лекцию о праздновании Рождества в Православной Церкви. Помню недоумение и легкое разочарование слушателей: они явно ожидали святочных, фольклорных рассказов, а владыка говорил (преинтересно!) о возникновении, глубоком значении праздника и службах, связанных с ним.

Владыка не терпел никаких анекдотов, в которых затрагивалась бы, даже легко, Церковь, ее обряды, а уж тем более — святые. В какой гнев пришел он, когда кто-то упомянул известный рассказ о том, почему св. Николай празднуется дважды в год, а св. Кассиан — только в високосный. Однако, это не мешало ему увидеть комическую сторону в том или ином случае. Приведу три примера.

Как-то, придя в церковь, я попала на заочную панихиду, на которой владыке подпевал один прихожанин, заменявший иногда чтеца и преисполненный не столько знаний, сколько благих

намерений. Каждый раз, как попадалось слово «светило», он усердно воспевал «святило». По окончании панихиды владыка поблагодарил его. Тихонько поманивши меня, он спросил: «Вы уже встречались с таким небесным явлением — святым? Я еще никогда!»

Другой раз я застала его очень серьезно выслушивающим какую-то псевдобогословскую околесицу, которую нес случайный посетитель. К моему удивлению, владыка только неопределенно качал головой и ничего не возражал. Когда его «начитанный» гость ушел, владыка грустно, но и комично, развел руками. Я тоже как-то спросила у него, почему в некоторых случаях бывает два кондака тому же празднику или святому. «Монахи перестарались», — был владыкин ответ. Все эти три ответа были преисполнены глубочайшего юмора.

Так же, как и митрополит Александр, архиепископ Василий не имел особых администраторских способностей. Но он пекся о своих прихожанах, не только русских, но и бельгийских. В Православие, под его крыло, перешло несколько католических священников со своими паствами. Владыка много раз хлопотал о посылке паломнических групп в Россию с тем, чтобы ознакомить своих новоперешедших с прекрасными богослужениями. На них эти поездки производили такое впечатление, что одна из его духовных дочерей даже приняла монашество.

Хочу закончить эту небольшую характеристику упоминанием о его простоте в повседневной жизни. Ел он, что попало и, кажется, даже не замечал, насколько то или иное непереваримо. Когда кто-то принес ему маслин, он просто застыл: «Да ведь пост! Разве можно себе такое лакомство позволить?» К сожалению, иногда эта черта оказывалась неуместной. Владыке в голову не приходило, что можно предложить посетителю чашку чая, и его, за глаза, обвиняли в отсутствии гостеприимства. На самом

деле, это было полное равнодушие к угощению, и он нисколько бы не обиделся, если бы ему самому ничего не предложили. Как сказал про него греческий митрополит: «Он питается только молитвой и книгами».

Как-то на улице мы встретили владыку, тащившего с трудом лестницу-стремянку.

— Владыка! Да почему же Вы не попросили Вам помочь?

— А зачем я буду кого-то беспокоить, когда и сам могу справиться?

Владыка не ожидал, что смерть застанет его не в Бельгии и заранее купил себе место на кладбище, где лежит большое количество наших прихожан. Но Господь устроил так, что его отпевали в той же церкви в России, где и крестили.

Мир праху, вечная память и любовь нашим двум почившим Святителям!

октябрь 2007 г.

Примечания:

1. Петр Петрович Извольский (1863–1928). Обер-прокурор Синода (1906–1911). Эмигрировал в 1920 г. Священник (1922), настоятель Свято-Николаевской церкви в Брюсселе и благочинный приходов в Бельгии и Голландии (1922–1928).

2. Александр (Немолковский) (1877–1960). С 1905 — священник-миссионер в Америке, епископ (1909), архиепископ (1919). Настоятель Свято-Николаевской церкви в Брюсселе (1929–1960), архиепископ Брюссельский и Бельгийский, викарий митрополита Евлогия (1936), признан Бельгийским государством (1937). Арестован немцами и перевезен в Берлин (1940). После взятия Берлина присоединился к Московской Патриархии (1945), назначен архиепископом Берлинским с сохранением окормления Бельгийских приходов. Вернулся в Бельгию и утвержден архиепископом Брюссельским и Бельгийским Московской Патриархии (1946), митрополит (1959). О нем, см. А. Казем-Бек. «Знаменательный юбилей (50-летие архиерейского служения архиепископа Брюссельского и Бельгийского)» // ЖМП, 1959, № 11; «50-ле-

тие епископского служения митрополита Брюссельского и Бельгийского Александра // ЖМП, 1960, № 1; Корнилий [Фриштедт] иером., «Митр. Брюссельский и Бельгийский» (Некролог) // ЖМП, 1960, № 8, с. 10.

3. Митрополит Евлогий (Георгиевский) (1868–1946), управляющий русскими православными приходами в Западной Европе (1921–1946).

4. С 1931 г.

5. Староста Свято-Никольского собора в Брюсселе с 1934 по 1942 гг.

6. Архиепископ Александр был арестован 4.11.1940 г. за выступления против Гитлера, который захватил Бельгию 10.05.1940 г.

7. Архиепископ (с 1942 г. митрополит) Берлинский и Германский Серафим [Ляде] (1883–1950) возглавлял Средне-Европейский митрополичий округ Русской Православной Церкви Заграницей.

8. 12.10.1945 г.

9. С 6 по 21.07.1946 г.

10. См. Архиепископ Александр (Немоловский), «Что мои глаза видели в Москве и в Киеве в течение 15 дней» // ЖМП, 1946, № 10, с. 17–25.

11. Король Бельгии Леопольд III отрекся от престола в 1951 г. из-за обвинений в коллаборационизме во время войны.

12. Николай Александрович Друганов (1886–1971), диакон Свято-Никольского собора в Брюсселе с 1932 по 1971 гг.

13. 11.04.1960 г.

14. Николай (Еремин), митрополит Корсунский (1892–1985), Экзарх Московской Патриархии в Западной Европе (1954–1963 гг.).

15. Александр Алексеевич Немоловский (1877–1960). С 1905 г. — священник в США, епископ (1909), архиепископ (1919). Настоятель Свято-Николаевской церкви в Брюсселе (1929–1960 гг.), архиепископ Брюссельский и Бельгийский, викарий митрополита Евлогия (1936), признан Бельгийским государством (1937). Арестован немцами и перевезен в Берлин (1940). После взятия Берлина присоединился к Московской Патриархии (1945), назначен архиепископом Берлинским с сохранением окормления Бельгийских приходов. Вернулся в Бельгию и утвержден архиепископом Брюссельским и Бельгийским Московской Патриархии (1946), митрополит (1959). О нем, см.: А. Казем-Бек, «Знаменательный юбилей (50-летие архиерейского служения архиепископа Брюссельского и Бельгийского)» // ЖМП, 1959, № 11; «50-летие епископского служения митрополита Брюссельского и Бельгийского Александра» // ЖМП, 1960, № 1; Корнилий [Фриштедт] иером., «Митр. Брюссельский и Бельгийский» (Некролог) // ЖМП,

1960, № 8, с. 10.

16. Николай Александрович Друганов (1886–1971), диакон Свято-Никольского собора в Брюсселе с 1932 по 1971 гг.

17. Поместный Собор Русской Православной Церкви в Троице-Сергиевой Лавре (май–июнь 1971 года).

18. Сергей Георгиевич Рейнгардт (1932–2006), диакон Свято-Никольского собора в Брюсселе с 1968 по 2006 гг. Участник Поместного Собора Русской Православной Церкви в Троице-Сергиевой Лавре (май–июнь 1971 года).

19. Владимир Евгеньевич Драшусов (1917–2003), с 1960 по 2003 гг. член приходского совета (с 1985 по 1994 гг. — староста) Свято-Никольского собора в Брюсселе. С 1965 по 2003 гг. член Епархиального совета Брюссельско-Бельгийской епархии Русской Православной Церкви. Участник Поместного Собора Русской Православной Церкви в Троице-Сергиевой Лавре (май–июнь 1971 года).

<http://www.archiepiskopia.be/Rus/biblioteka/reingardt.html>

Священник Сергей Модель

*Архиепископ Брюссельский
и Бельгийский Василий
(Кривошеин): биографический очерк*

Владыка Василий (в миру Всеволод Александрович Кривошеин) родился 30 июля 1900 года в Санкт-Петербурге. Его отец, Александр Васильевич Кривошеин (1858–1921), был ближайшим сотрудником Столыпина и в 1908–1915 годах занимал пост министра сельского хозяйства. В 1920 году, вступив в Белое Движение, А.В. Кривошеин был назначен градоначальником правительства генерала Врангеля в Крыму. Будучи сыном министра Александра Кривошеина¹, будущий святитель, окончив в 1916 году гимназию, поступил на историко-филологический факультет Петроградского университета, с 1917 года продолжил учебу на том же факультете, но уже в Московском университете².

Сочувственное на первых порах отношение к февральской революции 1917 года³ приводит Всеволода Кривошеина в Белую Армию⁴, но отмороженные руки и нога заставляют его эвакуироваться вместе со многими беженцами в 1920-м году во Францию. Там он завершает свое обучение на филологическом факультете Сорбонны, активно участвуя при этом в Русском христианском студенческом движении. Жизнь будущего иерарха резко меняется после паломничества в 1925 г. на Святую Гору Афон, и он решает, вместе с Сергеем Сахаровым (будущим архимандритом Софронием), принять монашество.

Монашеские обеты⁵ были им даны с наречением имени Василия в русском Свято-Пантелеимоновом монастыре на Святой Горе. Там он проникся афонским духом под руководством великих старцев той эпохи⁶. Будучи полиглотом и эрудитом, молодой инок был привлечен к административным послушаниям в своей общине: став секретарем, затем членом монастырского совета, он в 1942–45 гг. представлял его в «парламенте», а в 1944–45 гг. и в «правительстве» Святой Горы. Одновременно монах Василий посвящает себя изучению православного богословия, в особенности патристики, и в 1936 г. выходит в свет его исследование о св. Григории Паламе, которое становится «классическим» в этой области⁷.

После Второй мировой войны политические обстоятельства, обусловленные новой линией греческого правительства заставили многих русских монахов покинуть Афон. Среди них был и монах Василий (Кривошеин). В 1947 г., после 22 лет, проведенных на Святой Горе, он вынужден был оттуда уехать.

Приняв приглашение быть одним из редакторов «Греческого патристического лексикона», издававшегося в Оксфордском Университете⁸, о. Василий остается в этом городе. 22 мая 1951 года его рукополагают в сан иеромонаха⁹.

В 20-е годы прошлого столетия, русская православная эмиграция разделилась на три независимых, и порой противостоящих друг другу, группы-юрисдикции: Зарубежный Синод, связанный с крайним традиционализмом, обусловленным политическим, культурным и духовным наследием прежнего режима; Архиепископия Западной Европы, политически нейтральная и весьма плодovitая в плане богословия, перешедшая в подчинение Константинопольского Патриархата; и Московский Патриархат, в ту эпоху в значительной степени ослабленный контролем советских властей. Именно с последним и связал свою судьбу

отец Василий, желавший оставаться в общении с Матерью-Церковью и прямой связи со своей Родиной и ее народом.

В Оксфорде иеромонах Василий продолжил свои исследования, публикуя статьи в британских, французских, немецких, итальянских или греческих научных журналах, участвуя в международных конгрессах по патрологии, византистике и догматическому богословию¹⁰. Важнейшим творением во время его пребывания в Великобритании стало критическое издание писаний преподобного Симеона Нового Богослова, византийского мистика XI века. Эта работа, на которую у него ушло несколько лет, была издана в 1963–65 гг. в знаменитой патристической серии «Sources Chrétiennes»¹¹. Блестяще увенчать свои многолетние исследования, посвященные этому святому, ему удалось уже в 1980 г. изданием биографии прп. Симеона Нового Богослова¹².

Вскоре талантливый богослов, и к тому времени уже опытный пастырь, архимандрит Василий был призван Церковью к епископскому служению. 14 июня 1959 года, в Лондоне, архимандрит Василий был хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Патриаршего Экзархата Западной Европы с местопребыванием в Париже¹³. В своей речи на интронизации, новопоставленный епископ произнес:

«Я счастлив принадлежать к Русской Православной Церкви, Московской Патриархии, Церкви исповедников веры Христовой, высоко держащей яркий светоч Святого Православия. [...] Верю, что наше пребывание в Западной Европе не есть нечто случайное, но определено Промыслом Божиим, и что на всех нас возложена задача свидетельствовать пред народами Запада об истине православной веры, распространять ее в инославной среде, содействовать созданию и укреплению Западного Православия с конечной целью воссоединения всего христианского мира во Едину, Святую, Кафолическую и Апостольскую Церковь¹⁴» .

Отныне его постоянной заботой станет свидетельство о Вселенском Православии и русской культуре.

Епископу Василию, однако, не пришлось надолго задержаться в Париже. В 1960 г. он был назначен правящим архиереем Брюссельско-Бельгийской епархии на место скончавшегося митрополита Александра (Немоловского)¹⁵. По своему назначению в Брюссель¹⁶, владыка Василий прибыл в бельгийскую столицу и вскоре совершил поездку в Россию, где 21 июля 1960 г. был возведен в сан архиепископа¹⁷.

Епархия Московского Патриархата в Бельгии получила свое начало от старейшего в стране православного храма святителя Николая Чудотворца, основанного в Брюсселе в 1862 г.¹⁸ С 1929 года храм стал кафедральным собором, новоучрежденной епархии¹⁹. Бельгийское государство утвердило сложившееся положение изданием специального королевского указа в 1937 г. Отныне за епархией признавался статус «общественно-полезного учреждения», а за её главой — титул «русского православного архиепископа Брюссельского и Бельгийского»²⁰.

С назначением владыки Василия в Брюссель бельгийская православная епископская кафедра приобрела значительный вес. Действительно, как писал «Вестник русского западноевропейского Патриаршего Экзархата»:

«Новый епископ занимает в русской иерархии особое положение. Известный благодаря своим знаниям патрологии, он столь же хорошо знаком с греческим Востоком. [...] Его лично знают многие иерархи, включая Вселенского Патриарха Афинагора и Патриарха Александрийского Христофора. [...] Русская Церковь приобрела, таким образом, нового епископа-богослова²¹».

Именно так, с самого своего назначения, роль архиепископа Василия была ясно определена: иерарх-богослов. Владыка представлял Московский Патриархат на четырех Всеправославных

консультациях (на Родосе в 1961²², 1963²³ и 1964²⁴ гг., в Шамбези в 1968 г.²⁵); он участвовал в богословском диалоге с англиканами (в Белграде, 1966 г.)²⁶ и старокатоликами (в Вене, 1965 г.)²⁷, в работе Всемирного Совета Церквей (на ассамблеях в Монреале в 1963-м, и в Упсале в 1968 г.), а также принимал участие в 25-летнем юбилее монашеской общины Тезэ (28–29 августа 1965 г.). Он являлся участником ежегодных богословских коллоквиумов католического монастыря Шеветонь, а также «литургических недель» Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже. Разумеется, владыка Василий участвовал и в различных церковных мероприятиях в России. Во время одной из поездок на Родину, 14 октября 1964 г., ему была торжественно присуждена степень доктора богословия Духовной Академии его родного города²⁸.

Архиепископ Василий обладал, по отзывам его современников, «исключительной верностью Православию». Оставаясь в то же время весьма открытым, он был «одним из тех редких людей, которые понимали, что служение Церкви должно осуществляться в любых исторических условиях, безо всякой подчиненности им или принятия всего как данности»²⁹.

Именно он положил основание использованию в литургической жизни православных приходов Бельгии местные языки (французский и нидерландский). В то время, как первые эмигранты стремились к сохранению языковой и культурной самобытности, новому поколению — детям, рожденным в смешанных семьях и обратившимся в Православие европейцам — местные языки стали необходимы для выражения веры. Поэтому 19 мая 1963 г. владыка Василий освятил первую часовню для франкоговорящих верующих в Брюсселе. Вслед за этим, в 1960–1970 гг., появились и другие франкофонные и нидерландофонные православные общины, среди которых следует упомянуть недавно от-

праздновавший свое 30-летие небольшой монастырь в местечке Первейз, во Фландрии, на бельгийском побережье³⁰.

Следует также упомянуть и о межправославных связях, укреплению которых владыка придавал большое значение, и главным образом с бельгийской греческой общиной (значительно возросшей в ходе экономической эмиграции 50-х годов прошлого столетия). Первоначально, не имея своих литургических общин, греки посещали русские храмы, но вскоре ими были созданы собственные приходы, объединившиеся в епархию в 1969 г. При этом взаимоотношения между диаспорами продолжали оставаться братскими³¹.

Важным моментом в межправославных отношениях в Бельгии, в котором участвовал владыка Василий, стал Конгресс православных Западной Европы, проходивший 27–29 октября 1972 г. в аббатстве Сан-Трюдо в Маль (близ Брюгге). Более 150 человек, прибывших из Бельгии и окрестных стран, собрались на эту первую встречу православных³² в Бельгии. Второй подобный Конгресс был организован в 1977 г. в Натойе. Архиепископ Василий участвовал также и в V-м Западноевропейском православном Конгрессе, проходившем в Генте в 1983 г.

Активным было и экуменическое сотрудничество русской Архиепископии в Бельгии. Помимо богословских встреч, священники епархии принимали участие в ежегодной «Неделе молитв о единстве христиан»³³. В 1970 г. владыкой Василием, совместно с его духовенством, была впервые отслужена православная вечерня в базилике Кукельберг (в Брюсселе)³⁴. В том же году он принял участие в создании «Брюссельского межцерковного комитета» — межхристианского органа бельгийской столицы, в который входили католики, протестанты, англикане и православные³⁵. Твердый в исповедании православной веры, но и открытый к христианскому Западу, русский архиепископ был

также связан узами дружбы с католическими иерархами, в частности, с кардиналом Суененсом и апостолическими нунциями в Бельгии³⁶. В качестве официального представителя Русской Церкви он дважды участвовал во встречах с папой Иоанном-Павлом II (в Париже в 1980-м и в Мехелене в 1985 гг.). В том же 1985 году Православие было признано бельгийским законодательством в качестве официального религиозного культа, наряду с католичеством, протестантизмом, иудаизмом и исламом, что дало право на определенные льготы и поддержку со стороны государства³⁷.

В международном плане архиепископ также совершил ряд важных визитов: в 1977 г. владыка Василий (участвовавший в 1963 г. в празднествах в Венеции, посвященных тысячелетию Горы Афон)³⁸ смог вновь приехать на Святую Гору и вновь увидеть русский Свято-Пантелеимонов монастырь, который он оставил в 1947 г. Еще раз ему суждено было посетить Грецию в 1979 г., где он в качестве представителя Русской Православной Церкви участвовал в торжествах, посвященных 1600-летию преставления святителя Василия Великого³⁹. Ранее, в 1966 г., по приглашению Иерусалимского Патриарха, владыка совершил паломничество на Святую Землю. Но конечно же главной радостью для владыки были поездки в Россию: вслед за своей первой поездкой в 1956 г., он был там еще около двадцати раз. На родине он участвовал в богослужениях, посещал храмы и монастыри, памятники истории и древнерусского искусства⁴⁰. Он ценил контакты с верующими соотечественниками, для которых он был связующим звеном между ушедшей и настоящей Россией, между русскими в России и в эмиграции⁴¹. Его происхождение, равно как и его выступления в защиту свободы, обеспечили ему определенную популярность и среди русских диссидентов, для которых он являлся «примером». Его влияние было, быть мо-

жет, даже большим на родине, чем в эмиграции, где большинство — при всем уважении к нему лично — сторонилось Московской Патриархии.

Отношение к владыке Василию не было однозначным в разных кругах: в то время, как на Западе кто-то считал его «красным» по причине его принадлежности к Московскому Патриархату, в Советском Союзе его побаивались как «опасного белоэмигранта»⁴², который был «себе на уме» и имел свое собственное суждение о том, что ему представлялось «полезным» для Русской Церкви. Так, во время архиерейского совещания и Поместного Собора Русской Церкви 28 мая–2 июня 1971 г.,⁴³ избравшего Патриарха Пимена, архиепископ Василий (Кривошеин) оказался единственным, кто заявил о необходимости тайного голосования в целях придания законности процедуре. Он равно обличал и Устав о приходских советах, принятый в 1961 г., который был, по его мнению, антиканоничным и разрушительным для Церкви. Он также публично выступал против высылки из СССР писателя Солженицына в 1974 г.⁴⁴, против ареста в 1980 г. священников-диссидентов Дмитрия Дудко и Глеба Якунина, что было в его глазах вопиющим нарушением прав верующих в СССР.

В эпоху великих трудностей Православной Церкви в Советском Союзе эти действия владыки Василия являли его искреннюю привязанность к Церкви, сочетающуюся с бескомпромиссностью. Внимательно наблюдая за сложными взаимоотношениями между атеистическим государством и Церковью, ее наиболее высокопоставленными представителями (такими, как митрополиты Николай Ярушевич и Никодим Ротов⁴⁵), он стремился сочетать верность церковному руководству с противостоянием давлению со стороны советской власти, и не боялся открыто высказываться от имени Церкви, практически обреченной в те годы на безмолвие⁴⁶. Всем, кто его спрашивал

о том, что его удерживает в лоне Московского Патриархата, он отвечал, что, хотя и невозможно «оправдать» все действия последнего, можно, тем не менее, их частично «понять» и «простить»⁴⁷. Этой позиции он придерживался всю свою жизнь.

Дни земного жития владыки подходили к концу. Будучи уже больным, архиепископ Василий совершил в сентябре 1985 г. свою традиционную ежегодную поездку в Россию. Он вылетел в Москву 7 сентября в сопровождении своего секретаря, диакона Михаила Городецкого⁴⁸. Следом за участием в различных богослужениях в столице и приеме у Патриарха, владыка Василий отправился 10 сентября в свой родной город. Там он совершил несколько служб, встретился с преподавателями и студентами Ленинградской Духовной Академии, а затем посетил г. Новгород.

15 сентября, в последний день, предусмотренный для его поездки в город на Неве, архиепископ Василий отслужил Божию литургию в Преображенском соборе, прихожанами которого всегда была семья Кривошеиных, жившая неподалеку. Это было его последнее богослужение: в тот же день он почувствовал себя плохо и был отвезен в больницу, где и угас к утру 22 сентября. Погребение владыки состоялось 24 сентября 1985 года в Ленинграде. Согласно воле его близких, он был похоронен на Серафимовском кладбище своего родного города.

В Брюсселе память архиепископа Василия почтили торжественной панихидой, отслуженной в Свято-Никольском кафедральном соборе на девятый день его кончины. Возглавил ее митрополит Бельгийский Пантелеимон (Константинопольский Патриархат), которому сослужило русское, греческое и румынское духовенство столицы. На панихиде присутствовали многочисленные государственные и церковные деятели⁴⁹. Как было отмечено в последующих некрологах, эта смерть отняла у западноевропейского Православия «просвещенного пастыря»⁵⁰, со-

хранившего верность своей Церкви и родной земле⁵¹.

В своем завещании к пастве владыка Василий писал:

«Мое неотступное епископское моление и желание, да пребудут наша архиепископия и ее прихожане несокрушимо верны строгому Православию и не приемлют никакого, могущего случиться, догматического компромисса, который может повредить неприкосновенности нашей Православной веры. [...] Я молю духовенство и паству нашей архиепископии оставаться после моей смерти всегда верными нашей Матери Православной Русской Церкви (Московскому Патриархату) и не переходить ни в какую другую церковную юрисдикцию по собственному почину и без благословения Московского Патриархата в случае, могущем произойти, образования автономной или автокефальной Православной Церкви в Западной Европе или Бельгии»⁵².

Совершенно очевидно, что архиепископ Василий всегда считал Московскую Патриархию не подчиненной советской власти «организацией», а канонической Церковью, унаследовавшей тысячелетнюю традицию России.

Жизнь владыки Василия, русского православного архиепископа Брюсселя и Бельгии, была продолжительной и плодотворной, но при этом нелегкой. Студент-патриот, эмигрант, позднее — монах, он являлся, безусловно, выдающимся архиереем, оставившим след в православном богословии. Тем не менее, он оказался чуждым как определенной части эмиграции, так и России советской эпохи⁵³. Его особый путь, избранный вполне осознанно, многими не был понят. И все же, его поразительное «возвращение к источникам»⁵⁴, его кончина на родной земле, была воспринята многими как Божие благословение⁵⁵, особенное для того, кто, хотя и в изгнании, посвятил все свое существование на служение России и Православной Церкви⁵⁶.

Перевод с французского священника Андрея Елисеева

Примечания:

1. О семье Кривошеиных, см. напр.: Церковь Владыки Василия (Кривошеина). Нижний Новгород, 2004. С. 113–114.

2. Архиепископ Василий (Кривошеин). Автобиографическая заметка, рукопись. Брюссель. С. 1 и Son Excellence Monseigneur Basile, Archevêque de Bruxelles et de Belgique : note biographique à l'occasion de son 80e anniversaire // Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата, №105–108, Париж, 1980–81. С. 3.

3. Архиепископ Василий (Кривошеин). Воспоминания. Нижний Новгород, изд. Братства св. Александра Невского, 1998. С. 10–28 и 322. Эти воспоминания вошли почти без изменений в «Красное колесо» А. Солженицына, «Узел 3-й: март семнадцатого». Солженицын А. И. Красное колесо: В 10 т. М., 1993–1997. Т. 5. С. 250–255, 383–386.

4. Всеволод Кривошеин служил во 2-м полку дивизии генерала Дроздовского (Добровольческая армия генерала Деникина). Об этом полку см. Туркул А.В., «Дроздовцы» в огне. Картины гражданской войны, 1918–1920, Москва, Терра — Книжная лавка — РТР, 1996. См. также: Архиепископ Василий (Кривошеин). Воспоминания. Указ. соч. С. 32–197. Церковь Владыки Василия (Кривошеина). Указ. соч. С. 136. Заметим, что трое из четверых его братьев воевали на стороне «белых»; двое из них погибли.

5. По принятии на послушание 21 ноября 1925 г., он был пострижен 24 марта 1926 г. и произнес монашеские обеты 5 марта 1927 г. (даты приведены по юлианскому календарю, употребляемому на Афоне). См.: Церковь Владыки Василия (Кривошеина). Указ. соч. С. 116–117.

6. Среди них можно упомянуть архимандритов: Мисаила, Кирика, Илиана; отцов: Феодосия Карульского, Вениамина Капсальского, Диодоха, Трофима и прп. Силуана Афонского.

7. Монах Василий (Кривошеин). Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы. Seminarium Kondakovianum, № VIII, Прага, 1936. С. 99–154. Это исследование впоследствии было также опубликовано на английском, французском и немецком языках.

8. G.W.H. LAMPE (dir.), Patristic Greek Lexicon, Oxford, 1968. См. также: Архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий (Кривошеин), диакон Михаил Городецкий // Приходской бюллетень Свято-Никольского собора в Брюсселе. Брюссель, № 1. 1986. С. 4.

9. Архиепископ Василий (Кривошеин). Воспоминания. Указ. соч. С. 203–204.

10. Большая часть этих работ собрана в: Архиепископ Василий (Криво-

шеин). Богословские труды (1952–1983). Нижний Новгород, изд. Братства св. Александра Невского, 1996. Другие сочинения на русском и французском языках опубликованы в Вестнике Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата, главным редактором которого он являлся. Некоторые были недавно переизданы небольшими брошюрами.

11. Syméon le Nouveau théologien, Catéchèses (3 tomes), Introduction, texte critique et notes par Mgr Basile Krivochéine, traduction par Joseph Paramelle, s.j., Paris, éd. du Cerf, 1963–65.

12. Василий (Кривошеин), архиепископ. Преподобный Симеон Новый Богослов (949–1022). Париж, изд. Имка-Пресс, 1980. Эта книга была одновременно опубликована и на французском языке издательством Шеветоньского монастыря.

13. См. Наречение и хиротония архимандрита Василия (Кривошеина) // Журнал Московской Патриархии, 1959, №9. С. 27–32.

14. Там же. С. 29.

15. О нем см.: А. Казем-Бек. Знаменательный юбилей (50-летие архиерейского служения архиепископа Брюссельского и Бельгийского) // Журнал Московской Патриархии, 1959, № 11, с. 13–16 ; Иеромонах Корнилий (Фриштедт). Митрополит Брюссельский и Бельгийский Александр. Некролог // Журнал Московской Патриархии, № 8, 1960. С. 10–13 ; Serge Model, Histoire de l'Archevêché orthodoxe russe de Bruxelles et de Belgique, Bruxelles, éd. de la Paroisse orthodoxe de la Protection de la Ste Vierge, 1996. С. 5–11; и Церковь Владыки Василия (Кривошеина). Указ. соч. С. 64, 129.

16. Постановление Священного Синода Московского Патриархата от 31 мая 1960 г. // Журнал Московской Патриархии, 1960; № 7. С. 5.

17. Указ Его Святейшества Алексия, Патриарха Московского и всея Руси от 21 июля 1960 г. // Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата, № 33–34, Париж, 1960, см. также Архиепископ Василий (Кривошеин). Воспоминания. Указ. соч. С. 241.

18. См.: Протоиерей Алексей Мальцев. Православные церкви и русские учреждения вне России. Берлин, изд. Братства св. Владимира, 1905; Мария Драшусова. К столетию храма свт. Николая в Брюсселе. Брюссель, рукопись, 1962; Протоиерей Павел Недосекин. Свято-Никольский собор Русской Православной Церкви в Брюсселе. Брюссель, изд. храма св. Николая, 2-е изд., 1999.

19. Свящ. Сергей Модель. Православная Церковь в Бельгии и Люксембурге // Церковь и время, № 3 (36), 2006 г.

20. Королевский Указ от 5 июня 1937 г., утвердивший статус Архиепис-

копии в качестве «общественно полезного учреждения», *Moniteur Belge* от 14 июня 1937 г. С. 3771–3774. См. также: Serge Model, *Histoire de l'Archevêché*, Указ. соч. С. 7; Митрополит Евлогий (Георгиевский). *Путь моей жизни. Воспоминания, изложенные по его рассказам Т. Манухиной.* Париж, изд. Имка-Пресс, 1947. С. 392; и *Père Serge Model, «L'Eglise orthodoxe en Belgique et au Luxembourg».* Указ. соч.

21. Наречение и хиротония архимандрита Василия // *Вестник Русского Западноευропейского Патриаршего Экзархата*, № 32. Указ. соч. С. 211.

22. Архиепископ Василий (Кривошеин). *Воспоминания.* Указ. соч. С. 273–282.

23. Архиепископ Василий (Кривошеин). Вторая Всеправославная конференция на Родосе // *Журнал Московской Патриархии*, 1964, № 4. С. 32 и *Воспоминания.* Указ. соч. С. 285–286.

24. Архиепископ Василий (Кривошеин). Третья Всеправославная конференция // *Журнал Московской Патриархии*, 1965, № 7. С. 42 и *Воспоминания.* Указ. соч. С. 301–309.

25. Архиепископ Василий (Кривошеин). Четвертое Всеправославное совещание // *Журнал Московской Патриархии*, № 1, 1969. С. 45–53 и *Воспоминания.* Указ. соч. С. 315–316.

26. Архиепископ Василий (Кривошеин). Межправославная комиссия по диалогу с англиканами // *Журнал Московской Патриархии*, № 6, 1969. С. 35–48. См. также: Архиепископ Василий (Кривошеин). *Богословский диалог между Православной Церковью и англиканским вероисповеданием и его проблемы* // *Вестник Русского Западноευропейского Патриаршего Экзархата*, № 59. С. 157–178; Архиепископ Василий (Кривошеин). *Богословские собеседования по вопросу об англиканском священстве между Англиканской и Русской Православной Церквями* // *Журнал Московской Патриархии*, № 7, 1967. С. 45–53; Архиепископ Василий (Кривошеин). *Сессия межправославной комиссии по диалогу с англиканами (Хельсинки, 7–11 июля 1971)* // *Журнал Московской Патриархии*, № 4, 1972. С. 55–58.

27. Архиепископ Василий (Кривошеин). XIX Международный Старокатолический Конгресс в Вене // *Журнал Московской Патриархии*, № 11, 1965. С. 46.

28. Эта степень была ему присуждена за совокупность его трудов, а в особенности за его издание «Огласительных слов» прп. Симеона Нового Богослова. См.: Архиепископ Василий (Кривошеин). *Воспоминания.* Указ. соч. С. 297 и 301.

29. N. Lossky, Son Eminence Monseigneur Basile, archevêque de Bruxelles et de Belgique: in memoriam // Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата, № 115. С. 43–44.

30. Serge Model, Histoire de l'Archevêché, Указ. соч. С. 24–33; Son Excellence Monseigneur Basile // Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата, № 105–108. С. 6.

31. В 1969 г. архиепископ Василий принимал участие в интронизации первого греческого митрополита — Эмилианоса (Захаропулоса), позже, в 1983 г. — в интронизации преемника последнего — митрополита Пантелеимона (Контояниса).

32. F. Lhoest, Le Congrès orthodoxe de Bruges // Le Messager orthodoxe, № 58, Paris, 1972. С. 62–64.

33. Неделя молитв о единстве христиан проводится в Католической Церкви ежегодно обычно в конце декабря – начале января. Идея выделить специальное время в литургическом круге для молитв о восстановлении утраченного некогда единства принадлежит католическому священнику из Лиона — аббату Полю Кутюрье. Начиная с 1935 года, неделя молитв о христианском единстве проводится ежегодно во всех католических приходах и охватила поистине весь западный христианский мир.

34. Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата, № 64, 1970. С. 4–5.

35. Письмо подготовительного комитета в преддверии образования Брюссельского межцерковного комитета, рукопись. Брюссель, 20 ноября 1970 г.

36. Диакон Михаил Городецкий. Указ. соч. С. 6; F. D., Rencontre avec l'archevêque russe Basile Krivochéine // La Libre Belgique, 26–27 février 1980. Брюссель. С. 28 и Архиепископ Василий (Кривошеин). Воспоминания. Указ. соч. С. 332–333.

37. Закон от 17 апреля 1985 г. о признании органов управления, заведующих делами православного культа. Moniteur Belge, 11 мая 1985 г. С. 6870–6871; Serge Model, L'Eglise orthodoxe. Указ. соч. С. 81.

38. Архиепископ Василий (Кривошеин). Международный конгресс в Венеции, посвященный тысячелетию Горы Афон // Журнал Московской Патриархии, 1964, № 2. С. 54.

39. Диакон Михаил Городецкий. Указ. соч. С. 6.

40. Диакон Михаил Городецкий. Указ. соч. С. 7.

41. Священник Георгий Чистяков. Красный антисоветчик // Русская

Мысль, № 4323, Париж, 22–28 июня 2000. С. 19.

42. Там же.

43. Диакон Михаил Городецкий. Указ. соч. С. 6; Архиепископ Василий (Кривошеин). Воспоминания. Указ. соч. С. 343–473.

44. Это стоило вл. Василию нескольких лет «запрета» на въезд в СССР.

45. Смотри воспоминания владыки об этих иерархах: Архиепископ Василий (Кривошеин). Воспоминания. Указ. соч. С. 202–262 и 266–341.

46. Протоиерей Борис Бобринский. Памяти архиепископа Василия Брюссельского // Русская мысль, № 3592 от 25 октября 1985. (Архиепископ Василий (Кривошеин). Воспоминания. Указ. соч. С. 318–320).

47. Архиепископ Василий (Кривошеин). Воспоминания. Указ. соч. С. 328.

48. Диакон Михаил Городецкий. Последнее путешествие // Приходской бюллетень Свято-Никольского собора в Брюсселе, 1985, № 8. С. 11; Serge Model, Histoire de l'Archevêché. Указ. соч. С. 33–35 и Церковь Владыки Василия (Кривошеина). Указ. соч. С. 413–419.

49. Среди них были апостолический нунций, епископ Люк де Ховр (представлявший кардинала Данеельса), англиканский епископ, аббат Шеветоньского монастыря и представитель Министерства юстиции (ответственный за дела культов в Бельгии).

50. Mort de l'archevêque Basile de Bruxelles // Episkopsis, № 344, Genève, 15 octobre 1985.

51. N. Lossky, Son Eminence Monseigneur Basile. Указ. соч. С. 44.

52. Завещание архиепископа Василия (Кривошеина) от 30 января 1980 г., Брюссель, §§ 7 и 8.

53. Священник Георгий Чистяков. Указ. соч. С. 19.

54. F. Lhoest, Adieu à Mgr Basile (Krivochéine), archevêque orthodoxe russe de Bruxelles // Bulletin de la Communauté orthodoxe de la Sainte Trinité et des SS. Côme et Damien, Брюссель, 1985.

55. Протоиерей Борис Бобринский. Указ. соч.

56. N. Lossky, Son Eminence Monseigneur Basile. Указ. соч. С. 44.

*Иеромонах Антоний (Ламбрехтс)**

*Архиепископ Василий (Кривошеин)
и его отношение
к Католической Церкви*

«Хотя я и живу на Западе и во многом высоко ценю и даже люблю Запад, но все же я не "западник". Я гораздо более люблю греческий мир, чем латинский; Византию, а не Западное средневековье, и, конечно, Православие, а не римский католицизм. И также очень люблю Россию, всю ее культуру и историю, хотя Византия и "патристическое Православие" мне, пожалуй, еще ближе и ценнее¹». Это одновременно культурное и эклезiological кредо, которое владыка Василий исповедует как некий крик души в своем письме 1956 года из Оксфорда к племяннику Никите, есть своего рода характеристика его отношения к Католической Церкви и к отдельным католикам, постоянные встречи с которыми Господь посылал ему на протяжении его долгой жизни. Его взгляд — это, в первую очередь, взгляд веры, веры, укорененной в наследии отцов древней Церкви, веры греческих отцов (прежде всего каппадокийцев), веры таких византийских мистиков, как преподобный Симеон Новый Богослов и святитель Григорий Палама, его «первая любовь». Можно без сомнения сказать, что его настоящим Отечеством на этой земле была

* Иеромонах Антоний (Ламбрехтс) — насельник бенедиктинского монастыря Шеветонь (Бельгия).

вера отцов Церкви. Исходя именно из этой веры он говорил о Церкви: Православной (русской или греческой) и Католической. Его взгляд на Католическую Церковь есть прежде всего взгляд богослова, а не экуменического дипломата. Он не любил компромиссы и дежурные любезности в ущерб (как ему казалось) истине, Православию или церковной традиции. Он так и остался на всю свою жизнь афонским монахом...

Именно на Афоне, где в 1924 году он принял монашеский постриг, будущий архиепископ Василий впервые открыл для себя наследие отцов. Там он знакомится с творениями Григория Паламы, причем намного раньше всплеска паламизма на Западе, случившегося в 50-х годах прошлого столетия. В 1936 году он публикует в Праге свой труд «Аскетическое и богословское учение святителя Григория Паламы», который будет сразу же переведен на английский и немецкий² языки. В афонских библиотеках он находит первые материалы для критического издания «Огласительных слов» святого Симеона Нового Богослова, изучению и изданию которых он посвятит несколько десятилетий³.

Патристические исследования, однако, не запирают его в кельи. Он любит обсуждать их со своими братьями, а также с западными патрологами и византинистами, когда те посещают Гору Афон. Одним из его послушаний в 20–30-е годы было сопровождение в качестве переводчика инославных паломников на Святой Горе⁴. «Среди них, — пишет он своей матери в 1932 году, — попадают люди с духовными запросами и интересом к Православию. Но таких мало⁵». Таких мало, но все же они встречаются. Именно в этот период монах Василий (Кривошеин) завязывает свои первые контакты с отдельными католиками, которые останутся его друзьями на всю жизнь. Начиная с 20-х годов, он знакомится с монахами Шветоньского монастыря⁶, часто посещавшими в те годы Святую Гору с целью поближе

познакомиться с православным укладом монашеской жизни и византийской литургией⁷. Осенью 1927 года на Афоне побывал первый монах-шевтонец о. Теодор Бельпер⁸, в феврале 1930 года произошла встреча монаха Василия с основателем Шеветоньского монастыря отцом Ламбером Бодуэном, в 1931–1932 гг. — с о. Давидом Бальфуром. Последний впоследствии обратился в Православие под влиянием преподобного Силуана Афонского и его ученика архимандрита Софрония (Сахарова)⁹. Владыка Василий останется верным этой дружбе с Шеветоньским монастырем на протяжении всей своей жизни. В ноябре 1936 года он подарил (одному из первых) о. Теодору Бельперу, бывшему в ту пору приором монастыря, свою статью о свт. Григории Паламе¹⁰ с теплой дарственной надписью, а осенью 1957 года он специально приехал в монастырь, чтобы поделиться впечатлениями о своем первом недавнем посещении Советского Союза и рассказать о своей работе по исследованию творений преподобного Симеона Нового Богослова. Очевидно он ценил в Шеветоньской общине, царящий в ней дух доверия и чистосердечности по отношению к Православной Церкви, а также схожесть богословского и патристического понимания проблемы единства христиан: «Эти доклады вызвали среди них большой интерес, — пишет он своему брату. — Отрадно (и вместе с тем крайне грустно), что все эти "униаты"¹¹ (по национальности они все западные — бельгийцы, французы и т.д.) относятся к Русской Православной Церкви (Московской Патриархии) с бóльшим сочувствием, пониманием и доброжелательством, чем многие наши эмигрантские выродки. Но я должен прибавить, что такое сочувственное отношение можно найти только среди незначительного меньшинства католиков. Ватикан и громадное большинство римско-католической иерархии относятся к Русской Православной Церкви очень недружелюбно, даже часто враждебно¹²».

Став епископом Русской Православной Церкви в Брюсселе, владыка часто приезжал в Шеветонь и был участником практически всех «Недель экуменических исследований» — ежегодных богословских конференций, которые начали проводиться монастырем во время Второй мировой войны по инициативе о. Климента Лялина. Эти конференции, имевшие характер богословских собеседований, всегда были проникнуты духом патристики и монашества. Участники, которые представляли разные христианские конфессии, открыто обсуждали там самые различные актуальные проблемы межхристианского диалога и владыка Василий, с присущей ему прямолинейностью, горячо вступал в дебаты¹³. Вечера всегда заканчивались служением вечерни по восточному обряду, на которой, по сложившейся традиции, владыка читал предначинательный 103-й псалом. В 1980 году именно монастырю Шеветонь архиепископ Василий доверил публикацию французского издания своего основного труда о жизни и духовности преподобного Симеона Нового Богослова¹⁴. Начиная с 60-х годов, благодаря владыке, посещение Шеветоньского монастыря стало обязательной частью программы всех визитов иерархов Русской Православной Церкви, что позволило общине значительно расширить свои контакты с православными русскими священнослужителями и архиереями. Порой архиепископ Василий начинал даже рассматривать наш монастырь как входящий в свою «юрисдикцию», дружелюбно высказывая свое недовольство нашими контактами с епархией «рю Дарю» или Русской Православной Церковью Зарубежом: «Вы все-таки как-никак для Московского Патриархата», — говорил он нам полусуто...

Монахи Шеветоньского монастыря были, конечно же, не единственными католиками, которым доверял владыка Василий. Без сомнения, его пребывание в Оксфорде и участие в прохо-

дивших там знаменитых патристических конгрессах, а особенно назначение епископом в Брюссель, позволило ему «открыться» западным христианам и углубить свои контакты с отдельными католиками. Какой путь смягчения своих взглядов на католиков он прошел с афонского периода своей жизни лучше всего показывает его письмо 1939 года, в котором он предостерегает свою мать от католического благочестия: «Ты пишешь, что ходишь в католический храм. Не могу сказать, чтобы мне это очень нравилось. [...] (С тех пор, как я принял монашество, я ни разу не присутствовал на неправославном богослужении.) Во всяком случае, если ты все-таки настаиваешь на посещении католического храма, избегай вести себя так, как католики, дабы всем было видно, что ты к ним не относишься (не следует погружать персты в святую воду, брать освященный хлеб, креститься на латинский лад, ставить на одно колено и т.д.). Все это может показаться второстепенным и малозначительным. Само по себе оно и вправду второстепенно, но становится важным, коль скоро делается символическим выражением принадлежности к определенному религиозному организму. И все же я предпочитаю, чтобы ты ходила в церковь латинского обряда, чем в так называемую церковь восточного обряда (униатскую). Последнее мне кажется для православного человека совершенно недопустимым и даже постыдным, так как пресловутый восточный обряд является в конечном счете лишь боевой машиной, коварной и нечестной, направленной против Православной Церкви. Думаю также, что ни в коем случае не следует водить в католический храм Никиту — не имея возможности посещать православные богослужения, как бы он не усвоил латинскую духовность... Несмотря на все то, что я только что тебе написал, не принимай меня за врага Римско-Католической Церкви. Римо-католики — тоже христиане, хотя и отделившиеся от Святой Апостольской и истинно-кафолической (Право-

славной) Церкви; они сохранили, несмотря на свое отпадение, некоторую благодать; возможно, есть у них святые; их учение ближе нашему, чем учение остальных христианских исповеданий. Однако они утратили полноту истины, многие из их верований (о папской непогрешимости и др.) кажутся нам антихристианскими и основанными на лжи; а их враждебное отношение к Православию, их жестокие гонения на нашу Святую Церковь всюду, где только возможно, ясно показывают, что не всегда их вдохновляет и направляет Святой Дух, а иногда, возможно, и дух тьмы (во всяком случае, в плане индивидуальном). Несмотря на все это, я несравненно лучше отношусь к римо-католикам, чем к атеистам и так называемым "вольнодумцам"¹⁵».

Жесткий тон по отношению к католикам в тот период, без сомнения, объясняется жесточайшими гонениями на Православную Церковь в Польше в 1938 году, когда десятки православных храмов были сожжены, разрушены или обращены в латинские костелы католическими националистами¹⁶. Парadoxально, но один из немногих поляков, возвысивших свой голос в защиту православных был униатский митрополит Андрей (Шептицкий). И в то же время, уже в эти годы, как мы видим, монах Василий (Кривошеин) встречает искренних католиков, о которых он напишет в том же письме: «Тем не менее [несмотря на гонения в Польше — прим. иером. Антония (Ламбрехтса)], есть у меня среди католиков несколько близких друзей, но: 1) это католики (таких очень мало), которые относятся к Православию с особой благожелательностью; 2) не мы идем к ним, а они сами приходят в нашу Церковь (сюда, на Афон)»¹⁷.

Во время патристических конгрессов в Оксфорде, в 50–60-х годах, будущий архиепископ Василий знакомится со знаменитыми католическими патрологами, такими как: о. Жан Даниелу, Анри-Ирене Мару и о. Жан Даррузес. Как известно, о. Жан Да-

ниелу и Анри-Ирене Мару не были «келейными» патрологами, они живо интересовались современными проблемами, диалогом между верой и наукой. Без сомнения, именно с ними (с «моими друзьями-патрологами», как он говорил) о. Василий (Кривошеин) обсуждает в 1956 году «Феномен человека»¹⁸ — революционный труд о. Тейяра де Шардена. «Это исключительно интересная, талантливая, готов даже сказать — гениальная книга, хотя, это не значит, что я согласен со всем, что он в ней пишет», — читаем мы в письме владыки к своему брату Игорю в декабре 1956 года. «Интерес книги, однако, не только научный. Это замечательная попытка философского осмысления эволюции жизни и одновременно попытка проникнуть в ее дальнейшее развитие. [...] Меня поражает широта и смелость его синтезов и глубина метафизического постижения. Автор, к тому же, блестящий писатель и большой стилист...»¹⁹ Отец Василий знает, что мысли Тейяра де Шардена критикуются, даже осуждаются в определенных католических кругах, в особенности, последователями томистской школы западного богословия. Но его «приятели-патрологи» относятся к Тейяру «с большим уважением». «Что касается моего личного отношения к богословско-философской стороне книги T. de Chardin, то я вижу в ней не столько модернизм, сколько некий пантеистический и гностицистический уклон, хотя автор это и отрицает. С христианской точки зрения, религиозный смысл, придаваемый им мировой эволюции, представляется преувеличенным, хотя и не неверным. В общем, вся его концепция [...] удивительно напоминает мне основную идею Оригена [...], хотя, конечно, выражена эта идея у обоих писателей на совершенно различных языках: научно-биологическом у T. De Ch., антично-философском и библейско-патристическом у Оригена. Скажу прямо: этот последний (оригеновский) язык мне гораздо ближе, и думаю, что он даже более

адекватен для темы. Тем не менее, я прочитал книгу Т. De Ch. с захватывающим интересом и считаю, что такие попытки христианского осмысливания достижений естественных наук совершенно необходимы и очень полезны. Но я лично буду, по-прежнему, изучать греческих отцов, особенно мистиков. Это моя «специальность» и все же как-то ближе к делу»²⁰.

Проблематика, поднимаемая Тейяром де Шарденом занимает мысли владыки на протяжении зимы 1956–1957 гг. Интересно сравнить этот интерес к Тейяру де Шардену архиепископа Василия — крупнейшего православного патролога, взыскательного и строгого критика и мнение о том же авторе прот. Василия Зеньковского, высказанное последним в своей книге «Основы христианской философии»: для него эволюционизм Тейяра всего лишь «мифология», непримиримая с христианским учением о Творении²¹. Но в итоге своих рассуждений о философии Тейяра де Шардена и владыка Василий заключает, что лично для него «все эти проблемы о соотношении религии и науки не имеют центрального значения» и что для него «никаких настоящих "проблем" здесь нет», а «богословские и мистические "проблемы" интересуют меня куда более»²².

Начало 60-х годов двадцатого столетия стало очень важным для владыки Василия (Кривошеина): назначение на брюссельскую кафедру, вступление Московского Патриархата во Всемирный Совет Церквей, активная деятельность митрополита Николая (Ротова) на посту председателя Отдела внешних церковных сношений, направление наблюдателей на Второй Ватиканский Собор и начало межправославных совещаний на о. Родос, все это заставило владыку активнее включиться в экуменическое движение и занять в нем определенную позицию. Отметим здесь два важных аспекта, которые касаются его отношений с Католической Церковью в тот период: принятие Вторым Ватиканским

Собором в 1964 году догматического постановления о Церкви *Lumen Gentium* и прокатолические симпатии митрополита Никодима (Ротова), с которым владыке приходилось сотрудничать на ниве межхристианских отношений.

Догматическое постановление *Lumen Gentium* не могло не заинтересовать такого богослова, как владыка Василий. Еще в момент составления окончательного варианта текста на заседаниях Собора он внимательно следил за любой реакцией в прессе на этот документ (в особенности в газетах «*Le Monde*» и «*Le Courrier*»), а также в хрониках, которые публиковали наблюдатели в различных журналах. В 1966 году он опубликовал одновременно в «*Vestnik* Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата» (по-русски) и в журнале «*Irénikon*» (по-французски) статью о православном прочтении данного документа²³. Двадцать страниц ремарок и замечаний, очень пронизательных, а порой и весьма суровых, на текст данного соборного документа заслуживают того, чтобы перечитать их еще раз сегодня, спустя 40 лет. Постановление *Lumen Gentium* в его глазах это документ «противоречивый», «двойственный» и с «неустойчивым равновесием» документ, который никак не способен согласовать первенство и непогрешимость Папы с соборностью Церкви и коллегиальностью епископата²⁴. Хотя многие фразы документа и произвели на него «благоприятное впечатление», но он был «раздражен» его «снисходительным тоном» по отношению к Православной Церкви. Постановление *Lumen Gentium* несправедливо увязывает, на его взгляд, «целостность веры» или «принадлежность к Церкви» с «общением с Преемником Петра»²⁵. В тоже время он говорит в заключении, что «внутренний динамизм, присущий идее Церкви, как Телу Христову, и народу Божию, находящемуся на пути к полноте (вместо понятия Церкви как простого иерархического общества), — все это дает нам

"надежду вопреки всякой надежды" на то, что Постановление "О Церкви" не является последним словом римокатолической Церкви в тех жгучих вопросах, которые отделяют ее от Православия. Нашим римокатолическим братьям еще придется проделать большой труд возвращения к истокам и обновления под водительством Духа Святого, для того, чтобы наконец открылся путь к единству христиан»²⁶. Но Католическая Церковь, полагает он, не сможет довести в одиночку это дело до конца. Католики и православные должны работать вместе, чтобы подготовить необходимые условия для подлинного богословского диалога.

Эта проблема — «подлинного богословского диалога» с Католической Церковью вставала всегда в отношениях между архиепископом Василием и митрополитом Никодимом (Ротовым), бывшим в ту пору председателем Отдела внешних церковных сношений Русской Православной Церкви. Несмотря на все то уважение, которое архиепископ Василий испытывал к митрополиту Никодиму как к «человеку Церкви», владыка отказывался понимать экуменизм дипломатических подарков, встреч и вояжей: «Он встречается с католиками только на официально-дипломатическом уровне, обменивается с ними любезностями, целует руку папы, знает фамилии всех кардиналов или беседует на "икуменические" темы о расизме и т.д., но богословских подлинных контактов у него с католиками нет. Он не знает обстановку и мало в ней разбирается»²⁷. Эта симпатия митрополита Никодима к Католической Церкви была в глазах владыки Василия чем-то «иррациональным» и «почти патологическим»²⁸. Напрасно пытался он объяснить митрополиту Никодиму, что «сейчас [в 1978 году!] в Католической Церкви дисциплина подорвана хуже, чем в Православии, что в ней нет ни единства учения, ни даже организационного единства, во всяком случае меньше, чем в Православии, священники служат мессу, как кому

вздумается, а богословы отрицают основные догматы веры»²⁹.

Непонимание и сожаление архиепископа Василия относительно католических симпатий митрополита Никодима заходили так далеко, что он посчитал смерть последнего в Ватикане в присутствии Папы Иоанна-Павла I «как знамение Божие, как вмешательство Божие, как неодобрение той спешки и увлечения, с которыми проводилось скончавшимся митрополитом сближение с Римом, все эти поездки на поклон к папе, причащения католиков и даже сослужения с ними, — все это в атмосфере одновременно скрытости и демонстративности»³⁰.

Что мы можем заключить из нескольких отрывков, собранных из писем и воспоминаний владыки или же из воспоминаний и свидетельств людей, близко его знавших? Безусловно то, что наш короткий обзор такой большой и интересной темы очень ограничен, крайне спорадический и абсолютно неполный. Необходимо его дополнить и обогатить прочими свидетельствами и другими письмами. Мы надеемся, что это будет однажды кем-то сделано. Но мы можем определенно сказать, что владыка Василий, по его собственным же словам, имел среди католиков настоящих друзей. Он бывал часто разочарован, когда его собеседник не принимал всерьез богословских аспектов, разъединяющих православных и католиков. Он твердо верил в возможность настоящего согласия на основе веры неразделенной Церкви, на основе совместных исследований, на основе «подлинного богословского диалога». Все прочее ему казалось напрасной тратой времени. Внешние формы и жесты не имели смысла сами по себе, но должны были быть укоренены в вере и традиции Церкви, иначе, по его мнению, они были контрпродуктивными. Но были ли действительно экуменические взгляды митрополита Никодима и архиепископа Василия абсолютно несовместимыми или же они были скорее взаимодополняющими? На мой взгляд,

для митрополита Никодима православные и католики были уже братьями и сестрами одной Семьи, одного Тела Христова. И, быть может, предчувствуя близкую кончину, митрополит Никодим хотел еще на этой земле увидеть Единую Церковь и потому так спешил. Все необходимое для этого единства нам уже дано в крещении. Но это накладывает на нас и большую ответственность: мы должны умножать в нас любовь Христову, дать возможность возрасть в нас действию Духа Святого, который нас объединяет. Мы должны вместе углубить нашу веру, дабы мир узрел открывшегося в нас Христа и дабы мир поверил.

Владыка Василий (Кривошеин) был всю свою жизнь прежде всего монахом. Одиноким, быть может. Но у него были друзья, которым он доверял. Совершенно очевидно, насколько важны и дороги были для него семейные отношения: его мать, его братья, его племянник. Им он всегда говорил все, что думал, но даже с ними он говорил прежде всего как богослов и как человек Церкви. Возможно, он надеялся на такое же братское, дружественное, откровенное, чистосердечное и доверительное понимание своих убеждений со стороны католиков (да и всех остальных инославных христиан). Надеялся на понимание взаимного слышания в вере, без которого невозможно единство во Христе.

Перевод с французского священника Димитрия Агеева.

*Текст опубликован в журнале ОВЦС
«Церковь и время» №4(37), 2006 г.*

Примечания:

1. Письмо к племяннику Никите, 25 декабря 1956 г. // Церковь Владыки Василия (Кривошеина). Изд-во Братства во имя св. Александра Невского, Нижний Новгород, 2004. С. 52.

2. Монах Василий (Кривошеин). Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы // *Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études.*

Archéologie, Histoire de l'Art. Etudes byzantines. Том VIII. Прага, 1936. С.99–154; The Ascetic and Theological Teaching of Gregory Palamas // The Eastern Churches Quarterly 1938. С. 71–84, 138–156, 192–214; Die asketische und theologische Lehre des hl. Gregorius Palamas (1296–1359), Würzburg, 1939.

3. Syméon le Nouveau Théologien, Catéchèses. Introduction, texte critique et notes par Mgr Basile Krivochéine. Traduction par Joseph Paramelle, s.j.. Tome I: Catéchèses 1–5 (= Sources Chrétiennes 96), 1963; Tome II: Catéchèses 6–22 (=S.C. 104), 1964; Tome III: Catéchèses 23–34 (= S.C. 113), 1965, Paris.

4. Михаил Городецкий, диак. Высокопреосвященнейший Василий, архиепископ Брюссельский и Бельгийский // Церковь Владыки Василия (Кривошеина). Указ. соч. С. 443.

5. Письмо к матери, 17/30 января 1932 г. // Архиепископ Василий (Кривошеин). Воспоминания. Письма, Изд-во Братства во имя св. Александра Невского, Нижний Новгород, 1998. С. 498.

6. В то время община находилась еще в местечке Амэ-сюр-Мюз.

7. См.: P. Antoine Lambrechts, Pèlerins bénédictins au Mont Athos// Irénikon, № 71, 1998. С. 281–289.

8. О. Теодор опубликовал в монастырском журнале свои «Письма с горы Афон». См.: «Lettres du Mont-Athos»// Irénikon, № 6, 1929. С. 20–44; 168–20; 332–365.

9. См.: Николай (Сахаров), иерод., Архимандрит Софроний и Давид Бальфур // Церковь и время, № 2(15), 2001. С.170–183; Софроний (Сахаров), архим. Подвиг богопознания (Письма с Афона к Д. Бальфуру), Эссекс; М., Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь; Паломикъ, 2002.

10. Монах Василий (Кривошеин). Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы // Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études. Archéologie, Histoire de l'Art. Etudes byzantines. Том VIII. Прага, 1936. С.99–154.

11. То, что владыка Василий употребил слово униаты в кавычках отнюдь не случайно: будучи католиками западного происхождения монахи-шеветоньцы не являются «униатами» в истинном смысле этого слова, да к тому же, владыке, как никому другому, были известны эклезеологические принципы, исповедуемые монастырем — лишенные напрочь какого бы то ни было униатизма.

12. Письмо брату Игорю, 6 марта 1957 г. // Церковь Владыки Василия (Кривошеина). Указ. соч. С. 54.

13. Об истории «Недель экуменических исследований» в Шеветони

смотри: Olivier Rousseau, Les journées œcuméniques de Chevetogne (1942–1967) // Au service de la Parole de Dieu. Mélanges offerts à Monseigneur André-Marie Charue, Evêque de Namur, Gembloux, 1969, p. 451–485; Albert Verdoodt, Les colloques œcuméniques de Chevetogne (1942–1983) et la réception par l’Eglise catholique de charismes d’autres communions chrétiennes, Chevetogne, 1986.

14. Archevêque Basile Krivochéine, Dans la lumière du Christ: Saint Syméon le Nouveau Théologien, 949–1022. Vie, spiritualité, doctrine (coll. Témoins de l’Eglise indivise, 1), Chevetogne, 1980.

15. Письмо к матери, 19 ноября/2 декабря 1939 г. // Церковь Владыки Василия (Кривошеина). Указ. соч. С. 37–38.

16. Смотри : Antoine Lambrechts, Orthodoxes et Catholiques en Pologne. La défense des biens de l’Eglise orthodoxe par le métropolitain André Sheptyc’kyj // Irénikon, № 64, 1991. С. 44–56.

17. Письмо к матери, 19 ноября/2 декабря 1939 г. // Церковь Владыки Василия (Кривошеина). Указ. соч. С. 37.

18. См.: Teilhard de Chardin Pierre, Le phénomène humain, Paris, Seuil, 1955; русское издание: Тейяр де Шарден П. Феномен человека, М., 1987.

19. Письмо к брату Игорю, 8 декабря 1956 г. // Церковь Владыки Василия (Кривошеина). Указ. соч. С. 48.

20. Там же. С. 49–50.

21. Зеньковский В.В., прот. О трудах Teilhard de Chardin // Основы христианской философии, т. II, 1964. С.175–187. Об оценке философии Тейяра де Шардена православными богословами смотри также: Струговщиков Е., свящ., Тейяр де Шарден и православное богословие, М., 2004.

22. Письмо к брату Игорю, 6 марта 1957 г. // Церковь Владыки Василия (Кривошеина). Указ. соч. С. 54.

23. Архиепископ Василий. Догматическое Постановление «О Церкви» II Ватиканского Собора с православной точки зрения // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата, № 56, 1966, С. 222–238. Basile (Krivochéine). La Constitution dogmatique De Ecclesia. Point de vue d’un Orthodoxe // Irénikon 39 (1966). P. 477–496.

24. После смерти папы Павла VI, когда монахи обсуждали волнующий вопрос — кто же станет следующим понтификом, владыка Василий, услышав их разговор, насмешливо сказал: «Не понимаю, о чем вы волнуетесь. Какая разница? Разве ваш следующий Папа не будет непогрешимым?»

25. «Православные хорошо знают, что в древней неразделенной Церк-

ви общение с римским епископом не считалось признаком принадлежности к Церкви» (Архиепископ Василий, Догматическое Постановление «О Церкви» II Ватиканского Собора с православной точки зрения, Указ. соч. С. 224); «Мы (православные) сохранили целостность веры, но не мерим ее общением с «Преемником Петра» (Там же. С. 227).

26. Там же. С. 238.

27. Письмо к брату Игорю, 22 октября 1975 г. // Церковь Владыки Василия (Кривошеина). Указ. соч. С. 93.

28. Митрополит Никодим (Ротов) // Архиепископ Василий (Кривошеин). Воспоминания. Письма. Указ. соч. С. 331.

29. Там же. С. 332.

30. Там же. С. 340.

P.S.

Ксения Кривошеина

На родном погосте

24 сентября 1985 года, на Серафимовском кладбище хоронили владыку Василия. Из разговора двух старушек: «Кого же хоронят?» — «Святого человека, который за границей жил. За ту святость Бог его и привел на Родине умереть».

За несколько лет до своей кончины архиепископ Василий составил завещание, в нем он распорядился о своей могиле в Бельгии, на кладбище в Икселе. Но небеса решили иначе, и владыка Василий был отпет в храме, в котором был крещен и упокоился в городе, в котором родился. В советские годы он никогда, ни в письмах, ни изустно, не называл его иначе, чем «город на Неве». После того, как он с «белыми» покинул в 1920 году Крым, о чем он рассказывает в своем тексте «Спасенный Богом», его первое посещение родины случилось только в 1956 году.

После 1980 года произошел небольшой перерыв в его посещениях СССР, который он тоже избегал называть так, а всегда говорил и писал — Россия.

В 1982 году он тяжело заболел, можно предположить, что его недуг был связан не только с напряженной пастырской работой, но и с выступлением о. Димитрия Дудко по советскому телевидению (об этом прискорбном деле можно прочитать в этой книге). После болезни он оправился и в 1983 году посетил Одессу, где собиралась Англикано-Православная Комиссия, а в октябре

1984 года приехал в Ленинград, в Духовную Академию, где ему присвоили звание доктора богословия.

В 1985 году, в связи с празднованием тезоименитства Его Святейшества Патриарха Пимена, владыку Василия пригласили посетить Москву, Ленинград и Ростов. Программа была насыщенной. К своей поездке он готовился тщательно и с энтузиазмом, уже в середине августа послал телеграмму митрополиту Филарету, председателю ОВЦС, с просьбой приехать в сопровождении диакона Михаила Городецкого, который был его секретарем. Практически поездка должна была занять весь сентябрь. Предстояло много тяжелых переездов по стране и многочасовых служб.

«Приехал владыка Василий в Москву 7-го сентября, позвонил мне и сказал, что завтра служит литургию в Лефортове, где сослужить ему будет епископ Николай Шкрумко», — так начинает свой рассказ о последних днях владыки его двоюродная сестра Ольга Кавелина. — «Вечером — всенощное бдение в соборе, под тезоименитство Патриарха Пимена, в 15 часов — прием у Патриарха, потом у владыки Филарета (Вахромеева)¹ в "иностранный" отделе, а вечером он обещался быть у нас, у двоюродных сестёр. Владыка должен был ехать в Ленинград "Стрелой" и ему почему-то не хотелось уезжать в этот день, он долго собирался и, только когда за ним на машине приехал отец Серафим, который был к нему прикреплен как сопровождающий, он мне сказал: "Я еще у тебя побуду. Нет-нет, ты не огорчайся, вот вернусь 23 числа из Ростова и обязательно приду к тебе"».

В Ленинграде ему была вручена программа: Эрмитаж, Русский музей, Пискаревское кладбище, Павловск... Он эту программу просмотрел и сказал: «Нет нам это не подходит. А почему нет посещения Духовной Академии?» Пришлось в программе кое-что поменять и владыка служил в Академическом храме под

престольный праздник Усекновения главы Иоанна Предтечи. А потом началась череда служб и приемов: чай в профессорской, кофе и беседа у владыки Антония (Мельникова)², вечером всеобщая в Лавре. Сослужили владыке Антонию еще шесть архиереев, а потом опять ужин у владыки Антония... а на следующий день, 12-го, опять Лавра и Крестный ход, на котором владыке Василию пришлось идти и кропить народ. Он очень плохо видел, носил очки с толстыми стеклами, а потому шел медленно и осторожно. Владыку Антония это раздражало, и он сказал: «Нельзя ли поскорей?» Но владыка Василий этого сделать не мог. Тем более, что вокруг было очень много народа, все теснились, кто-то хотел ему что-то сказать, подойти под благословение... Потом был обед у митрополита Антония, который вдруг обратившись к владыке произнес: «Вы даже написали владыке Кириллу? Почему же отец диакон Михаил не принимает монашество? Был бы викарным епископом при владыке Василии...» Хорошее отношение владыки Василия к владыке Кириллу явно раздражало митрополита Антония и он этого особенно не скрывал. «Меня уже десять лет как хоронят» — ответил владыка Василий.

В пятницу была организована поездка в Новгород на «рафике». Он очень утомился от этой поездки, у него заболели ноги и спина, и совершенно не понятно, как он выдержал около 500 км туда и обратно на этой машине. На этом «рафике», на месте, где сидел владыка, я потом ехала из морга.

По возвращении из Новгорода он служил литургию в Преображенском соборе. В этом соборе его крестили, этот храм исторически был всегда связан с семьей Кривошеиных, до революции их дом располагался буквально в двух шагах.

После окончания литургии был опять устроен обед, после которого владыке стало плохо, вызвали «скорую» и отвезли в больницу. Диагноз не обещал выздоровления, и перед митропо-

литом Антонием как-то сразу встал вопрос: «Где хоронить Архиепископа Василия (Кривошеина)?» И митрополит ответил: «Мы свое дело сделаем — отправим его в Бельгию».

Тут нужно сделать отступление в рассказе Ольги Александровны и кое-что уточнить.

Сразу же после кончины владыки нам в Париж стали звонить из Ленинградской митрополии и из ОВЦС разные официальные люди, говоря, что вот-вот тело владыки отправляется самолетом в Париж. Но на семейном совете было решено, что Провидение Господне предопределило на небесах лучше, чем нежелание подойти по-церковному, и коли уж так случилось, что владыка скончался у себя в родном городе, что инсульт сразил его в храме где он был крещен, то и упокоение его должно быть на родном погосте, в России, о будущем церковном расцвете которой он мечтал всю жизнь. А потому и Игорь Александрович и Никита ответили определенно, высказав пожелание, что владыка должен быть предан родной земле.

По тем временам, это было не простое решение. Никто ведь не предполагал, что СССР осталось жить всего несколько лет. Мы не могли и вообразить, что сможем свободно и бесстрашно приезжать и наблюдать настоящее молитвенное паломничество на могиле владыки... Как вспоминает отец Михаил Городецкий, инсульт лишил владыку дара слова, но не воли. Почти неделю он держался, словно ожидая, сумеют ли близкие почувствовать его последнее желание. Это было не легко. Но и дьякон Михаил, и Ольга Кавелина, смогли понять волю архиерея и брата. Но решение, согласное с историей и волей Божией, предстояло еще отстоять.³

«Я отправилась в Ленинград. Меня встретил отец Серафим и с огорчением сказал, что митрополит Антоний хочет отправить его в Москву и говорит, что "Мы сами справимся". Никто не

приходил ухаживать за владыкой Василием в больницу, почему-то считали, что он без сознания, а его нужно было поворачивать, давать пить. Когда я пришла к нему — вспоминает Ольга Александровна — он сразу попросил чаю. Но почему-то ни чаю, ни кипятку в больнице не оказалось. В Лавре за молебным его не поминали, я спросила, почему, — сказали: "Нет распоряжения митрополита Антония. Да и вообще больной не хочет выздоравливать, не принимает лекарство". Это было неверно. 21-го сентября, в день Рождества Богородицы, митрополит прислал священника читать отходные молитвы. Во время чтения владыка сознательно осеял себя крестным знамением. К вечеру ему стало хуже, начались хрипы в легких, как будто он задышался. Мы еще раз прочитали отходную, но было уже видно, что настают последние-последние часы. Больницу закрывали в 12 часов, пришлось искать пальто и идти к выходу. А в половине четвертого владыка скончался. Когда мы с отцом Михаилом Городецким⁴ узнали об этом на следующее утро, то сразу поехали в больницу, где опять пришлось просить и уговаривать, чтобы нас все-таки пропустили в морг. Нам отказывали и тогда я сказала: "Я же сестра владыки, как же вы меня не пустите? Я должна пройти". Мы взяли его подрясник и белье, одели, тело перенесли в небольшую комнату и положили на стол. Через полчаса подъехала машина с несколькими священниками и прямо в морге отслужили первую панихиду. Когда мы возвращались из морга, отец Владимир Сорокин⁵ мне сказал: "Вы едете на том месте, где сидел владыка, когда посещал Новгород". Место было ужасное, я с трудом вышла из этого "рафика". Можно только удивляться, как уже больной и немолодой владыка выдержал такое путешествие. Но он никогда не жаловался, ни на свое состояние, ни на усталость, ни на что. В нем была не только замечательная офицерская закалка, но и монашеские кротость и терпение. Внешняя жизнь, ее

комфорт, никогда для него не представляли никакой ценности. Главное для него было вникнуть и почувствовать жизнь Русской Церкви. Он очень любил Церковь, и все ее болезни, все нечеткости, все неправильности болезненно отражались на его душе. От того он всегда старался исправить — в словах ли, в письмах ли — то, что по его мнению, было неправдой, то, что составляло какую-то ложь или компромисс. И он считал, что его долг — всегда-всегда говорить правду!» (Многие до сих пор полагают, что эта смелость у владыки Василия была якобы от того, что он жил за границей, а потому мог позволить себе на словах и на деле больше, чем архиереи в СССР. Но это не так, потому что и в СССР были иереи и священнослужители, которые выступали за правду. Прим. автора).

«После его кончины встал вопрос о захоронении. Конечно в Лавре, там где хоронили архиереев, места для него не нашлось. А владыка Антоний сказал: «Ищите на Охте». Но и там ничего не нашли. И тогда я подумала о Серафимовском кладбище. Ведь батюшка прп. Серафим Саровский был всегда особо чтим в Кривошеинской семье, и у них хранится великая святыня, подарок Государыни, — частица мощей, власы преподобного Серафима. На кладбище Серафимовском я почувствовала особую тишину, красоту и благодать. Господь и батюшка Серафим помогли, и нашлось место у самого храма.

Отпевание было в Преображенском соборе — том самом, который был началом и концом жизненного пути владыки Василия. Приехали архиереи и владыка Филарет, и я очень благодарна, что дали прочитать разрешительные молитвы именно ему. Мне всегда казалось, что владыка Филарет, был всегда близким по духу владыке Василию, и тот его очень любил. Но чувствовалось все время какое-то неучастие, некоторое как бы отстранение от владыки Василия. Чувствовалось, что его бояться, его

боялись всю жизнь, боялись общения с ним как с человеком, живущим за границей, боялись за то, что он писал в защиту людей. Таково, может быть, было время, а может, не только время, но и склад и характер советских людей. Но уж тут-то ко гробу можно было отнестись с почтением. А ведь на владыку было надето грязное облачение, и это видно было даже на фотографиях, потому что поручи были грязные. Между прочим, потом за трапезой владыка Филарет был явно смущен и сказал мне: «Мы хорошим обычно всегда в блистающих белых ризах». А я подумала, что значит не одна я заметила, что ризы грязные. Очень, очень больно думать об этом и вспоминать, потому как такие мелочи оседают в душе.

Но слава Богу, дальше мне было еще сложнее. Господь послал испытаний.

Ведь нужно было поставить на могилу достойный памятник, не просто деревянный крест, который через два года сгнил бы и упал. Своих средств у меня не было, я обратилась в Ленинградскую епархию и получила ответ: «Нас это не касается, Архиепископ Василий не Ленинградской епархии. Он к нам отношения не имеет». А владыка Филарет, возглавляющий тогда ОВЦС, ответил мне иначе: «Ольга Александровна, мы с Вами должны это сделать вдвоем». Из своих собственных средств владыка Филарет выделил деньги на памятник. Я продала кое-что, взяла деньги из своих смертных, потом поступила помощь из Парижа и так мы заплатили нужную сумму. В эти тяжелые месяцы Господь Бог послал мне в помощь человека, это был староста Серафимовского кладбища Павел Кузьмич. Если бы не он, то многое вышло бы не так, как задумывалось. Он нашел замечательный черный мрамор, гравировщика и сделал так, что могила приобрела должный вид.

Я хочу вспомнить и о том, каким счастьем было для владыки в последние годы жизни еще раз побывать на Афоне. Мне

пришлось встретить архимандрита Серафима (Томина), который был тогда наместником в нашем, русском Пантелеймоновском монастыре. Он рассказывал мне, как владыка приезжал на Афон: «Дел у меня в монастыре, как говорится, непочатый край. С утра до вечера хлопочу. А владыка Василий целыми днями за мной ходил и, знаете, просил поисповедовать его. Я даже удивлялся этому». Он был счастлив, что посетил родную обитель, Святую Гору, где провел 28 лет и все просил архимандрита Серафима: «Ты меня еще раз поисповедай, ты еще раз поисповедай... ну, пожалуйста». Он как будто знал, что больше не вернется сюда, а потому хотелось ему очиститься от всего, что налипло на душу за годы жизни его вне Афона, как будто хотел он снять с себя некую накипь. И это ведь так характерно для настоящего монаха. Он точно также был безмерно счастлив, когда при нем приехало первое пополнение из русской Церкви на Афон. Владыка светился, радовался и все повторял: «Ах, какие хорошие, хорошие пришли монахи!» Он был счастлив за свой монастырь, что жизнь его будет постепенно оживать, что новые монашеские силы дадут возможность монастырю не погибнуть.

Когда владыка Василий приезжал в Москву, я частенько просила рассказать его об Афоне. Особенно меня интересовало старческое окормление и вообще духовное делание, и вот что он мне отвечал: «Помню, когда я только начинал на Афоне, был в первые два года моей жизни старец. Его звали отец Кирик, позже его направили в Чехословакию; тогда была совершенно особая старческая жизнь. Нужно знать, что монахи на Афоне очень замкнутые. Как сказано в житии Марии Египетской, что свидетелем их жизни был только Сам Бог, так и на Афоне: каждый живет своей внутренней жизнью». Я спросила у него о таком светильнике, как отец Силуан: почему, живя рядом с ним, никто из монахов не осознавал, какой это подвижник. А владыка Василий

ответил: «Он делал свое дело и всегда молчал. Никто на Афоне никогда своим внутренним миром не делится. Это характерно для монахов-пустынников».

Образ владыки, его поистине монашеская бедность, всегда поражали меня. После его кончины, мне передали его вещи, и я была потрясена теми изношенными и заштопанными рубашками, — видимо он никогда ничего себе не приобретал, кто-то ему штопал старые вещи, — ведь для него никогда не существовало материальных ценностей, в жизни он был то, что называется «непрактичным человеком», плохо понимал в хозяйстве, а к деньгам был совершенно равнодушен. Единственное, что он берег и собирал, так это свою библиотеку и жил одной мыслью: успеть сказать, написать, помочь людям, ничего не требовал для себя, а стремился делать все только для блага Церкви.

После 1989 года мы с Никитой стали часто бывать в России. Каждый раз навещали Ольгу Александровну. Она смогла приехать к нам в Париж. Мы вспоминали владыку и с радостью отмечали, что дело его не стоит на месте; богословские труды, воспоминания, письма стали широко известны в России и за ее пределами.

Ольга Александровна жаловалась на здоровье и с горечью говорила, что уже не в силах ухаживать за могилой владыки, тем более, что живет в Москве.

А что могли сделать мы, живущие за границей?

В один из наших приездов в Петербург, мы пришли на Серафимовское кладбище и были поражены ухоженностью могилы, из живых белых цветов был выложен крест... Но присмотревшись к мраморному черному постаменту мы огорчились. Золотые буквы составляющие слова «Брюссельский и Бельгийский Кривошеин» были окончательно стерты и странно звучало то, что осталось от надписи: «Архиепископ Василий». Какой Васи-

лий, откуда он и почему к нему такой почет? Нам не хотелось думать о злом умысле, но подобные мысли естественно зашевелились.

Было воскресенье. Мы постояли на службе, вернулись к могиле, нас окружил народ, кто-то прикладывался к кресту, ставил свечи, молодой батюшка предложил послужить панихиду, а кто-то из толпы сказал: «Вот идет Лидия Семеновна Назаретская. Это она ухаживает за могилой». К нам подошла улыбаясь уже немолодая женщина, среднего роста, в черной шляпе. «Вот вы и приехали. А я все пыталась найти ваш адрес, всех спрашивала, хотела написать вам в Париж и рассказать, почему я так привязалась к Владыке. Ведь только его молитвами я и жива...» И потом она поведала свою историю. У нее была первая любовь, жених, который погиб в ополчении в первые месяцы войны, ему было 18 лет. О его смерти она узнала не сразу, а по прошествии нескольких лет, уже после окончания войны. Молодой человек был очень набожным, он долгие годы снился ей и во сне все просил молиться о его душе. Родственников у него не было, осталась одна невеста — Лидия Семеновна, которая продолжала заказывать по нему панихиды. И вот однажды он ей приснился сияющим, радостным и попросил ее съездить в те места, где он погиб, взять земельку и подсыпать под крест, который укажет ей священник. Лидия Семёновна была прихожанкой церкви на Серафимовском кладбище. Она поговорила с настоятелем храма и тот указал ей на могилу владыки Василия (Кривошеина). «Он тоже был когда-то солдатом и к тому же великий молитвенник. Вот сюда и подсыпьте землю». Для Лидии Семеновны с этого момента могила и личность владыки обрели особое значение. Она все узнала о нем, прочла все его книги, стала ревностно ухаживать за могилой (к тому времени она была достаточно заброшенной).

«Скажите Лидия Семеновна, а почему на памятнике чер-

ной краской затерты "Брюссельский и Бельгийский" и фамилия "Кривошеин"? Странно как-то?» — спросил Никита.

«Ох, я и сама не понимаю. Одна женщина мне сказала, "что так лучше... а то какой-то бельгийский, да брюссельский, а еще и Кривошеин". А когда я попыталась сама прописать золотом, то через пару недель опять все исчезло. Мне сказали, что я взяла плохую краску и ее смыло дождем. Но это не так, краска была хорошая».

Докапываться до истинного положения нам не хотелось, но мы твердо решили восстановить истину и пошли вместе с Лидией Семеновной в кладбищенскую контору. Разговор с мастером и последующие за ним деньги сыграли решающую роль.

Через пару месяцев я получила от Лидии Семеновны письмо:

«Дорогая Ксения Игоревна, пишу вам историю о подкраске букв на памятнике. У меня есть золотая масляная краска, я ею крашу шишечки на оградке, красить приходится периодически, но это для меня просто. А вот с буквами совсем другое, я много раз делала и, как вам говорила, все исчезало, а потом отчаялась и решила вовсе не делать. Я говорила со священником, теща которого (по словам некоторых) красила буквы на памятнике владыки, но красила не все буквы. Но на мой вопрос "не сможет ли она прокрасить все слова, потому что у меня есть краска?" — как-то уклонилась от ответа. Я почувствовала, что дело тут в чем-то другом. И как хорошо (это судьба!), что мы с вами встретились, пошли в контору и договорились с начальником. Я присутствовала при обновлении всей надписи и посылаю вам фотографию...»

Так завязалась наша переписка и Лидия Семеновна стала для нас близким человеком.

За долгие годы, вплоть до сентября 2008, она регулярно писала, а я то отвечала на письма, то звонила ей.

«...вчера, когда мы поговорили с Вами по телефону, совсем забыла сказать. Когда я установила портрет владыки на могиле, зажгла лампадку, положила цветы, внезапно сверху буквально налетела огромная стая белых голубей. Их было не меньше тридцати, а может и больше, они сели на оградку, а я в это время уже начала протирать специальной тряпочкой "золотые" головки; голуби же, не боясь меня, кружились надо мною, ходили около моих рук в самой близости, а два самых белых из стаи, один ходил около портрета владыки, а другой сел на самый верх креста. Остальные совершенно не боясь ходили вокруг могилы, чуть не наступая мне на ноги, а потом один пытался сесть мне на плечо... Ничего подобного никогда здесь небывало. Ведь я столько лет ухаживаю за могилой и никогда вообще не видела здесь белых голубей. Мне даже показалось, что, если бы я погладила их, они бы не испугались и отнеслись к этому спокойно. Я иногда думаю, что это не что иное, как новый знак от дорогого владыки, он наверное доволен. Мне ведь так хочется (и это мое единственное желание), чтобы после моего ухода из жизни могила владыки подольше оставалась бы в достойном виде. К сожалению, я убедилась, что желающих заменить меня нет, многие спрашивают: "А кто после Вас будет ухаживать?" Поэтому сколько мне Господь отведет еще сил — не знаю. Но стараюсь сделать на могиле все фундаментально, солидно, красиво и прочно. Даже если потом (когда-нибудь?) будут писать икону владыки, то хорошо бы именно с портрета, который теперь на могиле и добавить обязательно все его пути, места, события, т.е. житие его. На могиле бывает очень много народа, молятся, прикладываются к кресту, кладут под цветы записки с просьбами. Я уверена, что владыка все слышит, а у меня часто бывает, что будто я разговариваю с ним, а он меня подбадривает... Ведь в моей жизни, вернее в том отрезке жизни, более 8 лет, где я непосредственно соприкасаюсь

с его могилой было столько чудесного, странного и всегда хорошего, что я склонна думать, что владыка наблюдает за мной. Он понял, что я хоть и старая, но понимаю его желания, он радуется, а не огорчается. Поймите правильно, ведь я ему рассказываю и о Вас, о Вашей жизни и о многом другом, что происходит у нас в России. Он великий молитвенник, монах и о нас грешных молится...»

У меня за все эти годы накопилось очень много писем от Лидии Семеновны. Они наполнены добром, светом и заботой. И о нашей семье она молилась, подавала записки. Мне пришла странная мысль, что у владыки, на протяжении всей его монашеской жизни, было несколько таких преданных помощниц. Одна из них Ольга Александровна Кавелина, его двоюродная сестра, принявшая тайный постриг с именем Серафима. Вторая, преданная монахиня Екатерина (Ксения Полюхова), была заботливой келейницей и помощницей при жизни владыки в Брюсселе. О ней он написал замечательный рассказ. И вот третья женщина — Лидия Семеновна, ставшая владыке после его смерти загробной келейницей, пришедшая как бы ниоткуда, но, бесспорно, посланная Богом.

В этом году мы приехали в Россию в октябре и, как обычно, я заранее позвонила Лидии Семеновне. Хотелось увидеться с ней в церкви на Серафимовском кладбище, побывать на могиле, вместе отслужить панихиду. Но телефон ее молчал. Я звонила несколько раз, на кладбище мне сказали, что давно ее не видели. Тревога закралась в мое сердце... Совершенно случайно мы разговорились с одной женщиной, она рассказала нам о себе, выяснилось, что она читала книги владыки, интересуется историей семьи Кривошеиных и знакома с Лидией Семеновной. Я попросила Татьяну узнать, не больна ли наша дорогая старушка... Уже вернувшись в Париж, мы получили известие от Татьяны, что в

конце сентября Лидия Семеновна заболела. Говорят, что на протяжении ее внезапной и короткой болезни она все повторяла, что владыка молится о ней и не даст ей долго мучиться. Так и случилось, она скончалась 30 сентября и упокоилась на том же Серафимовском...

Через месяц мы получили письмо от Татьяны, в котором она писала:

«Дорогие Ксения и Никита, на могилке владыки была несколько раз, там все в порядке. Лидия Семеновна действительно оставила все так идеально, что пока требуется только порядок поддерживать. Есть живые цветы и еловые ветки, пока проблема с лампадкой, плохо горит (но это решаемо).

Первый знак "моего признания" за уходом могилы уже есть. Главная фигура в этой части кладбища, как Вы можете догадаться, это дворник храма по прозвищу Буденный. Увидев мои первые действия, он строго заметил, "чтобы царапин на плитке не было, приду, проверю".

Но на мое счастье я была вооружена пластмассовым совком с резиновой кромкой, процесс очистки льда и расчистки дорожки происходил медленно. Дворник действительно вернулся, проверил и, я очень надеюсь, остался мной доволен (пока изгнания не последовало).

Самое главное, что, видимо, владыка меня принял и наше деятельное знакомство состоялось...»

А мы с Никитой подумали, что наша встреча с Татьяной, так же, как и с Лидией Семеновной, чудесным образом была предопределена владыкой.

Париж — Санкт-Петербург, 2008 г.

Примечания:

1. Митрополит Филарет (Вахромеев), тогда митрополит Минский и Бе-

лорусский (с 1978 г.) 1981–1989 гг. — председатель ОВЦС. С 1978 г. по настоящее время — глава Белорусской Православной Церкви.

2. Митрополит Антоний (Мельников) (1924–1986 гг.). С 1978 г. — митрополит Ленинградский и Новгородский.

3. «Церковь Владыки Василия (Кривошеина)», 2004 г. Изд. «Братства во имя св. Александра Невского», Нижний Новгород. Составление и комментарии — диакон Александр Мусин. Воспоминания О.А. Кавелиной, впервые опубликованные в книге «Церковь Владыки Василия (Кривошеина)», приводятся здесь в сокращении.

4. Диакон Михаил Городецкий (Михаил Алексеевич Городецкий) (1932–2003 гг.) родился в семье эмигрантов в Бельгийском Конго. В 1979 г. — диаконская хиротония; член Поместных Соборов 1988 и 1990 гг.

5. Отец Владимир Сорокин (род. 1939 г.). Ныне — протоиерей, профессор, настоятель Князь-Владимирского Собора в Санкт-Петербурге, секретарь Епархиального Совета, благочинный Центрального округа.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие. Священник Димитрий Агеев</i>	5
<i>Введение. Архиепископ Василий (Кривошеин) и Афон. Священник Сергей Модель</i>	7
Афон в духовной жизни Православной Церкви	21
Письма к родным	51
Переписка с Афоном	99
Богословские труды, проповеди, воспоминания	
<i>Некоторые богослужебные особенности у греков и русских и их значение</i>	191
<i>Богословский диалог между Православной Церковью и англиканским вероисповеданием и его проблемы</i>	215
<i>Рассказ о монахине матери Екатерине (Полюховой, 1906–1982)</i>	248
<i>«Оставьте детей приходить ко Мне и не препятствуйте им»</i>	271
<i>Несколько проповедей архиепископа Василия (Кривошеина)</i>	276
<i>Письмо владыки Василия (Кривошеина) митрополиту Антонию (Блуму) в связи с высылкой из СССР А.И. Солженицына</i>	291
<i>Письмо архимандрита Софрония (Сахарова) епископу Василию (Кривошеину)</i>	299
Воспоминания о владыке	
<i>Два святителя. Наталья Рейнгардт</i>	307
<i>Архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий (Кривошеин): биографический очерк. Священник Сергей Модель</i>	320
<i>Архиепископ Василий (Кривошеин) и его отношение к Католической Церкви. Иеромонах Антоний (Ламбрехтс)</i>	335
P. S.	
<i>На родном погосте. Ксения Кривошеина</i>	352